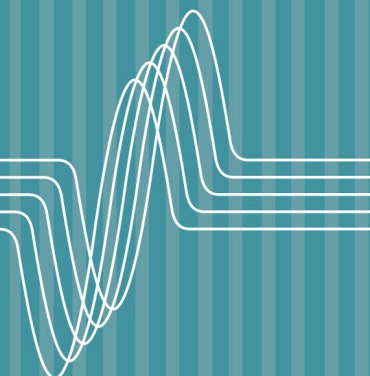
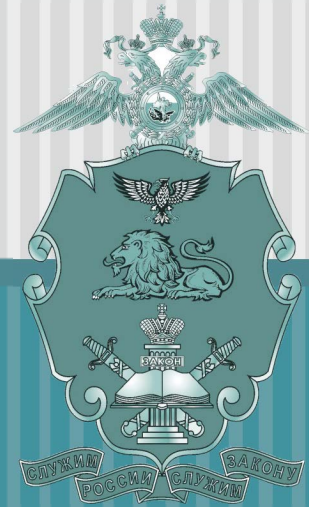

ISSN 2313-5646

3' 2022

ВЕСТНИК

БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА

ВЕСТНИК БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА. 2022. № 3.

Учредитель и издатель:
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС77-80715 от 9 апреля 2021 года.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Главный редактор – Амелычаков И.Ф., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Заместитель главного редактора – Дизер О.А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Александров А.Н., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)
Карагодин А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Катаева О.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Кириллов М.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Чебоксары)
Колмаков П.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Сыктывкар)
Кудрявцев А.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Владимир)
Кузнецов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)
Максименко А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Махина С.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Нижник Н.С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Новикова Е.А., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Нудненко Л.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Петрянин А.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)
Пономарева В.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Красноярск)
Россинский С.Б., доктор юридических наук, доцент (Россия, Москва)
Самсонов В.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)
Солдатов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)
Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Старосельцева М.М., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Степкин Р.М., кандидат юридических наук (Россия, Белгород)
Ткачук Т.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Владимир)
Туранин В.Ю., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Хужин А.М., доктор юридических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Черняков С.А., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Шаров В.И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Заведующий редакцией: Маркова Ю.В.
Редактор: Олейникова Е.А.
Дизайн и компьютерная верстка: Зиновьева И.И.
Сдано в набор 02.08.2022
Подписано к печати 12.08.2022
Дата выхода в свет 18.08.2022

Формат 60x84/8
Объем 11,6 усл. печ. л.
Набор компьютерный. Бумага офисная.
Печать цифровая. Заказ № 47.
Цена: бесплатно. Тираж: 44
16+

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Адрес редакции, издателя, типографии: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.
Контактный телефон: (4722) 51-71-35; факс: (4722) 55-53-31; E-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru
Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 39493

VESTNIK OF PUTILIN BELGOROD LAW INSTITUTE OF MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA. 2022. № 3.

The founder and the publisher:
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
The Journal is registered in The Federal Service for Supervision of Communications Information Technology
and Mass Media (Roskomnadzor).
The Mass Media Registration Certificate PI № FS77-80715 of April 9, 2021.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL:

Editor-in-Chief – Igor F. Amelchakov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Deputy Editor-in-Chief – Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Alexey N. Alexandrov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Ivan P. Kamyshevsky, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)
Alexander V. Karagodin, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Olga V. Kataeva, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Mikhail A. Kirillov, Doctor of Law, Professor (Cheboksary, Russia)
Peter A. Kolmakov, Doctor of Law, Professor (Syktyvkar, Russia)
Alexey V. Kudryavtsev, Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir, Russia)
Alexander P. Kuznetsov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Alexander V. Maksimenko, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Svetlana N. Makhina, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Nadezhda S. Nizhnik, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
Ekaterina A. Novikova, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Lydia A. Nudnenko, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Alexey V. Petryanin, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Valeria V. Ponomareva, Doctor of Law, Professor (Krasnoyarsk, Russia)
Sergey B. Rossinsky, Doctor of Law, Associate Professor (Moscow, Russia)
Valery N. Samsonov, Doctor of Law, Professor (Belgorod, Russia)
Alexander P. Soldatov, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)
Yuri N. Starilov, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Marina M. Staroseltseva, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Roman M. Stepkin, Candidate of Law (Belgorod, Russia)
Tatiana A. Tkachuk, Doctor of Law, Professor (Vladimir, Russia)
Vladislav Yu. Turanin, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Alfir M. Huzhin, Doctor of Law, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Sergey A. Chernyakov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Victor I. Sharov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of basic results of candidate and doctoral theses

Head of the Editorial Staff: Julia V. Markova
Editor: Elena A. Oleynikova
Design and computer make-up: Irina I. Zinovieva
It is handed over in a set 12.08.2022
It is passed for the press 18.08.2022

Format 60x84/8
Volume 11,6 printer's sheets
Typing. Office paper. Digital printing.
Order № 47. Price: free of charge.
Printed copies: 44
16+

It is printed in the Polygraphic and Operative Press Department of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 71, Gorky street, Belgorod, 308024.

The address of the publisher and edition: 308024, Belgorod, Gorky street, 71.
Contact phone: (4722) 51-71-35; Fax: (4722) 55-53-31; E-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru
Subscription index in Unified catalogue "Press of Russia" – 39493

© Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 2022
© Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

БОРКОВ В.Н., ПАВЛОВ А.В. ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	4	BORKOV V.N., PAVLOV A.V. CRIMES COMMITTED DURING THE IMPLEMENTATION OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS
ГОТЧИНА Л.В., НОВОПАВЛОВСКАЯ Е.Е. СМЕРТНАЯ КАЗНЬ: ПРИМЕНЯТЬ ИЛИ ЗАБЫТЬ?	11	GOTCHINA L.V., NOVOPAVLOVSKAYA E.E. THE DEATH PENALTY: APPLY OR FORGET?
ВАКУТИН А.А., КАРПОВА О.В. ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА	19	VAKUTIN A.A., KARPOVA O.V. PROBLEMS OF ENFORCEMENT OF PROPERTY CONFISCATION
СТЕПАНОВА О.Ю., БОГАЧЁВА М.В. СТАТУС СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	24	STEPANOVA O.YU., BOGACHEVA M.V. STATUS OF AN EMPLOYEE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES UNDER THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
ИЛЬИН И.С. МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДЕМОНСТРАТИВНО-ПРОТЕСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ	31	ILYIN I.S. MEASURES TO PREVENT DEMONSTRATIVE PROTEST CRIME ASSOCIATED WITH THE USE OF POLICE COERCIONS
МОРОЗОВ Д.В., СТАРОСЕЛЬЦЕВА М.М. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЖЕНЩИНЫ- ПРЕСТУПНИЦЫ	36	MOROZOV D.V., STAROSELTSEVA M.M. VALUE ORIENTATIONS OF A CRIMINAL WOMAN
АЛЕШИНА-АЛЕКСЕЕВА Е.Н. СУДЕБНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СТАТЕЙ 176, 177 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)	42	ALESHINA-ALEKSEEVA E.N. JUDICIAL INTERPRETATION OF ECONOMIC CRIMES IN THE SPHERE OF CREDITING (BY THE EXAMPLE OF ARTICLES 176, 177 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)
САДЧИКОВА Д.Н. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ КАК «ТРУДОВОЕ» НАКАЗАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ	48	SADCHIKOVA D.N. FORCED LABOR AS A "LABOR" PUNISHMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION: ADVANTAGES AND RISKS
ЧИНЁНОВ А.В. ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С ЛИКВИДАЦИЕЙ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА	54	CHINENOV A.V. THE IMPACT OF THE PANDEMIC ON THE ECONOMIC PROCESSES THAT STIMULATE CRIME ASSOCIATED WITH THE LIQUIDATION OF A LEGAL ENTITY
СТЕПАНОВА М.А., ЦАРЁВ Е.В. МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ	60	STEPANOVA M.A., TSAREV E.V. FRAUD USING ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT: QUALIFICATION PROBLEMS

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

CRIMINAL PROCEDURE

НАСОНОВА И.А., ХАЛИМОНЕНКО С.С.
МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ ЗАПРЕТА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ

64 NASONOVA I.A., KHALIMONENKO S.S.
THE PLACE AND SIGNIFICANCE OF PROHIBITION IN THE CRIMINAL PROCEDURE LAW OF RUSSIA

**КРИМИНАЛИСТИКА,
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

**CRIMINALISTICS,
OPERATIONAL SEARCH ACTIVITY**

РОДИНА Е.Ю., ЧЕЛЫШЕВА О.В.
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

69 RODINA E.JU., CHELYSHEVA O.V.
ORGANIZATIONAL AND LEGAL POSSIBILITIES OF USING MOLECULAR GENETIC EXPERTISE

**АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО.
АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПОЛИЦИИ**

**ADMINISTRATIVE LAW.
ADMINISTRATIVE ACTIVITY OF POLICE**

ТРОШЕВ Д.Б., КАРАГОДИН А.В.
ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ВВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПАСПОРТОВ БОЛЕЛЬЩИКОВ (FAN ID)

76 TROSHEV D.B., KARAGODIN A.V.
ON CERTAIN ASPECTS OF THE INTRODUCTION OF FAN PASSPORTS IN THE RUSSIAN FEDERATION (FAN ID)

СТЕПКИН Р.М., РЯПУХИНА И.А.
О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 20.3.3 КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

83 STEPKIN R.M., RYAPUKHINA I.A.
SOME LAW ENFORCEMENT PRACTICE ISSUES IN CASE OF BRINGING TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY UNDER PART 1 OF THE ARTICLE 20.3.3 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

INTERNATIONAL EXPERIENCE

ТИТ А.А.
РАЗВИТИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА ЗА РУБЕЖОМ

88 TIT A.A.
DEVELOPMENT OF CRIMINOLOGICAL THOUGHT ABOUT THE IDENTITY OF A CRIMINAL ABROAD

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

БЕЛОВ М.В.
УТВЕРЖДЕНИЕ ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА (ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ) НАЧАЛЬНИКОМ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДОЗНАВАТЕЛЯ

94 BELOV M.V.
APPROVAL OF THE BILL OF INDICTMENT BY THE HEAD OF THE BODY OF ENQUIRY AS A REFLECTION OF THE PROCEDURAL POSITION OF THE INQUIRER

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ
ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ****CRIMES COMMITTED DURING THE IMPLEMENTATION OF
EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

УДК 343

В.Н. БОРКОВ,

доктор юридических наук, доцент
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
borkovv@mail.ru

А.В. ПАВЛОВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
pavlov_oma@mail.ru

VIKTOR N. BORKOV,

Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

ANTON V. PAVLOV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

Аннотация: ведущую роль в охране любых общественных отношений, в том числе и развивающихся в сфере судопроизводства, играет уголовный закон. Анализ судебной практики свидетельствует о существующих проблемах квалификации преступлений, совершаемых следователями и дознавателями при осуществлении доказывания. В статье показано, что они обусловлены несоответствием текста уголовно-правовых запретов, а также их устоявшегося толкования развивающемуся уголовно-процессуальному законодательству. Сложности установления факта фальсификации доказательств часто связаны с уяснением содержания предмета преступления, субъекта и обстановки его совершения. Авторы связывают проблемы уголовно-правовой охраны правоотношений, возникающих в сфере судопроизводства, со складывающейся интерпретацией их позитивного регулирования. В работе предлагается уточнить содержание отдельных уголовно-процессуальных категорий (предмет доказывания, понятие доказательств, субъекты доказывания, начало процесса доказывания), используемых в уголовном законе, которое позволит создать дополнительные условия правомерности осуществления властными субъектами обвинительной деятельности. Разрешение описанного противоречия предлагается путем устранения неопределенности в вопросах интерпретации ключевых понятий доказательственного права и их использования в едином значении в уголовном законе. В целях совершенствования уголовно-правовой охраны процесса доказывания авторы статьи предлагают уточненное представление о форме и содержании доказательств, о том, какие обстоятельства и на каком этапе уголовного судопроизводства требуют доказывания, а также о субъекте доказывания.

Ключевые слова: фальсификация доказательств, служебный подлог, доказывание, доказательства.

Для цитирования: Борков В.Н., Павлов А.В. Преступления, совершаемые при осуществлении доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 3. – С. 4–10.

Abstract: the leading role in the protection of any social relations, including those developing in the field of legal proceedings, is played by the criminal law. The analysis of judicial practice testifies to the existing problems of qualification of crimes committed by investigators and interrogating officers in the course of proving. The article shows that they are due to the inconsistency of the text of criminal law prohibitions, as well as their well-established interpretation, with the developing criminal procedure legislation. The difficulties of establishing the fact of falsification of evidence are often associated with understanding the content of the subject of the crime, the

subject and the situation in which it was committed. The authors connect the problems of criminal law protection of legal relations arising in the field of legal proceedings with the emerging interpretation of their positive regulation. The paper proposes to clarify the content of certain criminal procedural categories (the subject of proof, the concept of evidence, the subjects of proof, the beginning of the process of proof) used in the criminal law, which will create additional conditions for the legitimacy of the implementation of prosecution activities by powerful subjects. The resolution of the described contradiction is proposed by eliminating the uncertainty in the interpretation of the key concepts of the law of evidence and their use in a single meaning in the criminal law. In order to improve the criminal law protection of the process of proof, the authors of the article offer a refined idea of the form and content of evidence, about what circumstances and at what stage of criminal proceedings require proof, as well as about the subject of proof.

Keywords: falsification of evidence, official forgery, proof, evidence.

For citation: Borkov V.N., Pavlov A.V. Crimes committed during the implementation of evidence in criminal proceedings // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2022. – № 3. – P. 4–10.

Принимаемые в уголовном судопроизводстве решения должны быть обоснованными, а все обстоятельства, имеющие для этого значение, доказанными. «Искажение доказательств может привести к незаконным и ошибочным судебным решениям и в конечном счете не только нарушает установленный... процессуальный порядок, но и подрывает сущность правосудия по уголовным делам как такового»¹. Ведущую роль в охране нормального развития любых правоотношений играет уголовный закон. Особенно значимо его правильное применение в отношении должностных лиц, совершающих умышленные посяательства, связанные с реализацией лежащей на них обязанности по осуществлению уголовного преследования. Обращение к судебной практике свидетельствует о сложностях квалификации фальсификации доказательств, связанных с пониманием предмета преступления, субъекта и обстановки его совершения. Отправной точкой будет являться уточнение содержания отдельных уголовно-процессуальных категорий (предмет доказывания, понятие доказательств, субъекты доказывания, начало процесса доказывания), используемых в уголовном законе, которое позволит создать дополнительные условия правомерности осуществления властными субъектами обвинительной деятельности.

В совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 292 Уголовного кодекса Российской Федерации² и ст. 300 УК РФ, обвинялся дознаватель П., который при расследовании уголовного

дела, возбужденного по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ, подделал заявление потерпевшей от неуплаты средств на содержание детей о возмещении ей ущерба и заглаживании вреда, а затем прекратил уголовное дело³ на основании ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁴. Квалификация подделки заявления от потерпевшей о возмещенном ей ущербе и заглаженном вреде как служебного подлога (ч. 2 ст. 292 УК РФ), а не фальсификации доказательств по уголовному делу (ч. 2 ст. 303 УК РФ) не бесспорна. В соответствии с ч. 1 ст. 74 УПК РФ «доказательствами... являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель... устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела», т.е. доказывается не только виновность или невиновность лица в совершении преступления, но иные обстоятельства, имеющие значение для разрешения дела.

«Оценка федеральным законодателем характера и степени общественной опасности фальсификации доказательств по уголовному делу, – разъясняет Конституционный Суд Российской Федерации, – отражает то значение, которое имеют доказательства... для принятия решений в уголовном судопроизводстве...»⁵. Вопрос о при-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чогина Фиделя Павловича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 303 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № 947-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Далее – УК РФ.

³ Приговор Кировского районного суда г. Екатеринбурга за 2020 г. Уголовное дело № 1-10/2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.01.2022).

⁴ Далее – УПК РФ.

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чогина Фиделя Павловича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 303 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № 947-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

знании доказательством заявления о возмещении потерпевшему ущерба и заглаживании вреда, подтверждающего выполнение одного из условий прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ), является достаточно сложным. Для его разрешения необходимо выяснить, какой значимый факт устанавливается в ходе производства по уголовному делу посредством обращения данного участника. Исходя из понятия доказательства, предусмотренного в ст. 74 УПК РФ, заявление потерпевшего может претендовать на установление обстоятельства, подлежащего доказыванию, или иного обстоятельства, имеющего значение для уголовного дела.

Выделение первого подхода обусловлено тем, что в приведенном примере фальсификации подверглись два условия освобождения от уголовной ответственности (ст. 76 УК РФ). Во-первых, факт заглаживания причиненного вреда потерпевшему, под которым следует понимать возмещение ущерба, а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего. Причем важно отметить, что способы заглаживания вреда, а также размер его возмещения определяются потерпевшим⁶. Во-вторых, факт примирения лица, совершившего преступление, с потерпевшим. Принимая во внимание, что отмеченные обстоятельства имеют уголовно-правовое значение, необходимость их установления предусмотрена в ст. 76 УК РФ, соответственно, они должны быть доказаны в порядке, предусмотренном УПК РФ. Изложенные доводы позволяют нам предположить, что заявление о согласии с прекращением уголовного дела следует рассматривать в качестве доказательства (иной документ), содержание которого позволяет установить обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности (п. 7 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

В качестве дополнительного аргумента можем отметить, что для установления обстоятельств примирения потерпевшего с преследуемым лицом могут быть получены и другие виды доказательств (показания потерпевшего, свидетеля; осмотр предметов и документов; заключение и показание эксперта и др.). Об этом свидетельствует следующий пример. Так, за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 303 УК РФ и ст. 300 УК РФ, была осуждена дознаватель Ч., которая, «не желая проводить предусмотренный УПК РФ объем следственных действий»

⁶ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

по переданному ей в производство уголовному делу, возбужденному старшим дознавателем М. в отношении Г. по ч. 1 ст. 119 УК РФ, «при помощи компьютерной и печатной техники изготовила подложный протокол допроса потерпевшей Г. от имени старшего дознавателя М., в который внесла сведения об анкетных данных допрашиваемого лица Г., а также не соответствующие действительности (мнимые) показания потерпевшей Г. о ее примирении с подозреваемым Г. и заглаживании им причиненного вреда. После чего Ч. собственноручно выполнила в данном протоколе все предусмотренные бланком протокола подписи и рукописную запись от имени потерпевшей Г. «с моих слов напечатано верно, мною прочитано», а также подписала протокол от имени старшего дознавателя М. и приобщила его к материалам уголовного дела...»⁷. В приведенном примере фальсификация также не имела целью создание ложных доказательств виновности или невиновности лица, а создавала предпосылки для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон.

При рассмотрении второго подхода необходимо выяснить, что следует поднимать под иными обстоятельствами (кроме названных в ст. 73 УПК РФ), имеющими значение для уголовного дела. На данный статус претендуют доказательственные факты, их выделение обусловлено использованием косвенных доказательств. Система косвенных доказательств позволяет установить доказательственные факты, на основе которых делаются выводы об обстоятельствах предмета доказывания [1, с. 89–91]. В этом случае с помощью доказательств предварительно следует устанавливать обстоятельства, которые непосредственно не входят в предмет доказывания [2, с. 434–437]. Тем не менее очевидно, что в конечном итоге промежуточные факты все же используются для констатации обстоятельств, образующих предмет доказывания.

Кроме обстоятельств, непосредственно направленных на разрешение уголовного дела, и вспомогательных фактов возникает необходимость обоснования принятия промежуточных решений. Следует согласиться с В.А. Азаровым, В.А. Константиновой, которые обоснованно считают, что фактические обстоятельства, лежащие в основе любого промежуточного решения, должны быть достоверно установлены и доказаны [3, с. 123]. В ряде случаев законодатель прямо оговаривает, что они устанавливаются доказательствами. Так, продление срока задержания

⁷ Приговор Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края за 2018 г. Уголовное дело № 1-185/2018 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.01.2022).

допускается при условии признания судом задержания законным и обоснованным на срок не более 72 часов с момента вынесения судебного решения по ходатайству одной из сторон для представления ею дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. В решениях Конституционного Суда Российской Федерации отмечается необходимость установления посредством доказательств не только обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ⁸. Так, суд, в соответствии с общими правилами доказывания, обязан установить размер вреда, причиненный в результате незаконного уголовного преследования. С этой целью нужны доказательства, например, показания свидетелей и заключение эксперта, могут быть собраны по инициативе суда или по ходатайству заинтересованных лиц. С этим не расходятся и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации⁹, согласно которым уголовно-процессуальным законом для реабилитированных установлен упрощенный по сравнению с исковым порядком гражданского судопроизводства режим правовой защиты, освобождающий их от бремени доказывания оснований и размера возмещения имущественного вреда.

В другом случае за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 292 УК РФ и ст. 300 УК РФ, был осужден начальник отделения дознания С., который «... достоверно зная, что по уголовному делу... установлен подозреваемый, из иной личной заинтересованности, которая заключалась в желании им скрыть факты не проведения его непосредственным подчиненным... и им лично в течение длительного времени следственных действий по уголовному делу, с целью сокрытия нарушения разумных сроков дознания, исключения необходимости ходатайствовать перед прокурором о продлении срока и, как следствие, незаконного освобождения от уголовной ответственности подозреваемого внес в официальные документы уголовного дела исправления, искажающие их действительное содержание»¹⁰.

⁸ По делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.П. Атрощенко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2021 г. № 41-П [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 (п. 3) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

жание»¹⁰. С. «незаконно изъял и уничтожил из материалов уголовного дела процессуальные документы, содержащие сведения о подозреваемом: рапорт участкового уполномоченного полиции... об обнаружении признаков преступления; объяснение...; постановление о возбуждении уголовного дела... и принятии его к производству... в отношении конкретного лица...». Затем С. изготовил постановление о возбуждении уголовного дела по факту совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 167 УК РФ, а не в отношении конкретного лица и постановление о приостановлении дознания.

В исследуемом примере начальник отделения дознания не только внес ложные сведения в официальный документ, каковым является постановление о возбуждении уголовного дела [4, с. 296; 5, с. 60], но и уничтожил рапорт участкового уполномоченного полиции об обнаружении признаков преступления, т.е. уничтожил доказательство.

Специалисты обоснованно рассматривают уничтожение доказательств по уголовному делу в качестве их фальсификации (ч. 2 ст. 303 УК РФ) [5, с. 62; 6, с. 70; 7, с. 15]. «Под фальсификацией доказательств, – разъясняет Верховный Суд Российской Федерации, – понимается искусственное создание или уничтожение доказательств, независимо от того, являются ли они доказательствами обвинения или защиты, а также независимо от наступления каких-либо последствий, от того, являлось ли целью фальсификации доказательств осуждение лица или, наоборот, его оправдание либо иная цель»¹¹. Начальник отделения дознания С. не принимал уголовного дела к своему производству (ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ). Поэтому вопрос о возможной квалификации уничтожения им рапорта участкового уполномоченного по ч. 2 ст. 303 УК РФ, т.е. как «фальсификации доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание...», является сложным. С точки зрения Ю.А. Цветкова, для привлечения к уголовной ответственности за провокацию преступлений необходимо, чтобы собрание доказательств вытекало из установленных законом обязанностей конкретного лица [8, с. 93]. Как квалифицировать уничтожение доказательств лицом, которое не расследовало уголовное дело, а совершило такие действия, например, с использованием своего служебного положения?

¹⁰ Приговор Кировского районного суда г. Екатеринбурга за 2020 г. Уголовное дело № 1-10/2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.01.2022).

¹¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 сентября 2010 г. № 46-О10-80 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Данная проблема обусловлена неоднозначным подходом к кругу субъектов фальсификации доказательств по уголовному делу. Одни авторы считают перечень данных субъектов исчерпывающим, ограничиваясь участниками, указанными в ст. 303 УК РФ (лицо, производящее дознание, следователь, прокурор или защитник) [9, с. 16]. Известны предложения об исключении из данного перечня защитника [10, с. 435]. Возможно, этот подход сформирован исходя из перечня субъектов, которые непосредственно собирают доказательства в порядке, установленном в ст. 86 УПК РФ.

Назовем два аргумента, которые ставят под сомнение обоснованность данного подхода. Во-первых, можно выделить властных субъектов, которые имеют право принятия уголовного дела к своему производству собирать доказательства. Так, руководитель следственного органа вправе лично допрашивать подозреваемого, обвиняемого без принятия уголовного дела к своему производству при рассмотрении вопроса о даче согласия следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Кроме того, следователь-криминалист вправе производить отдельные следственные и иные процессуальные действия без принятия уголовного дела к своему производству (п. 40.1 ст. 5 УПК РФ).

Во-вторых, как ранее было указано, под фальсификацией доказательств понимается не только их искусственное создание, но и уничтожение. В этой связи представляется аргументированной позиция А.В. Яшина о том, что руководитель следственного органа и начальник подразделения дознания могут сфальсифицировать доказательства во время проверки уголовных дел [11, с. 65].

Другие ученые еще больше расширяют данный перечень, включая в него таких участников, как потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, эксперт, специалист и иное лицо, которые могут иметь фактическое влияние на процесс доказывания [12, с. 17–20].

Фальсификация данных о совершенном преступлении может быть осуществлена и до возбуждения уголовного дела. Органы предварительного расследования квалифицировали по совокупности посягательств, предусмотренных ч. 1 ст. 286 УК РФ и ст. 300 УК РФ, действия дознавателя Т., которая сфальсифицировала объяснение сотрудника ГИБДД, доставившего лицо, заподозренное в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, и, не желая выполнять значительный объем работы по изобличению последнего, вынесла постановление об отказе в возбуждении

уголовного дела. В сфальсифицированном объяснении Т. указала, что сотрудник ГИБДД заявил, что не сможет опознать лицо, которое вышло из-за руля автомобиля¹². Квалификация действий дознавателя, сфальсифицировавшего объяснение сотрудника ГИБДД, по ч. 1 ст. 286 УК РФ предполагает, что субъект явно вышел за пределы предоставленных ему полномочий, что повлекло причинение существенного вреда интересам личности, общества и государства. Фальсификация объяснения так же, как и доказательства по делу, только создает предпосылки для принятия незаконного процессуального решения.

С.М. Смолин полагает, что о фальсификации доказательств по уголовному делу не может быть и речи там, где никакого уголовного дела нет [13, с. 90]. По мнению Е.Г. Быковой и А.А. Казакова, «на стадии возбуждения уголовного дела так же, как и в ходе предварительного расследования, не исключено умышленное искажение доказательств» [14, с. 3]. «Действия должностного лица, сфальсифицировавшего протоколы следственных действий на этапе доследственной проверки, – подлежат указанным авторам, – надлежит оценивать по ч. 1 либо п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ как превышение должностных полномочий...» «Зачастую подобные доследственные проверки, – отмечают в одном из аргументов авторы, – проводятся оперативными сотрудниками или участковыми уполномоченными. Исходя из буквального толкования положений ч. 2 ст. 303 УК РФ эти лица вообще не являются субъектами фальсификации доказательств по уголовному делу» [14]. Оценку искажения в материалах доследственной проверки реальных обстоятельств исследуемого события нужно делать в контексте принимаемого осуществляющим ее лицом процессуального решения, и если с учетом сфальсифицированных оснований было принято заведомо незаконное решение, то квалифицировать содеянное следует как злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ).

Подобный подход мог быть обусловлен тем, что деятельность на стадии возбуждения уголовного дела не признавалась доказыванием. Так, в соответствии с Концепцией судебной реформы РСФСР, «сохранение административной по своей природе доследственной проверки, заявлений и сообщений о совершении преступления до возбуждения уголовного дела не соответствует демократической направленности предлагаемых преобразований. Собственно, в виде такой „про-

¹² Приговор Ангарского городского суда Иркутской области за 2019 г. Уголовное дело № 1-14/2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.01.2022).

верки“ мы имеем суррогат расследования, причем ее результаты могут предрешить исход дела, а собранные материалы под названием „иные документы“ – использоваться как доказательства. При этом информация добывается непроцессуальными, то есть наименее надежными в контексте уголовного судопроизводства, средствами»¹³.

Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» существенно повлиял на содержание стадии возбуждения уголовного дела. Эти изменения коснулись в том числе доказательственного значения полученных на данном этапе материалов. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений статей 75 и 89 УПК РФ. Одновременно с этим в ч. 1 ст. 144 УПК РФ на властные субъекты была возложена обязанность по соблюдению прав лиц, вовлеченных в проверку сообщения о преступлении. Следует обратить внимание при сборе сведений, имеющих доказательственное значение для проверки сообщения о преступлении, на разъяснения Верховного Суда Российской Федерации. Особое значение имеет демонстрируемый судом подход к оценке доказательств: «...в тех случаях, когда в ходе проверки сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ, подсудимый обращался с письменным или устным заявлением о явке с повинной и сторона обвинения ссылается на указанные в этом заявлении сведения как на одно из доказательств его виновности, суду надлежит проверять, в частности, разъяснялись ли подсудимому при принятии от него такого заявления с учетом требований части 1.1 статьи 144 УПК РФ права не свидетельствовать против самого себя, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и

¹³ О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

решения органов предварительного расследования в порядке, установленном главой 16 УПК РФ; была ли обеспечена возможность осуществления этих прав»¹⁴.

В судебной практике активно используются доказательства, полученные до возбуждения уголовного дела: протоколы следственных действий, объяснения, протоколы явки с повинной и др.¹⁵ В юридической литературе высказывались и иные аргументы в обоснование начала процесса доказывания на стадии возбуждения уголовного дела [15, с. 16–17; 16, с. 31–36; 17, с. 54–57].

Таким образом, проблемы охраны правоотношений в сфере уголовного судопроизводства от преступлений, совершаемых его участниками со стороны обвинения, обусловлены несоответствием текста уголовно-правовых запретов, а также их устоявшегося толкования развивающемуся уголовно-процессуальному законодательству. Устранение неопределенности в вопросах интерпретации ключевых понятий доказательственного права, их использование в едином значении в уголовном законе позволит расширить сферу охранительного воздействия уголовного закона на правоотношения, связанные с уголовным преследованием. Для совершенствования уголовного закона и практики его применения необходимо уточнить наше представление о форме и содержании доказательств, о том, какие обстоятельства и на каком этапе уголовного судопроизводства требуют доказывания, а также о субъекте доказывания.

¹⁴ О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 октября 2019 г. Дело № 47-АПУ19-6 [Электронный ресурс]. – URL: sudact.ru/vsrf/doc/Vv3ObLCg3m61/ (дата обращения: 12.02.2022); Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 сентября 2019 г. Дело № 33-АПУ19-18сп [Электронный ресурс]. – URL: sudact.ru/vsrf/doc/68bJh4Ec0sVB (дата обращения: 12.02.2022); Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2006 г. № 67-о06-23сп [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. **Костенко Р.** Обстоятельства, устанавливаемые по уголовным делам, и доказательства // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 89–91.
2. **Зернов А.О., Липский Н.А.** Предмет доказывания и обстоятельства, подлежащие доказыванию в уголовном процессе // Неделя Науки СПбПУ: сборник материалов научной конференции с международным участием. – Санкт-Петербург, 2018. С. 434–437.
3. **Азаров В.А., Константинова В.А.** Рецензия на монографию «Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве» // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2021. – Т. 18. – № 4. – С. 121–125.
4. **Мурзина А.А.** Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности // Научный электронный журнал «Меридиан». – 2020. – № 9. – С. 295–297.

5. **Климова Ю.Н.** Фальсификация доказательств по уголовному делу: особенности объективных и субъективных признаков // Вестник Владимирского юридического института. – 2020. – № 2. – С. 58–66.
6. **Быкова Е.Г., Казаков А.А.** Особенности квалификации преступлений, предусмотренных статьей 303 Уголовного кодекса Российской Федерации: учебное пособие. – Москва, 2022. – 152 с.
7. **Архипова К.А., Фабрика Т.А.** К вопросу о проблемах объективной стороны, возникающих в регламентации норм об ответственности за фальсификацию доказательств по уголовному делу // Юридический факт. – 2021. – № 153. – С. 14–16.
8. **Цветков Ю.А.** Вопросы объективной стороны фальсификации доказательств // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 90–97.
9. **Кибальник А., Майборода В.** Фальсификация доказательств: уголовная ответственность // Законность. – 2009. – № 1. – С. 14–17.
10. **Ворончихина Е.В.** Фальсификация доказательств: актуальные проблемы // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 5. – С. 433–440.
11. **Яшин А.В.** Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу как средство защиты участников уголовного судопроизводства // Закон и право. – 2011. – № 6. – С. 64–66.
12. **Макаренко И.А.** Некоторые способы фальсификации доказательств на предварительном следствии // Российский следователь. – 2018. – № 2. – С. 17–20.
13. **Смолин С.В.** Уголовно-правовая оценка инсценировки совершения преступления // Библиотека криминалиста. – 2015. – № 1. – С. 87–94.
14. **Быкова Е.Г., Казаков А.А.** Проблемы правовой оценки фальсификации протоколов следственных действий на стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. – 2021. – № 9. – С. 3–7.
15. **Сергеев А.Б., Овчинникова О.В.** Возможность доказывания в стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. – 2009. – № 20. – С. 15–17.
16. **Зажичий В.И.** Соотношение доказывания в уголовном процессе и познания, осуществляемого в стадии возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. – 2010. – № 7. – С. 31–37.
17. **Халиков А.Н.** Собрание доказательств в ходе проверки сообщения о преступлении // Законность. – 2013. – № 12. – С. 54–57.

References

1. **Kostenko R.** Obstoyatel'stva, ustanavlivaemye po ugovolnym delam, i dokazatel'stva // Uголовное право. – 2006. – № 2. – С. 89–91.
2. **Zernov A.O., Lipskii N.A.** Predmet dokazyvaniya i obstoyatel'stva, podlezhashchie dokazyvaniyu v ugovolnom protsesse // Nedelya Nauki SPbPU: sbornik materialov nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. – Sankt-Peterburg, 2018. S. 434–437.
3. **Azarov V.A., Konstantinova V.A.** Retsenziya na monografiyu "Dokazyvanie i prinyatie reshenii v sostyazatel'nom ugovolnom sudoproizvodstve" // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2021. – T. 18. – № 4. – С. 121–125.
4. **Murzina A.A.** Fal'sifikatsiya dokazatel'stv i rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti // Nauchnyi elektronnyi zhurnal "Meridian". – 2020. – № 9. – С. 295–297.
5. **Klimova Yu.N.** Fal'sifikatsiya dokazatel'stv po ugovolnomu delu: osobennosti ob'ektivnykh i sub'ektivnykh priznakov // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. – 2020. – № 2. – С. 58–66.
6. **Bykova E.G., Kazakov A.A.** Osobennosti kvalifikatsii prestuplenii, predusmotrennykh stat'ei 303 Ugovolnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: uchebnoe posobie. – Moskva, 2022. – 152 s.
7. **Arkhipova K.A., Fabrika T.A.** K voprosu o problemakh ob'ektivnoi storony, voznikayushchikh v reglamentatsii norm ob otvetstvennosti za fal'sifikatsiyu dokazatel'stv po ugovolnomu delu // Yuridicheskii fakt. – 2021. – № 153. – С. 14–16.
8. **Tsvetkov Yu.A.** Voprosy ob'ektivnoi storony fal'sifikatsii dokazatel'stv // Uголовное право. – 2016. – № 6. – С. 90–97.
9. **Kibal'nik A., Maiboroda V.** Fal'sifikatsiya dokazatel'stv: ugovolnaya otvetstvennost' // Zakonnost'. – 2009. – № 1. – С. 14–17.
10. **Voronchikhina E.V.** Fal'sifikatsiya dokazatel'stv: aktual'nye problemy // Voprosy rossiiskoi yustitsii. – 2020. – № 5. – С. 433–440.
11. **Yashin A.V.** Ugovolnaya otvetstvennost' za fal'sifikatsiyu dokazatel'stv po ugovolnomu delu kak sredstvo zashchity uchastnikov ugovolnogo sudoproizvodstva // Zakon i pravo. – 2011. – № 6. – С. 64–66.
12. **Makarenko I.A.** Nekotorye sposoby fal'sifikatsii dokazatel'stv na predvaritel'nom sledstvii // Rossiiskii sledovatel'. – 2018. – № 2. – С. 17–20.
13. **Smolin S.V.** Ugolovno-pravovaya otsenka instsenirovki soversheniya prestupleniya // Biblioteka kriminalista. – 2015. – № 1. – С. 87–94.
14. **Bykova E.G., Kazakov A.A.** Problemy pravovoi otsenki fal'sifikatsii protokolov sledstvennykh deistvii na stadii vozbuzhdeniya ugovolnogo dela // Uголовное право. – 2021. – № 9. – С. 3–7.
15. **Sergeev A.B., Ovchinnikova O.V.** Vozmozhnost' dokazyvaniya v stadii vozbuzhdeniya ugovolnogo dela // Rossiiskii sledovatel'. – 2009. – № 20. – С. 15–17.
16. **Zazhichskii V.I.** Sootnoshenie dokazyvaniya v ugovolnom protsesse i poznaniya, osushchestvlyаемого v stadii vozbuzhdeniya ugovolnogo dela // Rossiiskaya yustitsiya. – 2010. – № 7. – С. 31–37.
17. **Khalikov A.N.** Sobiranie dokazatel'stv v khode proverki soobshcheniya o prestuplenii // Zakonnost'. – 2013. – № 12. – С. 54–57.

(статья сдана в редакцию 12.05.2022)

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ: ПРИМЕНЯТЬ ИЛИ ЗАБЫТЬ?

THE DEATH PENALTY: APPLY OR FORGET?

УДК 343.25

Л.В. ГОТЧИНА,

доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета
Российской Федерации,
Россия, Санкт-Петербург)
ORCID: 0000-0003-4477-6559
lgotchina@yandex.ru

LARISA V. GOTCHINA,

Doctor of Law, Professor
(Saint Petersburg Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russia)

Е.Е. НОВОПАВЛОВСКАЯ,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский государственный
технологический университет им. В.Г. Шухова,
Россия, Белгород)
novopavlovskayae@gmail.com

ELENA E. NOVOPAVLOVSKAYA,

Candidate of Law, Associate Professor
(Belgorod State Technological University
named after V.G. Shukhov,
Belgorod, Russia)

Аннотация: сложная геополитическая обстановка, проведение Российской Федерацией специальной военной операции по демилитаризации и денацификации на территории Украины, исключение России из Совета Европы сформировали ряд предпосылок для широкомасштабных изменений российского законодательства, затрагивающих все сферы жизни общества. Особо актуально сформулирован вопрос о необходимости реанимировать процедуру применения смертной казни в России.

В статье приведены результаты исторического анализа развития законодательства с периода зарождения смертной казни в России до настоящего времени; обозначены актуальные проблемы правовой регламентации и практики применения смертной казни в качестве исключительной меры наказания. Обращено внимание на дискуссионность вопроса о применении данного вида наказания сегодня, приводятся в качестве обоснования решения Конституционного Суда Российской Федерации, международная практика, указывается на связывающие Российскую Федерацию обязательства, навязываемые Советом Европы. Представлены различные точки зрения юристов, психологов, социологов, сторонников и противников применения смертной казни в России на современном этапе. Обосновывается авторское видение вопроса о перспективе возвращения применения смертной казни, в том числе в контексте имеющих место на практике судебных ошибок, межнационального обострения общественных отношений, современной идеологии экстремизма и терроризма, направленной на уничтожение славянской нации. В период массового распространения молодежной идеологии нацизма и проведения специальной военной операции реабилитация процедуры применения смертной казни преждевременна.

Ключевые слова: наказание, смертная казнь, мораторий, легитимность, Конституционный Суд Российской Федерации, судопроизводство.

Для цитирования: Готчина Л.В., Новопавловская Е.Е. Смертная казнь: применять или забыть? // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 3. – С. 11–18.

Abstract: the complicated geopolitical situation, the conduct by the Russian Federation of a special military operation on demilitarization and denazification on the territory of Ukraine, the exclusion of Russia from the Council of Europe have formed a number of prerequisites for large-scale changes in Russian legislation affecting all spheres of society. A particularly relevant issue is the need to revive the procedure for applying the death penalty in Russia.

The article presents the results of the historical analysis of the development of legislation from the period of the birth of the death penalty in Russia to the present; identifies the current problems of legal regulation and practice of the death penalty as an exceptional measure of punishment. Attention is drawn to the controversial

issue of the application of this type of punishment today with the justification of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, international practice, the imposition of obligations by the Council of Europe on the Russian Federation. Various points of view of lawyers, psychologists, sociologists, supporters and opponents of the use of the death penalty in Russia at the present stage are presented. The author's vision of the issue of the prospect of the return of the use of the death penalty is given, including in the context of judicial errors taking place in practice, interethnic aggravation of public relations, modern ideology of extremism and terrorism aimed at the destruction of the Slavic nation. During the period of mass dissemination of the youth ideology of Nazism and the conduct of a special military operation, the rehabilitation of the death penalty procedure is premature.

Keywords: punishment, death penalty, moratorium, legitimacy, Constitutional Court of the Russian Federation, legal proceedings.

For citation: Gotchina L.V., Novopavlovskaya E.E. The death penalty: apply or forget? // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2022. – № 3. – P. 11–18.

Вопрос о применении смертной казни имеет глубокие исторические корни и не теряет своей актуальности и злободневности на протяжении долгих лет существования человечества, поскольку смертная казнь является одним из наиболее древних видов наказания. Принято считать, что смертная казнь восходит корнями к первобытнообщинному строю и развитию в то время социальному институту «кровной мести» [1, с. 9].

С принятием христианства и развитием государства на Руси кровная месть постепенно вытесняется санкционированной государством смертной казнью. Древнейший памятник славянского права «Русская правда» постепенно сужала круг лиц, имеющих право на кровную месть, а Правда Ярославичей окончательно устранила данный вид наказания [2, с. 426]. В дальнейшем Двинская уставная грамота (1397–1398 гг.) стала прецедентом юридического закрепления и регламентации порядка проведения смертной казни [3, с. 49]. С формированием Русского царства и последующим установлением династии Романовых смертная казнь была закреплена как принцип в Соборном уложении 1649 года. Смертная казнь была выражена через принцип Талиона: «око за око, зуб за зуб» [4, с. 307].

В Российской империи практика применения смертной казни закрепились лишь в отношении особо опасных преступников либо преступников, посягавших на основы государственного строя. Воинский артикул Петра I от 26.04.1715 свел совокупность случаев, когда применяется смертная казнь, к таким группам преступлений, как мятеж, убийство, измена, казнокрадство и коррупция. Впоследствии практика применения смертной казни пошла на спад.

Несмотря на то, что этот вид наказания в основном применялся по отношению к государственным и военным преступникам, в случаях,

когда назначались иные меры наказания (проход через строй, кнут, бессрочная каторга и др.), приведение их в исполнение нередко также канчивалось наступлением смерти преступника. Потому представляется затруднительным собрать фактические данные по приговорам, которые влекли за собой неизбежное наступление смерти.

В результате Февральской революции 1917 г. одним из важнейших политических решений для нового режима стала отмена смертной казни. Однако, как верно заметил Е.Л. Поцелуев, она крайне быстро вернулась [5, с. 10].

Политическое решение аналогичного рода было принято большевиками после Октябрьской революции 1917 г. В частности, смертная казнь была отменена отдельным Декретом II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Однако уже в 1918 году в связи с развязавшейся к тому времени Гражданской войной смертная казнь была вновь введена Постановлением СНК РСФСР от 05.09.1918 «О красном терроре». В последующие два года данный вид наказания еще раз отменялся и вновь возвращался в правоприменительную практику.

Дальнейшая практика применения смертной казни в советском уголовном законодательстве строилась на изначальном предположении категорической опасности для существования общества двух видов преступлений – преступлений политического и экономического характера. Любые преступления против государства также воспринимались как акт политического неподчинения, в силу чего строго наказывались вместе с такими явлениями, как особо выраженная жестокость, рецидивизм и др. Несмотря на все трансформации советского уголовного законодательства, в течение длительного времени подобная практика сохранялась. Отличие позднесоветского периода в исследуемом вопросе

заклучалось лишь в том, что Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 был несколько смягчен и предполагал альтернативные наказания для осужденных, помимо смертной казни.

Смена экономического и политического курса России в 1991 году повлекла за собой целый ряд различных преобразований, в том числе в отношении регламентации смертной казни и применения ее в уголовно-исполнительной практике. Гуманистический наплыв, сохранившийся после перестройки, а также принятая в 1993 году Конституция Российской Федерации внесли новые аспекты в уголовную политику. Так, согласно ч. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации и ст. 59 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) смертная казнь является исключительной мерой наказания. При этом ученые справедливо замечают, что законодатель предусматривает определенный перечень условий применения данного наказания [например, см.: 6; 7, с. 30–35], в частности:

– его применение возможно только за совершение особо тяжких преступлений против жизни, на что не раз обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации¹ (постановление КС РФ от 06.04.2006 № 3-П);

– оно не может быть назначено в отношении определенных категорий лиц. Так, в разные годы КС РФ подчеркивал невозможность и нецелесообразность применения смертной казни относительно отдельных категорий лиц с учетом их социальных, возрастных и физиологических особенностей, например, в отношении женщин (постановление КС РФ от 06.06.2017 № 15-П, постановление КС РФ от 11.05.2017 № 13-П, постановление КС РФ от 25.02.2016 № 6-П), а также несовершеннолетних (постановление КС РФ от 22.05.2019 № 20-П, постановление КС РФ от 20.05.2014 № 16-П, определение КС РФ от 05.12.2019 № 3276-О);

– обвиняемому должно быть обеспечено право на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей и др. В ряде решений КС РФ, вынесенных в форме постановлений, он указывал на обязанность федерального законодателя внести соответствующие законодательные изменения, направленные на обеспечение в России каждому обвиняемому названного права (постановление КС РФ от 02.02.1999 № 3-П). По верному признанию КС РФ, в данном случае суд с участием присяжных заседателей, выступая одной из процессуальных форм осуществления уголовного судопроизводства, призван обеспечивать судебную защиту прав и свобод

человека и гражданина, гарантированную ст. 46 Конституции Российской Федерации (постановление КС РФ от 19.04.2010 № 8-П).

Встраивание Российской Федерации в систему международных взаимодействий на новых основаниях повлекло за собой необходимость постепенного устранения практики применения смертной казни, что требовало проведения соответствующих корректировок законодательства. В этой связи был издан Указ Президента Российской Федерации от 16.05.1996 № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы».

Нередко ученые отмечали, что касательно статуса применения смертной казни в юридическом плане было поставлено «многоточие» [например, см.: 8, с. 311–325]. С одной стороны, в 1997 году Россия подписала Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (Страсбург, 28.04.1983)² и отдельным Федеральным законом от 30.03.1998 № 54-ФЗ ратифицировала названную выше Конвенцию.

Однако подписанный Россией Протокол № 6 так и не был ратифицирован. Кроме того, Венская конвенция о праве международных договоров от 23.05.1969 ограничила право применения Россией смертной казни в силу обязанности вести себя в соответствии с подписанным актом до его ратификации.

В соответствии с постановлением КС РФ от 02.02.1999 № 3-П суды были лишены права назначать смертную казнь до появления на всей территории Российской Федерации судов присяжных, которые на тот момент отсутствовали в Чеченской Республике. Определение КС РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р содержало разъяснения п. 5 резолютивной части вышеуказанного постановления КС РФ от 02.02.1999 № 3-П и окончательно установило невозможность назначения смертной казни судами общей юрисдикции как меры наказания в силу обязанностей Российской Федерации выполнять ст. 18 Венской конвенции и Протокол № 6. Помимо того, КС РФ обосновал свое решение тем фактом, что в период действия моратория, предусмотренного постановлением от 02.02.1999 № 3-П, сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания. По замечанию КС РФ, мораторий на применение смертной казни является одной из устойчивых гарантий пра-

¹ Далее – КС РФ.

² Далее – Протокол № 6.

ва на жизнь (постановление КС РФ от 02.02.1999 № 3-П). В своих более поздних решениях КС РФ неоднократно подчеркивал, что пожизненное лишение свободы фактически выступает заменой смертной казни (определение КС РФ от 24.09.2013 № 1428-О).

Отметим, что тот путь, который прошла смертная казнь в Российской Федерации, и особенности ее правовой регламентации спровоцировали множество научных диспутов. Юристы, историки, политологи, социологи, психологи и другие ученые многие годы активно дискутировали, обсуждая доводы как «за», так и «против» применения смертной казни в России [например, см.: 9, с. 47–48; 10, с. 8–13; 11, с. 128–133; 12, с. 47–51; 13, с. 41–46].

В частности, подробный анализ этических оснований и целесообразности применения смертной казни долгое время был крайне актуален среди многих русских социологов и остается таковым по сей день.

Первую попытку системного анализа смертной казни предпринял христианский философ В.С. Соловьёв, по мнению которого, смертная казнь является одним из наиболее древних институтов, соответствующих «варварскому» общественному укладу, который сохраняется по сей день как атавизм. Ученый разделял систему применения наказаний на две доктрины – отщепенца и словесного вразумления. Первая характеризовалась применением к правонарушителю мер, сопоставимых с нанесенным ущербом, как акт «мести» государства за нарушение установленных им правил. Суть второй доктрины – в воздействии на правонарушителя и создании условий для его вразумления и исправления, дабы впоследствии он не нарушал общественный порядок. Вторая доктрина, как отмечал В.С. Соловьёв, является наиболее целесообразной и аутентичной для современных правовых систем и постепенно должна полностью заменить собой первую. Единственным нерешенным огрехом в предпочтении, отданном В.С. Соловьёвым второй доктрине, является безусловный факт наличия неисправимых преступников. В силу этого доктрина вразумления может попросту не сработать, лишь временно ограничив и изолировав опасного члена общества. К сожалению, для исправления данного огреха В.С. Соловьёв не предлагал конкретных решений, но все равно оставался на позиции категорически негативной оценки практики применения смертной казни. Суть его позиции заключалась в отстаивании права преступника на покаяние и исправление [14].

Аналогичной позиции придерживался Н.А. Бердяев, считающий, что государство не

имеет права посягать на человеческую жизнь, поскольку она принадлежит лишь самому индивиду и Богу и не является государственной собственностью. Институт смертной казни ученый характеризовал как «уже признанный нецелесообразным наукой институт уголовного права», против которого давно уже «восстало моральное сознание человечества». Такие же воззрения можно найти в трудах иных крупных деятелей русской философии и социологии XIX–XX вв. (С.Н. Булгаков, И.В. Васильев, М.Н. Гернет, Г.Н. Солнцев, В.В. Розанов и др.) [см. подробнее: 15, с. 26–39].

Против смертной казни в этическом плане выдвигались претензии не только в рамках христианской этики, но и с точки зрения рационализма. Например, подробно данный вопрос исследовал социолог П.А. Сорокин, который связывал применение любых наказаний (в том числе смертной казни) с особенностями взаимодействия индивида и властных структур. В случаях, когда индивид не ставит перед собой задачу выполнения угодных властным структурам действий, власть применяет по отношению к нему силу, чтобы восполнить образовавшуюся брешь между ней и индивидом. Таким образом, смертная казнь как способ наказания в рамках «сорокинской системы» вытекает из необходимости применения наиболее жестких форм регуляции поведения индивида в случаях, когда проявление антивластного поведения выражается наиболее ярко, а власть боится за свою устойчивость. В такой системе проблема смертной казни приобретает новое значение и заключается в том, что она является показателем неустойчивости властных воздействий управляющих структур на индивидов и вытекает из необходимости «заменить справедливость физическим насилием» [см. подробнее: 15, с. 26–39].

Аргументы этического характера в пользу применения смертной казни постепенно стали приобретать размах, близкий к нашему времени, также в трудах юристов. Так, О.П. Сауляк считает, что этическая проблема противников смертной казни заключается в игнорировании ценности жизни жертвы и акцентировании внимания на жизни преступника. «Те, кто выступает за отмену казни, вправе прощать таким преступникам только свои собственные страдания. Но никто не наделял их правом прощать страдания невинно убиенных людей (тем более детей), их родителей и родственников» [16, с. 104]. Безусловно, данная позиция морально обоснованна. Однако из факта совершения преступления и наличия страданий жертвы и близких ей людей не вытекает необходимость появления еще одной жертвы, даже несмотря на то, что ее убийство было

санкционировано государством. Налицо попытка морального оправдания чувства мести, обоснованная через жалость к жертве преступления. Между тем она не имеет под собой более весомых аргументов, чем взывание к чувству ненависти к социально опасным элементам.

Обобщив имеющиеся авторские позиции, позволим себе обозначить основные аргументы, высказываемые сторонниками применения смертной казни, в том числе экономическую нецелесообразность и несправедливость альтернативных форм наказания (в частности, пожизненного заключения); мягкость наказания относительно совершенного преступления; угрозу самосуда; неполноценную защиту интересов общества и потерпевших и др. [см. подробнее: 8, с. 311–325].

Против отмены смертной казни были высказаны претензии в сторону постановки интересов международного сообщества над суверенными интересами России, фактического наличия смертной казни в законодательстве Российской Федерации, а также к отсутствию учета интересов жертвы преступления. В этой связи нередко ученые подчеркивают, что неприменение смертной казни до нынешнего времени является нецелесообразным без полного изменения законодательства – от Конституции Российской Федерации и до Уголовного кодекса Российской Федерации [например, см.: 17, с. 371].

Существует дополнительная линия аргументации, выраженная И.Я. Козаченко, заключающаяся в том, что в тяжелых условиях (речь шла о периоде середины 1990-х годов) переходного периода в государстве применение смертной казни необходимо для оперативного и эффективного устранения появляющихся в большом количестве преступников. «Отмена же смертной казни в государстве переходного типа (каким и является, на мой взгляд, нынче Россия) при дикой криминальной вакханалии отводит правоприменительную роль крыловского повара, ведущего душещипательную беседу с котом Василькой, который, как известно, слушает да ест» [18, с. 538]. К данному аргументу также имеет смысл прислушаться в силу особенностей нынешнего состояния общественных настроений и геополитической обстановки.

Кроме того, необходимо помнить, что законодательство реагирует на вызовы современной преступности с запозданием, однако оно является действующим эффективным механизмом противодействия ей, в том числе оказывающим профилактическое воздействие на население. Современные формы проявления преступности, эскалация таких ее видов, как экстремизм, терроризм и наркотизм, однозначно характе-

ризуются молодежностью. Это не случайно. В целом молодой возраст населения всегда предусматривает большую активность, однако, рассматривая наш вопрос, отметим, что у экстремизма, терроризма и наркотизма в период специальной военной операции проявилось молодежное лицо. Стирание истории, снос памятников воинам, освободившим земли многих стран от нацистов и фашизма, подтверждают наличие сформировавшейся молодежной идеологии нацизма. Она разрушает семейные устои, перечеркивает нравственные идеалы, сложившиеся в современном российском обществе, провоцирует ненависть и вражду, направлена на уничтожение славян. Основная цель современной идеологии экстремизма и наркотизма – это уничтожение наций, в современных реалиях – сокращение численности российского и украинского населения. Применение смертной казни увеличит риски использования ее как инструмента расправы над генофондом славянских стран. Возможность на ошибку также остается, даже увеличивается в силу межнационального обострения, военного столкновения, массового обнищания людей. В таких непростых условиях наблюдается озлобленность населения, враждебность по отношению к ближнему без каких-либо оснований для этого. В сознании ряда людей, которых не обошли стороной военные действия, возрождается отмерший рудимент, такой как «око за око», в основе которого лежит месть. Так целесообразно или нет применение смертной казни сегодня? Применять ее или забыть? Нам видится довольно опасной такая практика в период межнационального обострения общественных отношений, тем более в разгар специальной военной операции.

Мониторинг зарубежного законодательства и правоприменительной практики свидетельствует о том, что страны по-разному подходят к вопросу о регламентации и применении смертной казни. Несмотря на то, что в 2021–2022 годах из 195 независимых государств – членов ООН или стран, имеющих статус наблюдателя ООН, более 100 государств на законодательном уровне закрепили отмену смертной казни для всех либо для отдельных видов преступлений, в масштабах мирового сообщества смертная казнь все еще применяется весьма активно. Так, по данным ежегодного доклада межправительственной организации Amnesty International, опубликованного в 2021 г., смертная казнь применяется в 53 государствах³. Это

³ Сайт Amnesty International [Электронный ресурс]. – URL: amnesty.org.ru (дата обращения: 23.03.2022).

свидетельствует о том, что смертная казнь как исключительная мера наказания имеет место быть в современном мире. Афганистан, Бангладеш, Беларусь, Египет, Индия, Конго, Ирак, Иран, Катар, Китай, Куба и другие страны, в арсенале которых данный вид наказания существует, должны заострять свое внимание на совершенствовании и законодательной, и правоприменительной практики, поскольку даже при совершенной и эффективной системе правосудия при вынесении вердикта не исключены судебные ошибки (как по причинам субъективного, так и объективного характера), в результате чего приговор может быть приведен в исполнение в отношении невиновного человека. Это и является одним из основных доводов противников смертной казни.

Констатируем, что современные ее противники, отталкиваясь от уже представленных выше аргументов представителей русской философской и социологической мысли, считают, что смертная казнь может быть применена к человеку вследствие судебной ошибки, при этом последняя уже не может быть исправлена. По словам П.В. Крашенинникова, в России нельзя вводить смертную казнь, поскольку все еще совершаются судебные ошибки, а «действие или недействие этого закона в стране не влияет на состояние преступности» [19].

Стоит понимать, что независимо от каких-либо процессуальных гарантий или степени совершенства отправления правосудия все будет зависеть в конечном итоге от человеческого фактора – профессионализма, компетентности, ответственного отношения к своей деятельности и др., а человеку, как мы знаем, свойственно ошибаться. Даже если имеют место единичные судебные ошибки, разве этого мало? Ставка слишком уж высока, поскольку речь идет о человеческой жизни, и, как верно замечают Л.Г. Берлявский и Н.А. Тарабан, приводя ошибочный приговор в исполнение, восстановить право человека на жизнь уже невозможно [20, с. 24].

Даже при наличии «стопроцентно» доказанных фактов, судебное разбирательство может закончиться вынесением «неправильного» вердикта. Обращение к практической составляющей исследуемого вопроса показывает, что даже доказанные случаи судебных ошибок имели место и не раз. Так, в 1978 г. к смертной казни за серию убийств был приговорен, как выяснилось впоследствии, совершенно невиновный человек (А. Кравченко). 5 июля 1983 г. он расстрелян за убийство, которое не совершал. Истинный преступник – серийный убийца А. Чикатило. Именно такие примеры приводят сторонники отказа от смертной казни в будущем.

Помимо того, противники смертной казни критикуют отсутствие превентивного эффекта в данной мере наказания, подмечают, что смертная казнь является лишь средством борьбы с последствиями, но никак не влияет на причины совершения преступлений. Они также обращают внимание на то, что применение смертной казни противоречит общепризнанным принципам и нормам международного права, на которых Российская Федерация базирует свое законодательство, оказывает дегуманизирующий эффект и провоцирует восприятие убийства как нормального явления, снижая ценность человеческой жизни. Также, отвечая на один из аргументов сторонников смертной казни, указывающий на экономическую целесообразность смертной казни в сравнении с пожизненным заключением, ученые подчеркивают, что человеческая жизнь – это высшая ценность и придание определенной стоимости человеческой жизни противоречит принципу гуманизма, закрепленному в российской Конституции, Уголовном кодексе Российской Федерации и основанному на общепризнанных принципах и нормах международного права [21, с. 104].

Признаем, что сложившийся в нашей стране годами легитимный конституционно-правовой режим в отношении смертной казни свидетельствовал, в том числе по мнению КС РФ, о необратимости процесса, направленного на полную отмену смертной казни (определение КС РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р).

Однако в современных реалиях ситуация в исследуемой нами сфере может избрать иную траекторию. Такое предположение подтверждается высказываниями представителей властных структур государства. В частности, после принятия решения об исключении России из Совета Европы в связи с проведением ей специальной военной операции по денацификации и демилитаризации на территории Украины члены Либерально-демократической партии России официально заявили о готовности инициировать референдум о возвращении смертной казни для «самых тяжких и осуждаемых обществом преступлений, например, за коррупцию в особо крупном размере, за изнасилование детей, убийство в особо изощренной форме, преступления террористического характера и др.» [22]. Отсутствие ограничений для возвращения смертной казни в России подчеркнул также Д.А. Медведев, указав, что «все будет зависеть от текущей ситуации: мораторий может остаться, если все будет спокойно, или же его пересмотрят в случае необходимости» [23]. По словам А.А. Климова, «мораторий на смертную казнь является суверенным делом Российской Федерации». Более

того, А.А. Климов отметил, что мораторий «никак не зависит от нашего участия в международных организациях» [24].

Еще раз подчеркнем, что данные заявления были сделаны на фоне исключения России из Совета Европы. Последствиями этого являются денонсация Устава Совета Европы, Европейской конвенции по правам человека и еще ряда актов, связанных с ограничениями на применение смертной казни. За счет денонсации данных актов у России появляется возможность вернуть судам право назначать смертную казнь как исключительную меру наказания.

По данным социологического опроса, проведенного еще в 2021 году, 41% респондентов выступили за восстановление смертной казни «как это было в начале 1990-х годов», 16% респондентов высказались за расширение применения смертной казни, т.е. всего применение смертной казни в том или ином виде поддержи-

вают 57% из опрошенных россиян. Учитывая, что эти цифры сформировались вследствие роста на 10% за 6 лет (с 2015 года), можно отметить, что среди населения наблюдается тенденция на увеличение положительного отношения к смертной казни⁴. Есть основания полагать, что вследствие роста явных угроз проявлений экстремизма, терроризма и провокаций на фоне проведения специальной военной операции на территории Украины обозначенные показатели могут вырасти. Опираясь на отсутствие международных ограничений и общественное мнение, власть тем самым имеет все необходимое для возвращения практики применения смертной казни в современной России.

⁴ Левада-центр. Смертная казнь и преступность. 25.06.2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.levada.ru/2021/06/25/smertnaya-kazn-i-prestupnost> (дата обращения: 23.03.2022).

Литература

1. **Щетинин А.А.** Смертная казнь в российской государственно-правовой системе: институциональный аспект: монография. – Ростов-на-Дону: РЮИ РПА Минюста России, 2015. – 165 с.
2. **Прысь Е.В.** Об истории возникновения и развития институтов преступления и наказания // Человек: преступление и наказание. – 2018. – № 4. – С. 425–429.
3. **Машковцев А.А.** Генезис института смертной казни в уголовном праве России // International scientific review. – 2020. – № LXXV. – С. 48–51.
4. **Зимасова А.А., Кузнецов И.А.** История возникновения смертной казни // E-Scio. – 2020. – № 5 (44). – С. 305–309.
5. **Поцелуев Е.Л.** Уголовно-правовая политика Временного правительства России в 1917 году // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2018. – Т. 9. – Вып. 1. – С. 4–22.
6. **Долгих Т.Н.** Условия и правила назначения наказания в виде смертной казни [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. **Яни П.С.** Наказуемость деяния смертной казнью и давность // Законность. – 2021. – № 1. – С. 30–35.
8. **Осташев А.А.** Вопросы применения и отмены смертной казни в России и за рубежом // E-Scio. – 2020. – № 12 (51). – С. 311–325.
9. **Горелов А.** Усиление ответственности за половые преступления над детьми // Административное право. – 2021. – № 4. – С. 47–48.
10. **Лавицкая М.И.** Система и различные виды наказаний в отечественном уголовном законодательстве (историко-правовой аспект) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2022. – № 1. – С. 8–13.
11. **Луценко С.И.** Институт смертной казни как правовой атавизм // Современное право. – 2018. – № 1. – С. 128–133.
12. **Меязев А.Б.** Эволюция международно-правовой позиции России в отношении смертной казни // Российская юстиция. – 2018. – № 2. – С. 47–51.
13. **Серебренникова А.В.** Нравственное обоснование системы уголовных наказаний // Журнал российского права. – 2021. – № 12. – С. 41–46.
14. **Соловьёв В.С.** Оправдание добра: нравственная философия. – Санкт-Петербург, 1897 [Электронный ресурс]. – URL: <http://smartpowerjournal.ru/2912016> (дата обращения: 11.03.2022).
15. **Кудрявцев В.А., Грудина Т.Н., Лось Е.В.** Русская социологическая мысль о проблеме смертной казни // Социология. – 2022. – № 1. – С. 26–39.
16. **Герасимова Е.В., Хавдок А.М.** Проблемы применения и отмены смертной казни в России // Закон и право. – 2021. – № 4. – С. 103–106.
17. **Геранин В.В.** Смертная казнь в России: состояние и перспективы // Человек: преступление и наказание. – 2021. – № 3. – С. 366–377.
18. **Евграфова А.С.** Современное отношение к вопросу применения смертной казни в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 17. – С. 536–543.
19. **Крашенинников П.В.** Смертная казнь в России невозможна // Российская газета. 12.01.2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2022/01/12/krasheninikov-smertnaia-kazn-v-rossii-nevozmozhna.html> (дата обращения: 26.03.2022).
20. **Берляеский Л.Г., Тарабан Н.А.** Право на жизнь и проблема смертной казни: конституционно-правовые аспекты // Юридический мир. – 2013. – № 1. – С. 19–24.
21. **Давишадзе М.Д., Майстренко Г.А.** Смертная казнь: аргументы «за» и «против» // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 1. – С. 102–107.
22. **Гробман Е.** Вопрос о возвращении смертной казни [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/03/16/913848-vopros-smertnoi-kazni> (дата обращения: 27.03.2022).
23. **Медведев Д.А.** О смертной казни в России // Российская газета. 25.03.2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2022/03/25/medvedev-o-smertnoj-kazni-v-rossii-ogranichenij-teper-net.html> (дата обращения: 27.03.2022).

24. **Ильина В.** Климов: Мораторий на смертную казнь не зависит от участия РФ в международных организациях // Российская газета. 10.03.2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/03/25/915143-ogranichenii-dlya-smertnoi-kazni-net> (дата обращения: 28.03.2022).

References

1. **Shchetinin A.A.** Smertnaya kazn' v rossiiskoi gosudarstvenno-pravovoi sisteme: institutsional'nyi aspekt: monografiya. – Rostov-na-Donu: RYul RPA Minyusta Rossii, 2015. – 165 s.
 2. **Prys' E.V.** Ob istorii vozniknoveniya i razvitiya institutov prestupleniya i nakazaniya // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. – 2018. – № 4. – S. 425–429.
 3. **Mashkovtsev A.A.** Genezis instituta smertnoi kazni v ugovnom prave Rossii // International scientific review. – 2020. – № LXXV. – S. 48–51.
 4. **Zimasova A.A., Kuznetsov I.A.** Istoriya vozniknoveniya smertnoi kazni // E-Scio. – 2020. – № 5 (44). – S. 305–309.
 5. **Potseluev E.L.** Ugolovno-pravovaya politika Vremennogo pravitel'stva Rossii v 1917 godu // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. – 2018. – Т. 9. – Vyp. 1. – S. 4–22.
 6. **Dolgikh T.N.** Usloviya i pravila naznacheniya nakazaniya v vide smertnoi kazni [Elektronnyi resurs]. Dostup iz SPS "Konsul'tantPlyus".
 7. **Yani P.S.** Nakazuemost' deyaniya smertnoi kazn'yu i davnost' // Zakonnost'. – 2021. – № 1. – S. 30–35.
 8. **Ostashev A.A.** Voprosy primeneniya i otmeny smertnoi kazni v Rossii i za rubezhom // E-Scio. – 2020. – № 12 (51). – S. 311–325.
 9. **Gorelov A.** Usilenie otvetstvennosti za polovye prestupleniya nad de'mi // Administrativnoe pravo. – 2021. – № 4. – S. 47–48.
 10. **Lavitskaya M.I.** Sistema i razlichnye vidy nakazanii v otechestvennom ugovnom zakonodatel'stve (istoriko-pravovoi aspekt) // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. – 2022. – № 1. – S. 8–13.
 11. **Lutsenko S.I.** Institut smertnoi kazni kak pravovoi atavizm // Sovremennoe pravo. – 2018. – № 1. – S. 128–133.
 12. **Mezuyaev A.B.** Evolyutsiya mezhdunarodno-pravovoi pozitsii Rossii v otnoshenii smertnoi kazni // Rossiiskaya yustitsiya. – 2018. – № 2. – S. 47–51.
 13. **Serebrennikova A.V.** Nравstvennoe obosnovanie sistemy ugovnykh nakazanii // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2021. – № 12. – S. 41–46.
 14. **Solov'ev V.S.** Opravdanie dobra: нравstvennaya filosofiya. – Sankt-Peterburg, 1897 [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://smartpowerjournal.ru/2912016> (дата обрashcheniya: 11.03.2022).
 15. **Kudryavtsev V.A., Grudina T.N., Los' E.V.** Russkaya sotsiologicheskaya mysl' o probleme smertnoi kazni // Sotsiologiya. – 2022. – № 1. – S. 26–39.
 16. **Gerasimova E.V., Khavdok A.M.** Problemy primeneniya i otmeny smertnoi kazni v Rossii // Zakon i pravo. – 2021. – № 4. – S. 103–106.
 17. **Geranin V.V.** Smertnaya kazn' v Rossii: sostoyanie i perspektivy // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. – 2021. – № 3. – S. 366–377.
 18. **Evgrafova A.S.** Sovremennoe otnoshenie k voprosu primeneniya smertnoi kazni v Rossiiskoi Federatsii // Voprosy rossiiskoi yustitsii. – 2022. – № 17. – S. 536–543.
 19. **Krasheninnikov P.V.** Smertnaya kazn' v Rossii nevozmozhna // Rossiiskaya gazeta. 12.01.2022. [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://rg.ru/2022/01/12/krasheninnikov-smertnaia-kazn-v-rossii-nevozmozhna.html> (дата обрashcheniya: 26.03.2022).
 20. **Berlyavskii L.G., Taraban N.A.** Pravo na zhizn' i problema smertnoi kazni: konstitutsionno-pravovye aspekty // Yuridicheskii mir. – 2013. – № 1. – S. 19–24.
 21. **Davitadze M.D., Maistrenko G.A.** Smertnaya kazn': argumenty "za" i "protiv" // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2021. – № 1. – S. 102–107.
 22. **Grobman E.** Vopros o vozvrashchenii smertnoi kazni [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/03/16/913848-vopros-smertnoi-kazni> (дата обрashcheniya: 27.03.2022).
 23. **Medvedev D.A.** O smertnoi kazni v Rossii // Rossiiskaya gazeta. 25.03.2022. [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://rg.ru/2022/03/25/medvedev-o-smertnoj-kazni-v-rossii-ogranichenij-teper-net.html> (дата обрashcheniya: 27.03.2022).
 24. **Il'ina V.** Klimov: Moratorii na smertnuyu kazn' ne zavisit ot uchastiya RF v mezhdunarodnykh organizatsiyakh // Rossiiskaya gazeta. 10.03.2022. [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/03/25/915143-ogranichenii-dlya-smertnoi-kazni-net> (дата обрashcheniya: 28.03.2022).
-
-

(статья сдана в редакцию 29.03.2022)

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА

PROBLEMS OF ENFORCEMENT OF PROPERTY CONFISCATION

УДК 343.8

А.А. ВАКУТИН,
кандидат юридических наук
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
artv@bk.ru

ARTEM A. VAKUTIN,
Candidate of Law
(Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

О.В. КАРПОВА,
кандидат юридических наук
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
mir-lesya83@mail.ru

OLESYA V. KARPOVA,
Candidate of Law
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)

Аннотация: в статье анализируются правовые проблемы исполнения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера. Отмечается, что регламентация института конфискации имущества содержит в себе ряд недостаточно проработанных моментов, в результате чего в правоприменительной деятельности возникают проблемы исполнения данной меры. В частности, авторы отмечают недостаток, связанный с противоречивым характером исполнения решений о конфискации имущества взамен предмета конфискации либо сопоставимого по стоимости с таким предметом. Отсутствие самого предмета, который может быть изъят у осужденного, приводит к невозможности реализовать данную меру уголовно-правового воздействия, но в то же время и не порождает у виновного каких-либо дополнительных обязательств в рамках исполнительного производства, а при отсутствии имущества вообще не претерпевает неблагоприятных последствий. Формулировки, используемые судами при отсутствии предмета конфискации, лишь предоставляют право государственным органам осуществить процедуру исполнительного производства в будущем в отношении имущества, которое может появиться у осужденного. Отмечается, что существующая правовая регламентация необоснованно ограничивает возможности конфискации имущества субъективным осознанием противоправности его происхождения. Делается вывод о том, что нормы гражданского права могут выступать как более универсальные средства правового регулирования вопросов возникновения, изменения либо прекращения права собственности при конфискации имущества.

Ключевые слова: конфискации имущества, исполнительное производство, наказание, осужденный, основания конфискации, исполнение решения.

Для цитирования: Вакутин А.А., Карпова О.В. Проблемы исполнения конфискации имущества // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 3. – С. 19–23.

Abstract: the article analyzes the legal problems of the execution of confiscation of property as another measure of a criminal nature. It is noted that the regulation of the institution of confiscation of property contains a number of insufficiently elaborated points, as a result of which problems arise in the enforcement of this measure. In particular, the authors note the drawback associated with the contradictory nature of the execution of decisions on the confiscation of property instead of the object of confiscation or comparable in value with such an object. The absence of the object itself, which can be seized from the convicted person, makes it impossible to implement this measure of criminal legal influence, but at the same time does not generate any additional obligations for the guilty person within the framework of enforcement proceedings, and in the absence of property does not undergo adverse consequences at all. The formulations used by the courts in the absence of the subject of confiscation only grant the right to State bodies to carry out the procedure of enforcement proceedings in the future with respect to property that may appear in the convicted person. It is noted that the existing legal regulation unreasonably restricts the possibility of confiscation of property by subjective awareness of the illegality of its origin. It is concluded that the norms of civil law can act as a more universal means of legal regulation of the issues of the emergence, modification or termination of property rights during the confiscation of property.

Keywords: confiscation of property, enforcement proceedings, punishment, convict, grounds for confiscation, execution of the decision.

For citation: Vakutin A.A., Karpova O.V. Problems of enforcement of property confiscation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2022. – № 3. – P. 19–23.

Правовой статус конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера обуславливает ряд особенностей не только ее назначения, но и реализации. От правильности понимания данной процедуры во многом зависит достижение задач уголовного права и целей уголовно-правового воздействия. В связи с особым статусом данной меры, обусловленным тем, что она не относится к категории наказаний и имеет исключительно имущественный характер [1, с. 46–49], ее исполнение не регламентировано Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации¹. Данные обстоятельства порождают сложности при исполнении конфискации [2, с. 164–165] и определении правовых последствий принятого судом решения [3, с. 38–43; 4, с. 20–26; 5, с. 145–150]. Регламентация же в рамках Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» основывается на общем порядке исполнительного производства для всех долговых обязательств имущественного характера лишь с исключениями, свойственными конфискации. Так, ст. 104 Федерального закона от 02.10.2007 № 229 предусматривает единую процедуру конфискации, назначенной в соответствии с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации², Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации либо Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [6, с. 188–194; 7, с. 36–40]. Процедура изъятия у должника или иных лиц имущества, указанного в исполнительном документе, и передача его государственным органам или организациям для обращения в государственную собственность, по общему правилу, предполагает реальное (физическое и юридическое) наличие имущества, на которое должно быть обращено взыскание.

В то же время, исходя из оснований конфискации имущества и складывающейся судебной практики, такое имущество далеко не всегда существует на момент вынесения судебного решения.

Речь идет о конфискации денежных средств, полученных в результате совершения преступления и преобразованных в иное имущество (чч. 2, 3 ст. 104¹ УК РФ, ст. 104² УК РФ) или уже потраченных виновным. В таком случае суды имеют право вынести решение об изъятии иного имущества, стоимость которого соответствует стоимо-

сти предмета конфискации либо сопоставима со стоимостью этого предмета. Из смысла указанного предписания предполагается, что конфискации возможна даже при фактическом отсутствии имущества. Однако необходимо уточнить, что в таком случае право на изъятие, по сути, превращается в возложение на лицо обязанности осуществить выплату, и в контексте исполнительного производства он приобретает статус должника. Отсутствие в тексте ст. 104² УК РФ точной формулировки приводит к неопределенности предмета конфискации. В таком случае судами, как правило, используются следующие формулировки для определения такого предмета конфискации: «эквивалент дохода, полученного преступным путем», «денежные средства, соответствующие размеру полученного преступного дохода», «денежные средства, соответствующие совокупному размеру полученных взяток...», «денежные средства в сумме... в счет конфискации денежных средств, полученных в результате совершения преступления...», «предмет взятки – денежные средства в размере...». Приведенные формулировки не предполагают возникновения у осужденного обязательств по выплате указанных сумм, а лишь предоставляют право государственным органам осуществить процедуру исполнительного производства. Соответственно, любые действия лица по сокрытию имущества от взыскания не влекут для него негативных правовых последствий (за исключением совершения преступления, предусмотренного ст. 312 УК РФ).

Если же сравнивать правовой статус лица, в отношении которого вынесено решение о конфискации имущества, и лица, которому назначено наказание в виде штрафа, то невыплата штрафа (ст. 32 УИК РФ) влечет признание лица злостно уклоняющимся от исполнения наказания с возможностью замены на другой вид наказания. В свою очередь, невыплата денежных средств, выступивших предметом конфискации (ст. 104² УК РФ), не влечет для лица никаких негативных правовых последствий, и по прошествии определенного срока исполнительное производство прекращается. В подобных случаях несправедливость в части исполнения судебных решений является очевидной и, несомненно, требующей законодательной корректировки.

В данном случае исполнительное производство осуществляется в отношении должника, т.е. лица, имеющего долговые обязательства и не имеющего имущества (денег) для погашения долга. Таким образом, отсутствие самого предмета конфискации на момент исполнения приговора

¹ Далее – УИК РФ.

² Далее – УК РФ.

предполагает возможность обращения взыскания с должника денежных средств (имущества), не имеющих у него в наличии, но получаемых (гипотетически) в будущем. Подтверждением тому служит решение суда в отношении гр. П., признанного виновным в совершении ряда преступлений (ст. 159, 285, 286, 290 УК РФ). Основываясь на предписаниях ч. 1 ст. 104² УК РФ, устанавливающих назначить конфискацию денежной суммы, соответствующей стоимости предмета конфискации, если таковой отсутствует на момент принятия судом решения вследствие его использования, продажи или по иной причине, в рамках исполнительного производства судебным приставом-исполнителем было вынесено постановление об обращении взыскания на заработную плату, а также на денежные средства, поступающие на счет от родственников.

Осужденный же, в свою очередь, оспаривая данное решение, исходил из того, что «конфискация – это не наказание, в отличие от штрафа, подразумевает изъятие того, что находится в собственности, и не может быть направлена (в отличие от штрафа) на те денежные средства, которые появятся в будущем»³.

Верховный Суд Российской Федерации в своих руководящих разъяснениях указал на то обстоятельство, что перечень оснований для окончания исполнительного производства, предусмотренных ч. 1 ст. 47 Федерального закона «Об исполнительном производстве», является исчерпывающим. Отсутствие у должника имущества, на которое может быть обращено взыскание, влечет за собой окончание исполнительного производства только при условии, что судебный пристав-исполнитель принял все допустимые законом меры по отысканию такого имущества и они оказались безрезультатными⁴. Имущество, на которое может быть обращено взыскание в рамках исполнительного производства, может находиться не только у должника, но и иных лиц. С учетом особенностей конфискации, назначаемой в соответствии с ч. 2 ст. 104² УК РФ, самого предмета конфискации может не существовать. Момент же возникновения такого имущества (права на имущество) (например, получение заработной платы, оплата за

ранее произведенные работы, оказанные услуги либо в уплату иных сделок) не имеет юридического значения для исполнительного производства. В таком случае изъятие имущества, полученного осужденным после фактического провозглашения и вступления приговора в законную силу, является оправданной мерой.

Исключением в данном случае могут выступать только предметы, указанные в ст. 446 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации (имущество, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам).

Необходимо отметить, что конфискация, несмотря на то, что не является разновидностью наказания, все же предполагает право государства изъять имущество из незаконного владения либо эквивалент данного имущества (денежные средства либо иное имущество). Отсутствие сведений о наличии у лица имущества (в том числе обусловленное его умышленным сокрытием) на момент вынесения судебного решения не предполагает прекращения правоотношений по поводу имущественных обязательств лица. Если в рамках уголовного дела установлено получение виновным предмета, подлежащего конфискации (например, получение взятки или получение денег от сбыта наркотических средств), однако установить его местонахождение невозможно, то решение о конфискации эквивалентной денежной суммы находится в рамках реализации принципа справедливости и законности.

Зачастую указанное имущество скрывается виновным, тратится на собственные нужды либо передается другим лицам. Подобного рода сокрытие не должно препятствовать процедуре конфискации. В связи с этим Д.Г. Янин предлагает использовать рекомендации международных организаций, предполагающих возложение на виновного обязанности обосновывать законность происхождения имущества в случае рассмотрения вопроса о конфискации имущества, полученного в результате преступления [8, с. 80–84].

На сегодняшний день решение вопроса установления преступности происхождения имущества не имеет устоявшегося и однозначного механизма реализации. В частности, судами выясняются источники приобретения имущества на основании документов, а также показаний подсудимого и свидетелей. Положительно вопрос о конфискации решается в случае принадлежности имущества виновному (документально подтвержденное либо по факту нахождения этого имущества при виновном, в его жилище или принадлежащих ему (используемых им) помещениях). Документальное оформление имущества на других лиц, особенно не являющихся супругами, членами семьи, близ-

³ Решение Ленинского районного суда г. Омска от 26 ноября 2018 г. № 2А-4735/2018 2А-4735/2018-М-4711/2018 М-4711/2018 по делу № 2А-4735/2018 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FARvzDjffQWB/> (дата обращения: 03.02.2022).

⁴ О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 50 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

кими родственниками, порождает ситуацию невозможности изъятия данного имущества в пользу государства при несогласии таких лиц. Отсутствие обязанности обосновывать источник происхождения имущества у лиц, не являющихся осужденными в совершении преступления, создает тупиковую ситуацию в конфискации имущества.

С одной стороны, преступное происхождение имущества выглядит очевидным, однако законодательные рамки формально ограничивают возможность конфискации имущества, не принадлежащего непосредственно виновному лицу. Другим ограничительным моментом выступает возможность изъять по приговору суда только то имущество, которое было непосредственно получено в результате именно того акта преступной деятельности, по которому был постановлен обвинительный приговор.

Сведение процедуры изъятия к единичному акту совершения преступления, а не преступной деятельности в целом не позволяет изъять имущество, накапливаемое в течение длительного периода времени, когда лицо совершало преступления, однако такая деятельность еще не была задокументирована правоохранительными органами [9].

В отношении отдельных видов преступных доходов у правоприменителя имеются правовые средства (пусть даже и критикуемые в юридическом сообществе), позволяющие осуществлять процедуру изъятия. Речь идет о конфискации имущества, полученного государственными служащими в период нахождения на службе, законности и обоснованности происхождения которого они не могут обосновать (ст. 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»). В части изъятия имущества данный нормативный правовой акт достаточно часто применяется самостоятельно. Кроме того, он применяется «в качестве дополнения» при осуждении должностных лиц за совершение единичного акта получения взятки (ст. 290 УК РФ) или злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), когда у осужденного имеется имущество, не фигурирующее в качестве предмета конкретного преступления, однако законность его происхождения не подтверждается осужденным. Ярким примером этому служит уголовное дело в отношении полковника Захарченко⁵, в рамках которого конфискация имущества производилась как на основании приговора суда, так и в рамках обозначенного федерального закона.

При этом изъятие осуществлялось как у самого виновного, так и его родственников⁶.

Сложнее складывается ситуация с изъятием имущества, получаемого в результате другой преступной деятельности (например, незаконная предпринимательская деятельность (ст. 171 УК РФ), сбыт наркотических средств (ст. 228¹ УК РФ) и т.д.). В рамках совершения данных преступлений подобного расширения круга конфискуемого имущества и круга лиц, у которых оно может быть на законных основаниях изъято, не имеется. Судам приходится исходить из косвенных доказательств передачи виновным имущества третьим лицам, и только лишь их согласие и подтверждение указанной информации позволяет применить положения ч. 1 ст. 104² УК РФ.

Такой подход к правовой регламентации конфискации имущества делает данную меру уголовно-правового воздействия неэффективной, применяемой в «усеченном» формате. Решение же указанной проблемы может происходить путем расширения перечня лиц, на которых может быть возложена обязанность доказывать законность происхождения имущества в случае совершения лицом любого преступления, входящего в перечень, предусмотренный ст. 104¹ УК РФ. Представляется, что к таким лицам следует отнести супругов, родителей и детей, а также иных близких родственников при наличии достоверных сведений о передаче имущества осужденным данным лицам. Указанное положение может быть закреплено путем уточнения содержания ч. 3 ст. 104¹ УК РФ.

Положение, закрепленное в ч. 3 ст. 104¹ УК РФ, предусматривает возможность изъятия имущества, переданного виновным иным лицам. Так, «имущество, указанное в частях первой и второй ст. 104¹ УК РФ, переданное осужденным другому лицу (организации), подлежит конфискации, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий».

Указанные положения, на наш взгляд, необоснованно ограничивают возможности конфискации имущества субъективным осознанием противоправности его происхождения. Представляется, что возможность изъять имущество из противоправного владения не может зависеть от субъективного восприятия лицом, у которого это имущество находится в распоряжении.

Об этом свидетельствуют нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующие неосновательное обогащение. В частности, ст. 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации за-

⁵ Дело о миллиардах полковника Захарченко [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/sujet/5762/> (дата обращения: 03.02.2022).

⁶ Конституционный Суд РФ не принял жалобу на изъятие государством 8 млрд рублей у сестры полковника Захарченко [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/692414> (дата обращения: 03.02.2022).

крепляет обязанность возратить неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица.

Данная норма регулирует имущественные правоотношения, возникающие в результате неумышленного возникновения у лица обогащения, порой даже без активных действий с его стороны (например, ошибочный денежный перевод и др.). Особое внимание законодатель обращает на то, что указанные положения применяются независимо от того, явилось ли неосновательное обогащение результатом поведения приобретателя имущества, самого потерпевшего, третьих лиц или произошло помимо их воли. В такой ситуации односторонняя передача имущества без указания преступности его происхождения не исключает его изъятия в соответствии с нормами гражданского права, однако нормы ч. 3. ст. 104¹ УК РФ вводят дополнительное ограничение в виде осознанности преступности происхождения имущества.

Описанные в ч. 3 ст. 104¹ УК РФ положения, по сути, повторяют описание преступного деяния, закрепленного в ст. 175 УК РФ (приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем). Соответственно, лицо, получающее имущество, преступность происхождения которого ему известна, не обладает законными правами на данное имущество, и его фактическое нахождение у него носит противоправный характер.

Определение пределов конфискации имущества предполагает установление юридических границ, в рамках которых изъятие имущества из незаконного владения может происходить на основании норм уголовного законодательства. В то же время закрепленные в УК РФ основания и пределы конфискации имущества ограничиваются особенностями юридических фактов (преступления), субъектов уголовно-правовых отношений и их содержания, выражающегося в уголовной ответственности, в связи с чем нормы гражданского права могут выступать как более универсальные средства правового регулирования вопросов возникновения, изменения либо прекращения права собственности.

Литература

1. **Скиба А.П.** Некоторые проблемы разграничения уголовно-правового и уголовно-исполнительного регулирования // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 3. – С. 46–50.
2. **Головненков П.В., Понятовская Т.Г.** Сущность конфискации имущества в германском и российском уголовном праве // криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 19. – № 1. – С. 164–173.
3. **Лопашенко Н.А.** Конфискация имущества: монография. – Москва, 2012. – 158 с.
4. **Векленко С.В., Карпов К.Н.** Конфискация имущества: противоречия законодательства // Вестник Воронежского института МВД России. – 2010. – № 1. – С. 20–26.
5. **Непомнящая Т.В.** Проблемы назначения и исполнения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2017. – № 2 (51). – С. 145–150.
6. **Мельников В.Ю., Гараева Т.Б.** Основания, условия и цели применения иных мер процессуального принуждения // Право и практика. – 2019. – № 4. – С. 188–194.
7. **Карпов К.Н.** Когда не применяется конфискация имущества // Законность. – 2017. – № 12 (998). – С. 36–40.
8. **Янин Д.Г.** Исполнение приговора в части конфискации имущества и взыскание штрафа как два способа обеспечения справедливости в уголовном судопроизводстве // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 1 (8). – С. 80–84.
9. **Ашкатова К.В.** Розыск похищенного имущества, а также имущества, подлежащего конфискации: нормативные и правоприменительные аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 1 (28). – С. 184–188.

References

1. **Skiba A.P.** Nekotorye problemy razgranicheniya ugovolno-pravovogo i ugovolno-ispolnitel'nogo regulirovaniya // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. – 2014. – № 3. – S. 46–50.
2. **Golovnenkov P.V., Ponyatovskaya T.G.** Sushchnost' konfiskatsii imushchestva v germanskom i rossiiskom ugovolnom prave // Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2015. – T. 19. – № 1. – S. 164–173.
3. **Lopashenko N.A.** Konfiskatsiya imushchestva: monografiya. – Moskva, 2012. – 158 s.
4. **Veklenko S.V., Karpov K.N.** Konfiskatsiya imushchestva: protivorechiya zakonodatel'stva // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2010. – № 1. – S. 20–26.
5. **Nepomnyashchaya T.V.** Problemy naznacheniya i ispolneniya konfiskatsii imushchestva kak inoi mery ugovolno-pravovogo kharaktera // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2017. – № 2 (51). – S. 145–150.
6. **Mel'nikov V.Yu., Garaeva T.B.** Osnovaniya, usloviya i tseli primeneniya inykh mer protsessual'nogo prinuzhdeniya // Pravo i praktika. – 2019. – № 4. – S. 188–194.
7. **Karpov K.N.** Kogda ne primenyaetsya konfiskatsiya imushchestva // Zakonnost'. – 2017. – № 12 (998). – S. 36–40.
8. **Yanin D.G.** Iсполнение приговора в части конфискации имущества и взыскание штрафа как два способа обеспечения справедливости в уголовном судопроизводстве // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2016. – № 1 (8). – S. 80–84.
9. **Ashkatova K.V.** Rozysk pokhishchennogo imushchestva, a takzhe imushchestva, podlezhashchego konfiskatsii: normativnye i pravoprimeritel'nye aspekty // Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii. – 2014. – № 1 (28). – S. 184–188.

(статья сдана в редакцию 17.02.2022)

**СТАТУС СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО
УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****STATUS OF AN EMPLOYEE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES
UNDER THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

УДК 343.235

О.Ю. СТЕПАНОВА,

кандидат юридических наук
(Адвокатская палата Ленинградской области,
Россия, Санкт-Петербург)
stepanovaou@mail.ru

OLGA YU. STEPANOVA,

Candidate of Law
(Law Chamber of the Leningrad Region,
Saint Petersburg, Russia)

М.В. БОГАЧЁВА

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
bogacheva.marya@yandex.ru

MARIA V. BOGACHEVA

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье авторы рассматривают вопросы повышенной ответственности сотрудников органов внутренних дел как субъектов преступлений. Приводятся данные о фактах совершения преступлений сотрудниками иных правоохранительных органов, работниками суда. Основываясь на статистических данных, судебной практике, разъяснениях Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, авторы предлагают выработать единый подход к уголовно-правовой оценке деяний, совершенных сотрудниками различных правоохранительных органов, как к отягчающему вину обстоятельству, которое предусмотрено п. «о» ч. 1 ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Кроме того, в статье рассматривается вопрос о целесообразности существования и действенности ст. 286.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей уголовную ответственность за неисполнение сотрудником органов внутренних дел приказа. Обозначаются проблемы, возникающие при применении данной статьи уголовного закона, определяются возможные варианты их разрешения. Авторы статьи отмечают, что наличие рассматриваемых норм уголовного права не соответствует принципам системности уголовного закона, равенства всех перед законом и справедливости и не способствует решению проблемы роста преступности в правоохранительной сфере.

Ключевые слова: уголовный закон, наказание, правоохранительные органы, закон, справедливость, равенство.

Для цитирования: Степанова О.Ю., Богачёва М.В. Статус сотрудника органов внутренних дел по Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 3. – С. 24–30.

Abstract: the authors in the article examines the issues of increased responsibility of law enforcement officers as subjects of crimes. The data on the facts of the commission of crimes by employees of other law enforcement agencies, employees of the court are given. Based on judicial practice, explanations of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation, it is proposed to develop a unified approach to the criminal legal assessment of acts committed by employees of various law enforcement agencies as an aggravating circumstance provided for in paragraph «o» of Part 1 of Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article also discusses the question of the expediency of the existence and effectiveness of Article 286.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for criminal liability for non-fulfillment by an employee of the internal affairs bodies of an order. The author notes that the existence of the norms of criminal law under consideration does not correspond to the principles of systematic criminal law, equality of all before the law and justice.

Keywords: criminal law, punishment, law enforcement agencies, law, justice, equality.

For citation: Stepanova O.Yu., Bogacheva M.V. Status of an employee of the internal affairs bodies under the Criminal Code of the Russian Federation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2022. – № 3. – P. 24–30.

В целях совершенствования деятельности правоохранительных органов, борьбы с коррупцией, а также улучшения отношения общества к силовым структурам в России в 2011–2012 гг. Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым было инициировано проведение реформы Министерства внутренних дел Российской Федерации. «Нам нужны профессиональные люди, сотрудники, которые эффективны, честно и слаженно выполняют свою работу. Поэтому я считаю, что пришла пора вернуть органам правопорядка их имя – полиция»¹, – заявил на совещании по вопросам реформирования МВД России Д.А. Медведев.

Реформированию системы МВД России предшествовали события 2009–2010 гг., охарактеризовавшие сотрудников милиции «не с лучшей стороны».

К примеру, резонансное дело 2009 г. майора милиции Д.В. Евсюкова, начальника УВД района Царицыно г. Москвы, который был приговорен по пп. «а», «и» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации² к пожизненному лишению свободы с лишением специального звания «майор милиции», по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «б», «е», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ на 13 лет лишения свободы, ч. 1 ст. 222 УК РФ на 3 года лишения свободы, ст. 317 УК РФ на 12 лет лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений окончательно назначено пожизненное лишение свободы с отбыванием в исправительной колонии особого режима с лишением специального звания «майор милиции»³.

В том же 2009 г. к 6 годам лишения свободы по ч. 4 ст. 111 УК РФ был осужден подполковник милиции А. Маурин; к 14 годам лишения свободы по ч. 1 ст. 131 УК РФ, ч. 1 ст. 132 УК РФ приго-

ворен инспектор ДПС ГУВД по Московской области А. Косицын и т.д.⁴

Реакция государства на преступления, совершенные сотрудниками милиции, не заставила себя долго ждать. Так, 22 июня 2010 г. был принят Федеральный закон № 155 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», в соответствии с которым ч. 1 ст. 63 УК РФ была дополнена пунктом «о» следующего содержания: «совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел», а также установлена ответственность за неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа, закрепленная в новой статье 286.1 УК РФ.

Данные нововведения, по мнению некоторых авторов, «являлись попыткой отразить социально-политическое развитие России в нормативной плоскости» [1, с. 90]. Однако в их основу не была положена соответствующая аналитическая база проблемы преступности правоохранительных органов⁵.

Основной целью принятия данного закона, в соответствии с изложенным в пояснительной записке к нему, является усиление мер по защите прав и законных интересов граждан и организаций от неправомερных действий сотрудников органов внутренних дел. Какой-либо иной аргументации необходимости принятия закона и реализации предложенных в нем мер не содержится ни в пояснительной записке, ни в отзывах к законопроекту.

Позже, в 2011 году, Конституционный Суд Российской Федерации в своем определении укажет, что «совершение сотрудниками органов внутренних дел, на которых возложена исключительная по своему объему и характеру – даже в сравнении с сотрудниками иных правоохранительных органов – ответственность по защите жизни и здоровья граждан,

¹ Вступительное слово на совещании по проекту нового закона о милиции [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/8588> (дата обращения: 21.10.2021).

² Далее – УК РФ.

³ Страшный юбилей «кровавого майора»: как спустя десять лет сидит майор Евсюков [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mk.ru/social/2019/04/28/strashnyy-yubiley-krovavogo-mayora-kak-spustya-desyat-let-sidit-mayor-evsyukov.html> (дата обращения: 21.10.2021).

⁴ Громкие преступления, совершенные сотрудниками МВД в 2009–2012 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20120427/628437721.html> (дата обращения: 21.10.2021).

⁵ См.: Стенограммы обсуждения по законопроекту № 331365-5: Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс] // Официальный сайт ГД РФ. – URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bil/331365-5> (дата обращения: 23.11.2021).

противодействию преступности и охране общественного порядка, умышленного преступления свидетельствует об их осознанном, вопреки профессиональному долгу и принятой Присяге, противопоставлении себя целям и задачам деятельности полиции, что способствует формированию негативного отношения к органам внутренних дел и институтам государственной власти в целом, деформирует нравственные основания взаимодействия личности, общества и государства, подрывает уважение к закону и необходимости его безусловного соблюдения и, как следствие, предполагает допустимость поиска законодателем наиболее адекватных мер уголовно-правового реагирования на подобного рода преступные деяния, в том числе при определении общих начал назначения уголовного наказания»⁶. Аналогичная позиция изложена и в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 24.01.2013 № 129-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нигматзянова Рамиля Наиловича на нарушение его конституционных прав пунктом „о“ части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» и др.⁷

Нельзя оставить без внимания факт существования иных правоохранительных структур⁸, сотрудники которых также наделены полномочиями и имеют обязанности по обеспечению

⁶ По запросу Лабитнангского городского суда Ямало-Немецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2011 № 1623-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2021).

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нигматзянова Рамиля Наиловича на нарушение его конституционных прав пунктом «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 2013 г. № 129-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2021); Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Труфанова Павла Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации, частями первой и второй статьи 60 и частью третьей статьи 172 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 2013 года № 420-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.10.2021).

⁸ В настоящее время на законодательном уровне не закреплено определение понятию «правоохранительные органы» и не установлен перечень служб, которые к ним относятся. Ранее в ст. 7 Федерального закона от 23 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» приводилось понятие «правоохранительная служба», но с 13 июня 2015 г. данное понятие из указанного Федерального закона исключено.

общественного порядка и безопасности, защиты граждан, государства и общества от преступлений.

Так, 15 января 2011 г. на базе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации был образован Следственный комитет Российской Федерации как отдельный, самостоятельный государственный орган, наделенный определенными полномочиями в сфере уголовного судопроизводства.

В первые годы своего существования вновь созданное следственное подразделение не оправдало надежд. Так, неэффективность работы была видна при расследовании «игорного дела» в 2011 г., где главными фигурантами уголовных дел выступали также сотрудники правоохранительных органов, а именно прокуратуры. Как отмечалось в СМИ, «по версии следствия... прокурор Игнатенко „систематически лично и через посредников“ получал взятки от организатора подпольных казино Ивана Назарова, а также вовлек в получение взятки других прокуроров и высокопоставленных сотрудников ГУ МВД Московской области»⁹.

Критика работы Следственного комитета Российской Федерации была и со стороны Президента Российской Федерации В.В. Путина. В одном из посланий к Федеральному Собранию он указал «на низкое качество расследования преступлений экономического характера»¹⁰.

В 2018 году были приговорены по ст. 290 УК РФ руководитель ГУ СК России г. Москвы генерал-майор юстиции А. Дрыманов к 12 годам лишения свободы, штрафу с лишением специального звания и запретом на 7 лет занимать должности в органах власти; начальник управления московского Следственного комитета Российской Федерации по Центральному округу полковник юстиции А. Крамаренко к 10 годам лишения свободы, штрафу с запретом занимать должности в правоохранительных органах на 5 лет с лишением специального звания; начальник управления межведомственного взаимодействия и собственной безопасности Следственного комитета Российской Федерации подполковник юстиции М. Максименко к 14 годам лишения свободы, штрафу с лишением права занимать должностно-

⁹ Прокурор объявлен вне розыска // Коммерсантъ. – 2011. – 29 сентября. – С. 6.

¹⁰ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

сти в правоохранительных органах на 6 лет¹¹; первый заместитель руководителя ГУ СК России г. Москвы генерал-майор юстиции Д. Никандров к 5,5 годам лишения свободы с лишением специального звания¹² и т.д.

Федеральная служба исполнения наказаний как самостоятельное ведомство функционирует с 2004 года. С момента создания и до настоящего времени ФСИН России занимала «лидирующие позиции в рейтинге преступности силовиков»¹³. И последние события, произошедшие в ОТБ-1 в Саратове¹⁴, заставляют задуматься о целесообразности ужесточения ответственности для служащих данного ведомства [2, с. 10]. Так, в октябре 2021 г. возбуждено 7 уголовных дел по факту пыток заключенных в Саратовской областной туберкулезной больнице ФСИН России¹⁵, вызвавших большой общественный резонанс. Данный случай, на наш взгляд, подтверждает целесообразность необходимости существования дополнительного «рычага регулирования» для лиц, наделенных государством определенными властными полномочиями, тем более в учреждениях закрытого типа.

Также в 2017 году были приговорены по ч. 4 ст. 111 УК РФ, по ч. 3 ст. 286 УК РФ, по ч. 3 ст. 160 УК РФ к 13 годам 6 месяцам лишения свободы с лишением специального звания и лишением права занимать должности в правоохранительных органах начальник исправительной колонии № 46 Свердловской области подполковник внутренней службы И. Чикин; к 13 годам лишения свободы с лишением специального звания и лишением права занимать должности в правоохранительных органах его заместитель старший лейтенант внутренней службы Е. Панов и к 7 годам 6 месяцам лише-

¹¹ Приговор по делу Дрыманова – Максименко – Крамаренко: 36 лет на всех [Электронный ресурс]. – URL: <https://legal.report/prigovor-po-delu-drymanova-maksimenko-kramarenko-36-let-na-vseh> (дата обращения: 12.10.2021).

¹² Погорел на карте: генералу Никандрову дали 5,5 лет [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2018/08/15/11897965.shtml> (дата обращения: 12.10.2021).

¹³ См.: Из кресла на нары: как руководители ФСИН занимали места своих подопечных [Электронный ресурс]. – URL: <https://pasm.ru/archive/316480/> (дата обращения: 12.10.2021).

¹⁴ ОТБ-1 пустили в дело // Коммерсантъ. – 2021. – 7 октября.

¹⁵ Семь уголовных дел: детали скандала с пытками заключенного в Саратове [Электронный ресурс]. – URL: <https://ren.tv/news/kriminal/888309-sem-ugolovnykh-del-detali-skandala-s-pytkami-zaklyuchennykh-v-saratove> (дата обращения: 10.10.2021).

ния свободы с лишением специального звания и лишением права занимать должности в правоохранительных органах младший инспектор группы надзора отдела безопасности старший сержант Д. Усов¹⁶.

Всех преступлений, совершенных сотрудниками «разных силовых структур», в рамках одной статьи не перечислить¹⁷, однако указанные данные свидетельствуют о существовании преступности во всех правоохранительных органах. Так же, как и на сотрудников органов внутренних дел, на них не в меньшей мере возложена ответственность по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка, в связи с чем они наделены соответствующими полномочиями.

Судебная система, не относящаяся в соответствии с Конституцией Российской Федерации к органам исполнительной власти, где тоже имеет место совершение преступлений судьями, призванными осуществлять правосудие, также заслуживает внимания¹⁸.

Так, в ноябре 2017 г., управляя автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, судья А. Гудкин не справился с управлением, вследствие чего пересек двойную сплошную и выехал на встречную полосу, где совершил лобовое столкновение с двигающимся по направлению движения автомобилем, в результате которого несовершеннолетний пассажир получил телесные повреждения¹⁹. В декабре 2018 г. судья А. Криков, находясь в состоянии алкогольного опьянения, совершил наезд на девушку, переходящую дорогу по пешеходному переходу²⁰. В но-

¹⁶ В Невьянске стартует процесс по делу экс-главы ИК-46, где убили заключенного [Электронный ресурс]. – URL: https://www.znak.com/20160907/v_nevyanske_startuet_process_po_delu_eks_glavy_ik_46_gde_ubili_zaklyuchennogo (дата обращения: 14.10.2021).

¹⁷ Судьи и силовики: за что их арестовывали и сажали в 2019-м [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/story/216084/> (дата обращения: 14.10.2021).

¹⁸ Заем или взятка: с судьей АСГМ разберется следствие [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/story/235186/> (дата обращения 16.10.2021); Взятки, мат и голые женщины – за что лишают статуса служителей Фемиды [Электронный ресурс]. – URL: <https://pasm.ru/archive/239072/> (дата обращения: 16.10.2021).

¹⁹ Неприкосновенные: 5 скандальных ДТП с пьяными судьями: 5 самых громких скандалов с пьяными судьями на дорогах России [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/auto/2018/02/09_a_11642881.shtml (дата обращения: 16.10.2021).

²⁰ Авария с «корочкой». Судья, сбивший девушку на переходе, подал в отставку [Электронный ресурс]. – URL: https://aif.ru/society/people/avariya_s_korochkoy_sudya_sбивshiy_devushku_na_perehode_uvolen (дата обращения: 16.10.2021).

ябре 2021 г. главой СК России А. Бастрыкиным было возбуждено уголовное дело в отношении судьи Арбитражного суда г. Москвы Е.Н. Кондрат по ч. 4 ст. 291.1 УК РФ²¹.

С учетом этого, возвращаясь к анализу позиции Конституционного Суда Российской Федерации, следует согласиться с мнением некоторых исследователей, что судом не были учтены принципы системности уголовного закона, равенства и справедливости, закрепленные в УК РФ и Конституции Российской Федерации [3; 4; 5].

В целях единообразного применения судами п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ Верховный Суд Российской Федерации в своем постановлении указал, что «предусмотренный ст. 63 УК РФ перечень обстоятельств, отягчающих наказание, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. С учетом этого обстоятельства, отягчающие наказание, в приговоре должны быть указаны таким образом, как они предусмотрены в уголовном законе. В случае совершения сотрудником органа внутренних дел преступления с использованием своего служебного положения (например, преступления, предусмотренного частью 3 статьи 160, статьей 286 УК РФ) суд не вправе учитывать данные, характеризующие субъект преступления, в качестве отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного пунктом «о» части 1 статьи 63 УК РФ»²².

Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что при назначении наказания должен быть учтен статус сотрудника органов внутренних дел за те преступления, которые не относятся к категории должностных²³.

Однако, как справедливо отмечают В.В. Данилов и И.П. Асанова, «допускаются судебные ошибки при признании в действиях лица рецидива, что приводит к ошибочному выводу суда о наличии обстоятельств, отягчающих уголовное наказание» [6].

В научной литературе бытуют разные мнения по поводу целесообразности существования

п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ [7; 8; 9]. Так, например, Т.И. Гарипов придерживается мнения, что в целом введение отягчающего обстоятельства, предусматривающего более строгую уголовную ответственность для сотрудника органов внутренних дел, с теоретической и практической точки зрения является нецелесообразным [4]. В.Ю. Ларин, наоборот, считает, что совершение преступления любыми лицами, принявшими на себя обязательства по выполнению государственных или общественно значимых функций, особенно по соблюдению, исполнению законов и обеспечению прав граждан, должно влечь соответствующую характеру и степени общественной опасности содеянного реакцию со стороны государства, в том числе и в виде уголовно-правового воздействия. Следовательно, п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ нуждается в расширении его применения [10].

В свете последних событий в «правоохранительной среде» полагаем актуальным существование данной нормы и необходимость ее дополнения. Таким образом, предлагаем изменить формулировку п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ следующим образом: «совершение умышленного преступления представителями власти».

Под представителями власти применительно к данной статье УК РФ следует понимать лиц, осуществляющих исполнительную, законодательную или судебную власть, а также работников государственных, надзорных и контролирующих органов, наделенных в законном порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, а также организациями, независимо от их ведомственной подчиненности.

Данное определение содержалось в разъяснениях утратившего силу постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе»²⁴.

Кроме того, в рассмотрении целесообразности существования нуждается и статья 286.1 УК РФ.

Вертикальные отношения соподчинения присущи всем структурам, входящим в правоохранительную систему, а следовательно, подобного рода деяния не должны являться преступным исключительно для сотрудников органов внутренних дел.

²⁴ О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2000 г. № 6 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант». Документ утратил силу.

²¹ Судью из Москвы, подозреваемую в коррупции, просили отстранить от дел: Арбитражный суд Москвы просил отстранить от дел судью, подозреваемую в коррупции [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20211201/sudya-1761693004.html> (дата обращения: 16.10.2021).

²² О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18.12.2018) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 3 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 ноября 2015 года) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

«Стабильная преступность» в правоохранительных органах имеет место уже несколько лет. Чаще всего закон нарушают сотрудники МВД России (28,8%), ФСИН России (8,3%) и ФССП России (6,9%)²⁵. Количество совершенных преступлений сотрудниками «силового блока» составляет 1% от общего числа преступлений в России. Доля тяжких и особо тяжких из них составляет, в свою очередь, 32%.

Инициатором внесения изменений по дополнению ст. 286.1 в УК РФ был также Д.А. Медведев. Аналогично вышерассмотренному изменению в ч. 1 ст. 63 УК РФ в пояснительной записке к законопроекту о ст. 286.1 УК РФ фигурировало обоснование «усиление защиты прав и законных интересов граждан и организаций от неправомερных действий сотрудников органов внутренних дел»²⁶. Каких-либо других доводов в обоснование необходимости дополнения уголовного закона данной нормой в пояснительной записке нет. Удивительно и то, что Верховный Суд Российской Федерации дал на данный законопроект положительный отзыв, без каких-либо замечаний.

Однако следует отметить уточнение Комитета Государственной Думы Российской Федерации по безопасности и противодействию коррупции, а именно «необходимо также иметь в виду, что в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 38 и п. 1 ч. 3 ст. 41 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации дознаватели и следователи, в том числе являющиеся сотрудниками органов внутренних дел, обладают процессуальной самостоятельностью и, следовательно, в первую очередь обязаны руководствоваться законодательными нормами, а не приказами начальника»²⁷.

Кроме того, п. 2 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определяет, что «сотрудник органов внутренних дел

обязан руководствоваться законодательством Российской Федерации при получении приказа либо распоряжения прямого или непосредственного руководителя (начальника), заведомо противоречащих законодательству Российской Федерации»²⁸. Нарушение данных «предписаний» подпадает под диспозицию статей 285 или 286 УК РФ, на это справедливо указал депутат Государственной Думы Российской Федерации от партии КПРФ В.И. Илюхин, обозначая и то, что нельзя из МВД России делать источник повышенной опасности, тем самым порождая дискредитацию²⁹. На то, что В.И. Илюхин оказался прав и введенная норма оказалась «мертвой», указывают и исследователи, обозначая целесообразность исключения данной статьи из УК РФ [11], с чем мы солидарны.

О необходимости внесения соответствующих изменений в УК РФ по рассматриваемым нормам свидетельствует и очередное предложение по изменению Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Так, законопроект № 955380-7 «О внесении изменений в Федеральный закон „О полиции“» определяет, что сотрудник полиции не подлежит преследованию за те действия, которые были выполнены им при исполнении обязанностей, возложенных на полицию, и в связи с реализацией возникших при этом прав, если действия осуществлялись в установленном законом порядке...»³⁰.

Возможно, в случае принятия данной инициативы и статьи 285 и 286 УК РФ также окажутся «бездейственными» к отдельной категории сотрудников силового блока – сотрудникам полиции.

Резюмируя вышеизложенное отметим, что в настоящее время актуальность разрешения проблемы роста преступности в правоохранительных органах неоспорима. Однако рассмотренные в данной статье нормы УК РФ не являются способами ее разрешения.

²⁵ У правоохранителей стабильная преступность // Коммерсантъ. – 2018. – 31 октября.

²⁶ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/331365-5#bh_histras (дата обращения: 21.10.2021).

²⁷ Заключение Комитета Государственной Думы по безопасности по проекту федерального закона № 331365-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (по вопросам обеспечения уголовной ответственности за преступления, совершенные сотрудниками органов внутренних дел) [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/331365-5> (дата обращения: 21.10.2021).

²⁸ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 30.04.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ Стенограмма обсуждений проекта федерального закона № 331365-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (по вопросу об ответственности сотрудников органов внутренних дел за совершенные преступления) [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/331365-5> (дата обращения: 21.10.2021).

³⁰ О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции»: законопроект № 955380-7 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/955380-7> (дата обращения: 26.11.2021).

Литература

1. **Медведев С.С., Лысенко А.В.** Проблемные моменты статьи 286.1 УК РФ и обстоятельства, отягчающего наказание – П.О. ч. 1 ст. 63 УК РФ // Общество и право. – 2010. – № 5 (32). – С. 90–93.
2. **Чобанян Р.С.** Пытка: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2007. – 30 с.
3. **Гладких В.И.** Парадоксы современного законотворчества: критические заметки на полях Уголовного кодекса // Российский следователь. – 2012. – № 11. – С. 15–18.
4. **Гарипов Т.И.** Совершение умышленного преступления сотрудником органов внутренних дел как отягчающее обстоятельство при назначении наказания // Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 1. – С. 169–171.
5. **Плаксина Т.А., Баньковский А.Е.** Конституционный принцип равенства и совершение умышленного преступления сотрудником органов внутренних дел как обстоятельство, отягчающее наказание: теоретические и практические аспекты соотношения // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 16–23.
6. **Данилов В.В., Асанова И.П.** Проблемы применения судом обстоятельств, отягчающих уголовное наказание // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – С. 215–220.
7. **Вакуленко Н.А.** Законность и правопорядок в деятельности органов внутренних дел // Правовой порядок: актуальные проблемы социально-правовой теории. – Ростов-на-Дону, 2010. С. 92–96.
8. **Багмет М.А.** Преступность сотрудников органов внутренних дел // Российский следователь. – 2011. – № 22. – С. 31–35.
9. **Чучаев А.Л.** Сотрудник органа внутренних дел – особый субъект уголовно-правовых отношений? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Восьмой Международной научно-практической конференции, 27–28 января 2011 г. – Москва, 2011. С. 57–60.
10. **Ларин В.Ю.** Совершение преступления сотрудником органов внутренних дел как отягчающее наказание обстоятельство // Юридическая наука. – 2013. – № 4. – С. 62–64.
11. **Литвяк Л.Г., Смирнова К.С.** Возвращаясь к проблеме применения ст. 286.1 УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 12. – С. 255–257.

References

1. **Medvedev S.S., Lysenko A.V.** Problemnye momenty stat'i 286.1 UK RF i obstoyatel'stva, otyagchayushchego nakazanie – P.O. ch. 1 st. 63 UK RF // Obshchestvo i pravo. – 2010. – № 5 (32). – S. 90–93.
2. **Chobanyan R.S.** Pytka: ugovolno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Moskva, 2007. – 30 s.
3. **Gladkikh V.I.** Paradoksy sovremennogo zakonotvorchestva: kriticheskie zametki na polyakh Ugolovnogo kodeksa // Rossiiskii sledovatel'. – 2012. – № 11. – S. 15–18.
4. **Garipov T.I.** Sovershenie umyshlennogo prestupleniya sotrudnikom organov vnutrennikh del kak otyagchayushchee obstoyatel'stvo pri naznachenii nakazaniya // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. – 2015. – № 1. – S. 169–171.
5. **Plaksina T.A., Ban'kovskii A.E.** Konstitutsionnyi printsip ravenstva i sovershenie umyshlennogo prestupleniya sotrudnikom organov vnutrennikh del kak obstoyatel'stvo, otyagchayushchee nakazanie: teoreticheskie i prakticheskie aspekty sootnosheniya // Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii. – 2017. – T. 14. – № 2. – S. 16–23.
6. **Danilov V.V., Asanova I.P.** Problemy primeneniya sudom obstoyatel'stv, otyagchayushchikh ugovolnoe nakazanie // Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2019. – T. 9. – S. 215–220.
7. **Vakulenko N.A.** Zakonnost' i pravoporyadok v deyatel'nosti organov vnutrennikh del // Pravovoi poryadok: aktual'nye problemy sotsial'no-pravovoi teorii. – Rostov-na-Donu, 2010. S. 92–96.
8. **Bagmet M.A.** Prestupnost' sotrudnikov organov vnutrennikh del // Rossiiskii sledovatel'. – 2011. – № 22. – S. 31–35.
9. **Chuchaev A.L.** Sotrudnik organa vnutrennikh del – osobyi sub'ekt ugovolno-pravovykh otnoshenii? // Ugovolnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy Vos'moi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 27–28 yanvarya 2011 g. – Moskva, 2011. S. 57–60.
10. **Larin V.Yu.** Sovershenie prestupleniya sotrudnikom organov vnutrennikh del kak otyagchayushchee nakazanie obstoyatel'stvo // Yuridicheskaya nauka. – 2013. – № 4. – S. 62–64.
11. **Litvyak L.G., Smirnova K.S.** Vozvrashchayas' k probleme primeneniya st. 286.1 UK RF // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2019. – № 12. – S. 255–257.

(статья сдана в редакцию 12.01.2022)

МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДЕМОНСТРАТИВНО-ПРОТЕСТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОЛИЦЕЙСКОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

MEASURES TO PREVENT DEMONSTRATIVE PROTEST CRIME ASSOCIATED WITH THE USE OF POLICE COERCION

УДК 343.97

И.С. ИЛЬИН,

кандидат юридических наук, доцент
(Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Россия, Санкт-Петербург)
ORCID: 0000-0003-1362-0519
isilyin@yandex.ru

ILYA S. ILYIN,

Candidate of Law, Associate Professor
(Law at Northwestern Institute of Management
of the Russian Presidential Academy
of the National Economy and Public Administration,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: в данной статье рассматривается направление предупреждения демонстративно-протестной преступности, которое связано с практикой силового подавления массовой акции и предотвращения преступлений.

Исследование показало, что нормативное регулирование оснований и порядка применения силы к участникам массовых публичных мероприятий отличается неопределенностью.

Выход из ситуации должен состоять в конкретизации на уровне закона о публичных мероприятиях оснований применения силовых средств сотрудниками полиции. В качестве общей посылки, отражающей необходимость обеспечения пропорциональности и соразмерности применяемых средств предупреждения исходящим от поведения участников массовых акций угрозам, предлагается следующее правило: сила может применяться только в тех случаях, когда массовая акция утратила мирный характер, когда со стороны участников публичного мероприятия исходит реальная угроза применения насилия или совершаются конкретные насильственные действия либо действия, связанные с причинением вреда собственности, когда массовая акция переросла или создана реальная угроза ее перерастания в массовые беспорядки.

Ключевые слова: протест, последствия, профилактика, предупреждение, преступление, принуждение, подавление, безопасность, личность, группа.

Для цитирования: Ильин И.С. Меры предупреждения демонстративно-протестной преступности, связанные с применением полицейского принуждения // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 3. – С. 31–35.

Abstract: this article discusses the direction of the prevention of demonstrative protest crime, which is associated with the practice of forceful suppression of a mass action and the prevention of crime.

The study showed that the normative regulation of the grounds and procedure for the use of force against participants in mass public events is vague.

The way out of the situation should be to specify at the level of the law on public events the grounds for the use of force by police officers. As a general premise, reflecting the need to ensure proportionality and proportionality of the means used to prevent threats emanating from the behavior of participants in mass actions, the following rule is proposed: force can only be used in cases where a mass action has lost its peaceful character, when a real threat comes from the participants in a public event the use of violence or specific violent actions or actions related to causing damage to property are committed when a mass action has outgrown or a real threat of its escalation into mass riots has been created.

Keywords: protest, consequences, prevention, prevention, crime, coercion, suppression, security, personality, group.

For citation: Ilyin I.S. Measures to prevent demonstrative protest crime associated with the use of police coercion // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2022. – № 3. – P. 31–35.

Дialog полиции с протестующими и участниками иных массовых мероприятий не является единственно возможной линией поведения правоохранительных сил в обеспечении проведения протестных акций. Он эффективен лишь там и тогда, где и когда возможно его применение: до того момента, пока участники массовых акций действуют рационально, и до того момента, пока массовые выступления сохраняют мирный характер.

Когда же массовая акция выходит за пределы рационального, группа протестующих трансформируется в толпу, а их поведение приобретает эмоциональный, импульсивный, агрессивный характер, тактика диалога, если и сохраняет свое значение, то в крайне ограниченных масштабах. В такой ситуации на передний план предупредительной тактики полиции должны выйти иные приемы и средства, в том числе включающие в себя силовое противостояние и подавление агрессии толпы.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 26.11.2018 № 3089-О¹ (пункт 2, абз. 3, 4), «принимая во внимание характер гарантированного статьей 31 Конституции Российской Федерации права, предполагающей исключительно мирный способ выражения гражданами своих взглядов и их доведения до соответствующих адресатов, в случаях, когда организаторы или участники публичного мероприятия ведут себя деструктивно, в частности явно намереваются совершить или, более того, совершают какие-либо действия, угрожающие общественному порядку и (или) общественной безопасности, государство – во исполнение своей конституционной обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина – должно использовать для недопущения и пресечения проявлений, не отвечающих существу права на мирные собрания, все законные средства».

К числу допустимых законных средств пресечения деструктивного поведения участников массовых акций, вне сомнений, относится и применение силы полицейскими. Этот вопрос находится в центре внимания не только общественности, но и специалистов. Анализ литературы позволяет выявить некоторые «точки согласия» в оценке полицейского принуждения. В частности, можно считать установленным, что:

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Просанова Игоря Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части 2 и пунктом 2 части 3 статьи 6 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.11.2018 № 3089-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». Документ официально не опубликован.

– отношение к полицейскому принуждению всегда противоречиво и зависит от позиции субъекта оценки [1, р. 28; 2, р. 234–248]: официальные версии оценки насильственного вмешательства полиции в ходе протестных акций, как правило, заключаются в их оправдании как предсказуемых и пропорциональных для защиты общественного порядка [3, р. 246–268], в то время как критика действий полиции разворачивается по преимуществу «извне», со стороны самих протестующих и весьма часто со стороны общественности, не участвовавшей в массовых акциях [4, р. 1051–1071; 5];

– применение силы против демонстрантов, как правило, не воспринимается полицейскими в качестве нелегитимного поведения, оно оценивается как правомерные профессиональные действия по поддержанию общественного порядка, при этом в сознании полицейских либо ответственность за применение силы возлагается на самих протестующих, которые не реагируют на предложения правительственных сил о прекращении массовой акции и сознательно идут на эскалацию конфликта [6, р. 161–191; 7, р. 193–209], либо ответственность перекладывается на вышестоящее полицейское руководство, которое отдает обязательные к исполнению приказы [8, р. 27–35];

– существуют различия в готовности полицейских применять силу, в масштабах и интенсивности применения силы в зависимости от того, насколько полицейские проявляют эмпатию к требованиям протестующих, насколько близки им выдвигаемые участниками массовых акций лозунги; такое различие предполагает неявную дифференциацию «хороших демонстрантов» (т.е. тех, кто протестует за «правое» и «понятное» дело) и «плохих демонстрантов» (т.е. тех, чьи требования неясны или не имеют важного значения) на основе субъективно выстроенной концепции того, что представляет собой законный протест и как он должен осуществляться [9, р. 1–32; 10]; эмпатия, определяемая как индивидуальная реакция, при которой ситуация или состояние протестующих воспринимается как потенциально сходное с собственным состоянием полицейского, может привести к сомнению в роли насилия и репрессий, тем самым меняет готовность представителя правопорядка вмешиваться с применением силы и принуждения [11, р. 386–414; 12];

– общественное мнение по отношению к полицейскому принуждению определяется не только поведением самих полицейских, но и общественным восприятием действий протестующих и демонстрантов; и хотя общественность в целом выступает против репрессий полиции во время протестов, деструктивная, опасная или незаконная тактика протеста увеличивает общественную поддержку полицейских действий, в том числе и жестких, за счет усиления общественного страха [13].

Надо заметить, что исследования полицейского принуждения во время проведения массовых акций, как правило, проводятся с точки зрения общих, в том числе конституционных, положений об условиях легитимности и пропорциональности применения силы, которую может применить государство по отношению к своим гражданам. На этом фоне собственно криминологическое значение силовых действий полиции несколько замалчивается, что, как представляется, искажает общую оценку действий полиции, которые таким образом «вырываются» из контекста конкретной ситуации.

Между тем важно напомнить общеизвестное: применение физической силы, специальных средств и оружия является одним из компонентов профессиональной деятельности полицейского. В соответствии с Федеральным законом «О полиции»² (ст. 18) сотрудник полиции имеет право

² О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия лично или в составе подразделения (группы). При применении силы он действует с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления (ст. 19).

Обращение к тексту Федерального закона «О полиции» позволяет определить соотносимость применяемых силовых средств, обстановки и целей их применения в условиях проведения массовых акций. Так, применение физической силы, включая боевые приемы борьбы, может быть использовано для пресечения преступлений и административных правонарушений, доставления в служебное помещение лиц, их совершивших, их задержания, для преодоления противодействия законным требованиям сотрудника полиции. Описаны в Федеральном законе основания и условия применения специальных средств (см. табл. 1) и оружия.

Таблица 1. Применение специальных средств сотрудниками полиции

Средство	Цель применения									
	Отражение нападения на гражданина или сотрудника полиции	Пресечение преступления или административного правонарушения	Пресечение сопротивления, оказываемого сотруднику полиции	Задержание лица, застигнутого при совершении преступления и пытающегося скрыться	Задержание лица, если это лицо может оказать вооруженное сопротивление	Доставление в полицию, конвоирование и охрана задержанных лиц	Освобождение насильственно удерживаемых лиц, захваченных зданий, помещений, сооружений, транспортных средств и земельных участков	Пресечение массовых беспорядков и иных противоправных действий, нарушающих движение транспорта, работу средств связи и организаций	Выявление лиц, совершающих или совершивших преступления или административные правонарушения	Защита охраняемых объектов, блокирование движения групп граждан, совершающих противоправные действия
Палки	+	+	+	+	+		+	+		+
Газовые средства	+	+	+	+	+		+	+		
Средства ограничения подвижности			+	+		+				
Окрашивающие и маркирующие средства									+	+
Электрошоковые и светошоковые устройства	+	+	+	+	+		+	+		
Служебные животные	+	+	+	+	+	+	+		+	+
Световые и акустические средства					+		+	+		+
Средства сковывания движения	+	+	+	+	+		+	+		+
Водометы							+	+		+
Бронемашины					+		+	+		+
Средства защиты охраняемых объектов, блокирования движения групп граждан										+
Средства разрушения преград					+		+			

Вместе с тем надо обратить внимание, что согласно ст. 18 анализируемого закона право на применение силы легитимирует «случаями и порядком, предусмотренными федеральными конституционными законами, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами». Обращение к тексту Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» показывает, что он не содержит специальных норм, которые детализировали и конкретизировали бы порядок применения силы сотрудниками во время массовых акций. В соответствии с ч. 2 ст. 17 этого закона «в случае невыполнения указания о прекращении публичного мероприятия сотрудники полиции (военнослужащие и сотрудники войск национальной гвардии Российской Федерации) принимают необходимые меры по прекращению публичного мероприятия, действуя при этом в соответствии с законодательством Российской Федерации». Такую же ссылку содержит часть третья данной статьи, определяя порядок прекращения публичного мероприятия в случае возникновения массовых беспорядков, погромов, поджогов и других случаев, требующих экстренных действий.

Таким образом, складывается ситуация, при которой «общий закон», регламентирующий деятельность полиции, ссылается на «специальный», регламентирующий порядок проведения публичных мероприятий, а «специальный» ссылается на «общий». В итоге существенные моменты применения силы сотрудниками полиции при взаимодействии с участниками массовых беспорядков остаются неконкретизированными до уровня правовой неопределенности. В частности, такие понятия, характеризующие основания и цели применения силы, как движение групп граждан, противодействие законным требованиям, иные противоправные действия, оставляют широкий простор для усмотрения в их толковании. Равным образом общая возможность применения физической силы и специальных средств для пресечения административных

правонарушений и преступлений, без указания на особенности самих этих противоправных деяний, позволяющая при буквальном толковании обосновать применение силы в случае совершения таких деяний, как неоднократное нарушение установленного порядка проведения публичного мероприятия (ст. 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) или нарушение участником публичного мероприятия установленного порядка его проведения (ч. 5 ст. 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), которые могут иметь насильственный характер, не создавать серьезной угрозы общественному порядку и безопасности, а равно правам и интересам граждан или организаций, создает серьезные предпосылки для не в полной мере оправданного или чрезмерного, хотя формально и легитимного внешне применения силы со стороны полиции.

Подобная ситуация не может оцениваться как допустимая. Представляется, что выход из нее должен состоять в конкретизации на уровне закона о публичных мероприятиях оснований применения силы сотрудниками полиции. Цель такого применения силы должна быть подчинена криминологическим задачам предупреждения, предотвращения и пресечения преступлений и административных правонарушений. Следовательно, в качестве общей посылки, отражающей необходимость обеспечения пропорциональности и соразмерности применяемых средств предупреждения исходящим от поведения участников массовых акций угрозам, можно предложить следующее правило: сила может применяться только в тех случаях, когда массовая акция утратила мирный характер, когда со стороны участников публичного мероприятия исходит реальная угроза применения насилия или совершаются конкретные насильственные действия либо действия, связанные с причинением вреда собственности, когда массовая акция переросла или создана реальная угроза ее перерастания в массовые беспорядки (в том виде, как они представлены в ст. 212 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Литература

1. **Soares, M., Barbosa, M., Matos, R., Mendes, S.M.** (2018). Public Protest and Police Violence: Moral Disengagement and Its Role in Police Repression of Public Demonstrations in Portugal. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, Vol. 24, № 1, P. 28.
2. **Taylor, R.B., Wyant, B.R., & Lockwood, B.** (2015). Variable links within perceived police legitimacy?: Fairness and effectiveness across races and places. *Social Science Research*, Vol. 49, pp. 234–248.
3. **Bradford, B., Huq, A., Jackson, J., & Roberts, B.** (2014). What price fairness when security is at stake? Police legitimacy in South Africa. *Regulation & Governance*, Vol. 8, pp. 246–268.
4. **Jackson, J., Bradford, B., Hough, M., Myhill, A., Quinton, P., & Tyler, T.R.** (2012). Why do people comply with the law? Legitimacy and the influence of legal institutions. *British Journal of Criminology*, Vol. 52, pp. 1051–1071.
5. **Lawrence, R.** (2000). *The politics of force: Media and the construction of police brutality*. Berkeley, CA: University of California Press, 254 p.
6. **Bandura, A.** (1990). Mechanisms of moral disengagement. In Reich W. (Ed.), *Origins of terrorism: Psychologies, ideologies, theologies, states of mind* (pp. 161–191).

-
7. *Cambridge, UK: Cambridge University Press. Bandura A.* (1999). Moral disengagement in the perpetration of inhumanities. *Personality and Social Psychology Review*, Vol. 3, pp. 193–209.
 8. *Soares, M., Barbosa, M., Matos, R., & Mendes, S.M.* (2018). Public protest and police violence: Moral disengagement and its role in police repression of public demonstrations in Portugal. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, Vol. 24, № 1, pp. 27–35.
 9. *Della Porta, D., & Reiter, H.* (Eds.). (1998). The policing of protest in western democracies. *Policing protest: The control of mass demonstrations in Western societies* (pp. 1–32).
 10. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.
 11. *Eisenberg, N., Valiente, C., & Champion, C.* (2004). Empathy-related responding: Moral, social, and socialization correlates, pp. 386–414.
 12. *In. Miller A.G.* (Ed.), *The social psychology of good and evil*. New York: The Guilford Press. 542 p.
 13. *Metcalf, C., & Pickett, J.* (2021) Public fear of protesters and support for protest policing: An experimental study. *SocArXiv*. January 7. doi:10.31235/osf.io/7hcwp.
-

(статья сдана в редакцию 31.05.2022)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ЖЕНЩИНЫ-ПРЕСТУПНИЦЫ**VALUE ORIENTATIONS OF A CRIMINAL WOMAN**

УДК 343.9.01

Д.В. МОРОЗОВ,адъюнкт
(Воронежский институт МВД России,
Россия, Воронеж)
Dmorozov29121983@yandex.ru**DMITRIY V. MOROZOV,**Postgraduate
(Voronezh Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Voronezh, Russia)**М.М. СТАРОСЕЛЬЦЕВА,**кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
maryel_83@mail.ru**MARINA M. STAROSELTSEVA,**Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: на данный момент, по мнению специалистов, наиболее распространенным способом исследования ценностной сферы личности является применение методик, в ходе которых сообщаются определенные ценности для их однозначной оценки. Из имеющегося разнообразия преимущественно используется методика, разработанная американским психологом М. Рокичем.

Предметом данной статьи являются ценностные ориентиры женщин-преступниц. Цель исследования заключается в попытке выяснить специфику ранжирования ценностных ориентаций женщин-преступниц по данному методу.

Результат показывает, что приоритет среди ценностных ориентиров женщин, находящихся в исправительных учреждениях, и женщин, находящихся на свободе, различен и ориентиры с годами могут кардинально меняться.

Согласно Федеральному закону от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» одним из направлений профилактики правонарушений является предупреждение преступлений, которое реализуется путем выявления лиц, склонных к совершению правонарушений. Знаменитые русские криминологи, такие как Ю.М. Антонян, А.Р. Ратинов, С.М. Иншаков, в своих исследованиях доказали необходимость изучения личности преступника и выявили определенные ее повторяющиеся признаки, которые включаются в психологический портрет преступника, среди этих признаков имеются и личностные ценности. Соответственно, зная присущие преступникам личностные ориентиры, путем психологических тестов можно будет выявлять людей, склонных к преступлениям, и вести с ними работу по профилактике правонарушений.

В статье изложены конкретные данные по ранжированию ценностных ориентиров преступниц, на их основании психологами могут быть выработаны конкретные мероприятия по воспитательной работе с осужденными, направленные на их перевоспитание и профилактику совершения ими преступлений в дальнейшем.

Ключевые слова: женская преступность, анкетирование, ценностные ориентиры.

Для цитирования: Морозов Д.В., Старосельцева М.М. Ценностные ориентиры женщины-преступницы // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 3. – С. 36–41.

Abstract: at the moment, according to experts, the most common way to study the value sphere of a person is the use of techniques in which certain values are communicated for their unambiguous assessment. From the available variety, the method developed by the American psychologist M. Rokich is mainly used.

The subject of this article is the value orientations of female criminals. The purpose of the study is to try to find out the specifics of ranking the value orientations of female criminals by this method.

The result shows that the priority among the value orientations of women in correctional institutions and women at large is different, and the orientations can change dramatically over the years.

Relevance - according to Federal Law No. 182-FZ of 23.06.2016 "On the fundamentals of the system of crime prevention in the Russian Federation", one of the areas of crime prevention is crime prevention, which is implemented

by identifying persons prone to committing offenses. Famous Russian criminologists such as Y.M. Antonyan, A.R. Ratinov, S.M. Inshakov in his research proved the need to study the personality of the criminal and identified certain recurring signs that are included in the psychological portrait of the criminal, among these signs there are personal values. Accordingly, knowing the personality orientations inherent in criminals, through psychological tests, it will be possible to identify people prone to crimes and work with them to prevent offenses.

The article presents specific data on the ranking of the value orientations of criminals, on their basis psychologists can develop specific measures for educational work with convicts aimed at their re-education and prevention of their crimes in the future.

Keywords: women's crime, questionnaires, value orientations.

For citation: Morozov D.V., Staroseltseva M.M. Value orientations of a criminal woman // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2022. – № 3. – P. 36–41.

Проводимые эмпирические исследования в области криминальной психологии доказывают существование определенных психологических различий в структуре личности преступника и законопослушного гражданина. Личности преступника присущи определенные устойчивые психологические особенности. В доказывание данной парадигмы большой вклад внес видный российский криминолог Ю.М. Антонян, который в своих трудах выявил психологические черты преступников и объединил их в психологический портрет преступника. Также один из основателей отечественной криминальной психологии А.Р. Ратинов доказал, что существуют различия в ценностях преступников и законопослушных граждан. С.М. Иншаков определяет некоторые качества личности, присущие преступникам.

Объектом криминологических исследований все больше становятся жизненные ценности, или, другими словами, ценностные ориентиры, преступников, которые управляют их поступками, а также являются существенной деталью их психологического портрета [1]. Под ценностными ориентирами понимают установки, влечения и высшие цели отдельных людей или социальных групп [2, с. 33]. Ценностные ориентации являются воплощением желаний и запретов, испытываемых личностью с учетом ее жизненного опыта. Развитие ценностных ориентаций личности – это сложный процесс, определяющий отношение человека к окружающему, к себе лично, являются убеждениями, объясняющими его поведение [3, с. 6]. На их возникновение и становление преимущественно воздействуют: эмоциональное восприятие окружающей действительности (влечения, переживания и т.п.), отношение к самому себе и готовность совершить что-либо [2, с. 36].

Ценностные ориентации непосредственно относятся к основополагающим взглядам личности о смысле жизни и ее цели, выстраивая порядок самооценки совершаемых ею деяний,

желаний [4]. Они являются основным элементом, влияющим на процесс выработки алгоритма поведения для удовлетворения своей потребности [2, с. 4].

На данный момент, по мнению специалистов, наиболее распространенным способом исследования ценностной сферы личности является применение методик, в ходе которых сообщаются определенные ценности для их однозначной оценки. Из имеющего разнообразия методик преимущественно используется методика, разработанная американским психологом М. Рокичем. Как считает доктор психологических наук Д.А. Леонтьев, исследования, проведенные М. Рокичем, являются наиболее богатыми и методически обоснованными [5]. По его методике [3, с. 33] был произведен опрос 202 женщин, отбывающих наказание в исправительной колонии № 7 УФСИН России по Липецкой области (экспериментальная группа), и идентичного количества женщин на улицах города Липецка (контрольная группа) для определения наиболее важных жизненных ценностей.

Согласно данной методике жизненные ценности подразделяются на две группы:

а) терминальные ценности (результатирующие) – ценности, достижение которых является смыслом жизни личности;

б) инструментальные ценности (орудийные) – убеждения, что данное свойство личности способствует достижению терминальной ценности.

Наиболее значимыми результирующими ценностями женщин из контрольной группы являются здоровье, счастливая семейная жизнь и любовь. Безразлично данная категория женщин относится к активной деятельности жизни, общественному признанию и свободе. Незначительными или даже отвергаемыми для них являются ценности, связанные с природной красотой и произведениями искусства, творчеством и счастьем других. Отвергая такую жизненную ценность, как счастье других, женщины из контрольной груп-

пы показывают большую индивидуальность и эгоистическую направленность личности. У осужденных женщин предпочитаемыми ценностями являются не только здоровье и счастливая семейная жизнь, но и жизненная мудрость. Первенство здоровья у двух категорий опрошенных

связано с продолжающейся пандемией коронавируса. Индифферентными ценностями служат развитие, уверенность в себе и продуктивная жизнь, и категорию неважных ценностей представляют удовольствие, творчество, красота природы и искусства (см. рис. 1).

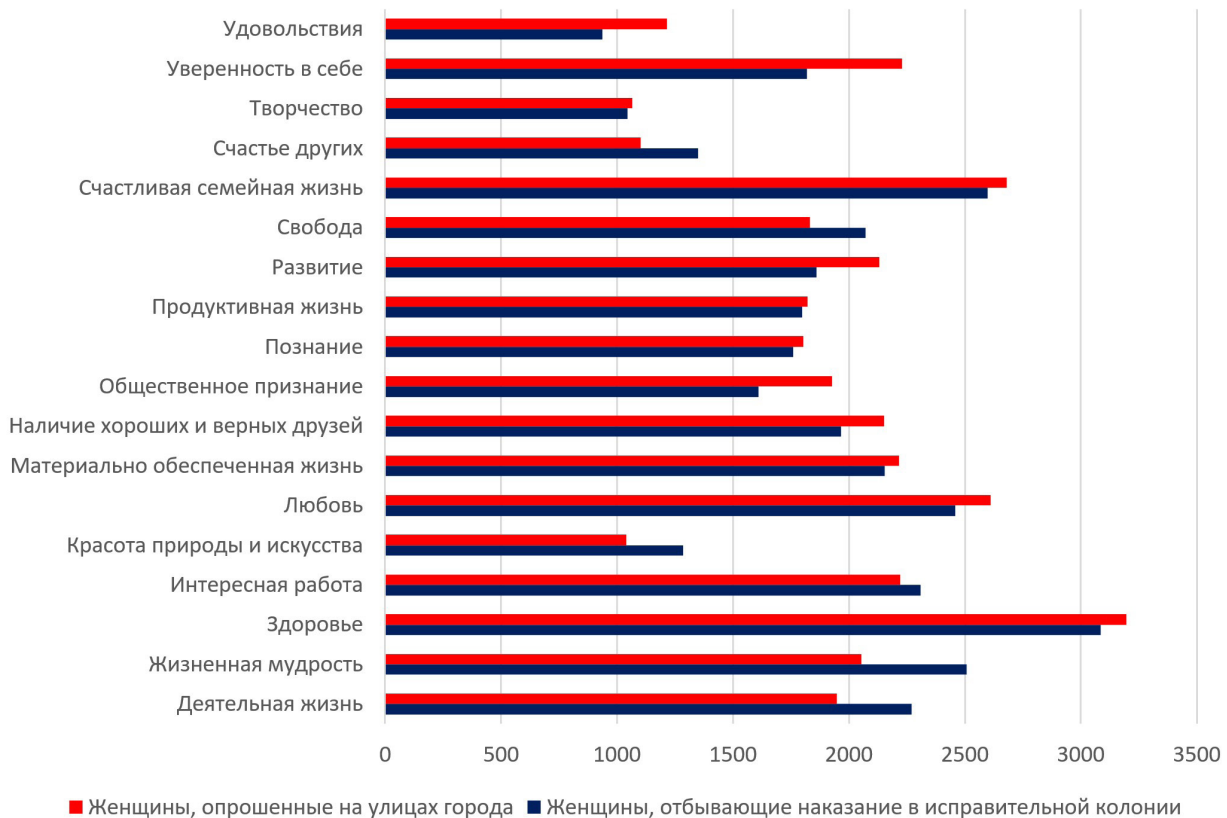

Рисунок 1. Терминальные ценности

В категории инструментальных ценностей у женщин, опрошенных на улице, лидируют воспитанность, честность и ответственность. В тройку самых безразличных ценностей вошли независимость, решимость в отстаивании своей точки зрения, результативность своих действий. Отрицаемыми ценностями стали непоколебимая воля, бескомпромиссность по отношению к себе и другим, высокие стандарты. Среди женщин, отбывающих наказание, приоритет по инструментальным ценностям складывается следующим образом: наиболее важными для них являются аккуратность, воспитанность и ответственность. Тройку безразличных ценностей составляют чуткость, отвага в отстаивании своей точки зрения. И наиболее отрицаемыми ценностями стали широкий кругозор, высокие стандарты и бескомпромиссность по отношению к себе и другим (см. рис. 2).

Большой своей частью опрошенные преступницы, отдавая лишь седьмое место такой ценно-

сти, как честность, показывают, что не в полной мере осознают последствия лжи и способны без угрозы совести совершать безнравственные поступки. Высоким запросам женщины-преступницы отдали больше своих голосов, чем женщины из контрольной группы, тем самым давая понять, что у них могут быть определенные замыслы, которые они готовы воплотить любыми способами.

Рационализм и исполнительность одинаково важны для женщин в исследуемых группах. Это значит, что рассматриваемые категории женщин идентично в своей жизнедеятельности идут к определенным познаниям через разум и в социуме одинаково дисциплинированы.

Аналогичные исследования в 2009 году проводились сотрудниками Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. В качестве экспериментальной группы выступали отбывающие наказание в Саблинской исправительной женской

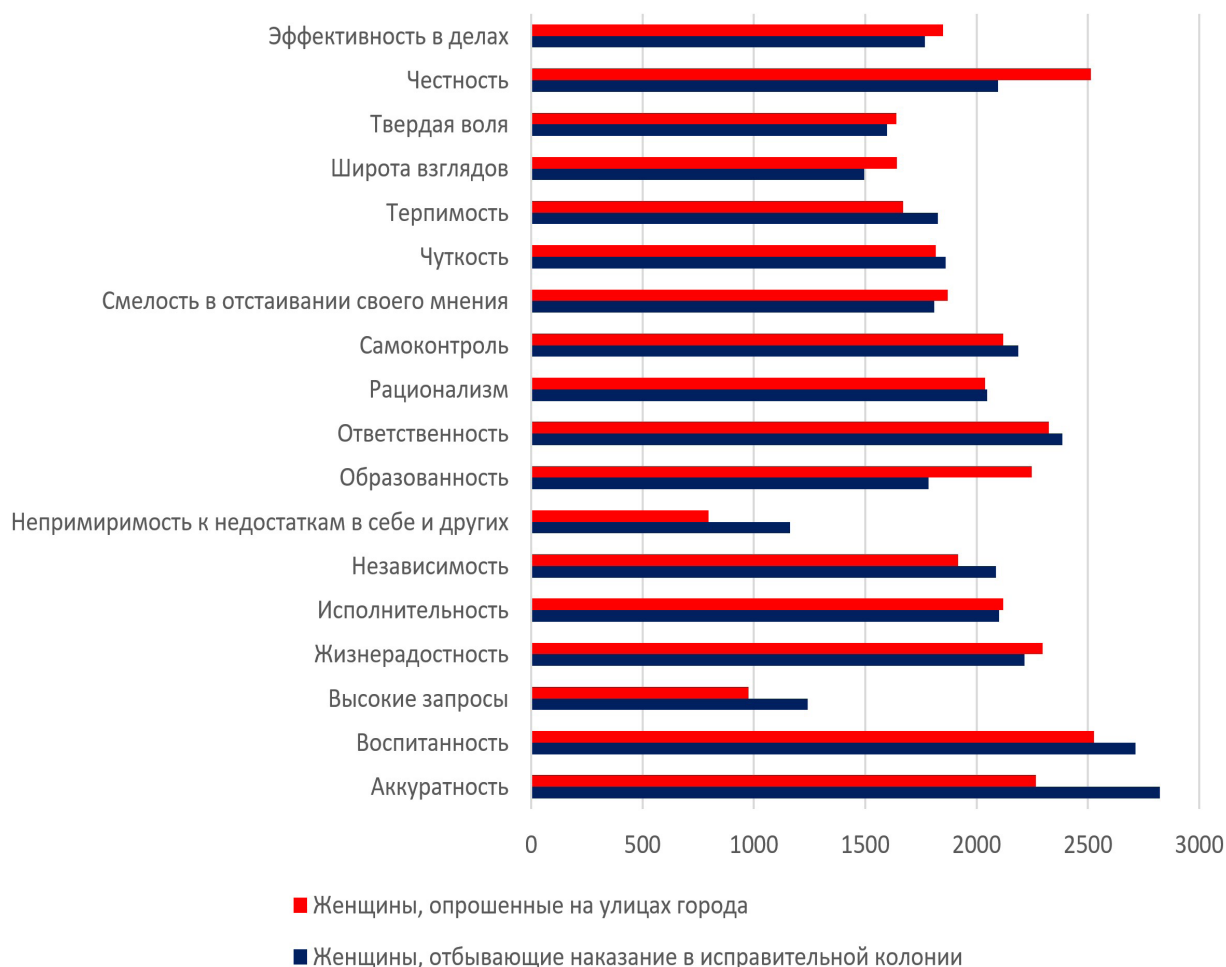

Рисунок 2. Инструментальные ценности

колонии Ленинградской области (60 женщин). В контрольную группу вошли 120 жительниц города. В сравнении результаты выглядят следующим образом. Среди терминальных ценностей в контрольной группе лидировали полноценная продуктивная жизнь, плодотворная жизнь и свобода. Самыми отвергаемыми были общественное признание, удовольствия и творчество. У заключенных наиболее приоритетными ценностями являлись безбедное существование, общественное признание и наслаждения. Отрицаемыми ценностями были благополучие других, природная красота и искусство, а также творчество [6]. В сопоставлении с показателями 2021 года получается, что такая результирующая ценность, как активная предприимчивая жизнь, с господствующего первого места в группе женщин, опрошенных на улицах города, упала на десятое место, однако у преступниц осталась на прежнем шестом месте. Жизненный опыт, финансовое благополучие, наличие хороших и верных друзей, публичное признание и уверенность в себе со временем стали больше ценить жен-

щины, входящие в контрольную группу, а отбывающие наказание женщины стали к ней безразличнее. Здоровье и счастливая семейная жизнь вышли на главенствующие роли у двух групп. Потребность в интересной работе, любви и познании стали больше проявлять также обе группы. По-прежнему одной из самых малозначительных ценностей у всех категорий остается красота природы и искусства. Плодотворную жизнь стали больше ценить преступницы, а женщины из контрольной группы снизили к ней интерес. К такой ценности, как свобода, снизился интерес у обеих групп, что странно для женщин, отбывающих наказание. Счастью других женщины контрольной группы стали определять малозначительную роль и в этом плане сравнивались с женщинами, отбывающими наказание, у которых она осталась на низком уровне. Удовольствие женщины из контрольной группы также относят к отвергаемым ценностям, куда по прошествии времени стали ее относить и преступницы, хотя в 2009 году они отдавали этой ценности второе место (см. табл. 1).

Таблица 1. Терминальные ценности у женщин с различными типами поведения
(сравнение показателей 2009 и 2021 г. (по методике М. Рокича))

Показатель	2009 г.		2021 г.	
	Контрольная группа (уровень ценности)	Экспериментальная группа (уровень ценности)	Контрольная группа (уровень ценности)	Экспериментальная группа (уровень ценности)
Активная жизнь	1	6	10	6
Жизненный опыт	4	9	9	3
Здоровье	11	8	1	1
Интересная работа	9	10	5	5
Красота природы и искусства	12	18	18	16
Любовь	13	7	3	4
Финансовое благополучие	14	3	6	7
Наличие хороших и верных друзей	10	5	7	9
Публичное признание	18	1	11	14
Познание	6	12	14	13
Плодотворная жизнь	2	13	13	12
Развитие	8	14	8	10
Свобода	3	4	12	8
Счастливая семейная жизнь	15	15	2	2
Счастье других	5	16	16	15
Творчество	16	17	17	17
Уверенность в себе	7	6	4	11
Удовольствия	17	2	15	18

Среди орудийных ценностей у женщин в контрольной группе в 2009 году в приоритете были воспитанность, самоконтроль и терпимость. У женщин, отбывающих наказание, – широта взглядов, независимость и высокие запросы. Наиболее отрицаемыми в контрольной группе являлись бескомпромиссность по отношению к себе и другим, исполнительность и рационализм, у преступниц – исполнительность, эффективность в делах и самоконтроль. К 2021 году женщины также пересмотрели приоритеты данных ценностей, и теперь аккуратности и воспитанности женщины-преступницы стали отдавать главенствующие роли. Женщины из контрольной группы тоже стали больше отдавать приоритет аккуратности, а воспитанность осталась по-прежнему на первом месте. Высокие запросы потеряли свою ценность и в обеих группах опустились на семнадцатое место, а жизнерадостность у всех поднялась на четвертое место. Исполнительность, ответственность, рационализм и честность за годы повысили свой статус у всех женщин, а независимости, твердой воле, терпимости и широте взглядов женщины стали уделять меньше внимания. Непримируемость к недостаткам в себе и других у женщин-преступниц стала, как и у женщин, опрошенных на улице, на самом последнем месте. Просвещенность и смелость

в отстаивании своего мнения, своих взглядов стали больше ценить женщины из контрольной группы, а женщины из колонии снизили к данным ценностям интерес. В свою очередь, самоконтроль, эффективность в делах и чуткость повысили свой статус у преступниц, а женщины в контрольной группе потеряли к данным ценностям интерес [6] (см. табл. 2).

Знание жизненных ценностей, присущих женщинам-преступницам, позволит планировать работу, направленную на недопущение повторного совершения преступлений, а своевременное воздействие и корректировка ценностей молодых женщин предостережет их от возникновения первоначального преступного умысла. Доведение до личности ценностных ориентиров, влияющих на допустимое поведение в обществе, позволяет переосмыслить имеющиеся ценностные ориентиры с дальнейшей корректировкой внутренних установок на правосознательное поведение. Ведь система ценностных ориентаций не представляет что-то слаженное и статичное, она двойственна и изменчива. Хотя, как показывают исследования, ценности, которым опрашиваемые отдают главенствующие 3–4 позиции и последние 2 позиции, являются наиболее стабильными, а изменению в первую очередь предрасположены инструментальные ценности [7, с. 89].

**Таблица 2. Инструментальные ценности у женщин с различными типами поведения
(сравнение показателей 2009 и 2021 г. (по методике М. Рокича))**

Показатель	2009 г.		2021 г.	
	Контрольная группа (уровень ценности)	Экспериментальная группа (уровень ценности)	Контрольная группа (уровень ценности)	Экспериментальная группа (уровень ценности)
Чистоплотность	10	9	5	1
Чуткость	5	13	13	10
Воспитанность	1	10	1	2
Эффективность в делах	6	17	12	14
Самоконтроль	2	16	8	5
Жизнерадостность	8	8	4	4
Ответственность	9	12	3	3
Высокие запросы	7	3	17	17
Терпимость	3	7	14	11
Исполнительность	16	18	7	6
Смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов	14	5	11	12
Независимость	4	2	10	8
Рационализм	17	14	9	9
Непримиримость к недостаткам в себе и других	18	4	18	18
Просвещенность	11	11	6	13
Твердая воля	15	6	16	15
Честность	12	15	2	7
Широта взглядов	13	1	15	16

Литература

1. **Ким Д.В., Ключко А.В.** Психологический портрет преступника: подходы и перспективы // Сибирский психологический журнал. – 2004. – № 19. – С. 134–138.
2. **Белоусова Н.С., Юдина Н.А.** Соотношение ценностных ориентаций и субъективного качества жизни молодежи: монография. – Екатеринбург, 2017. – 88 с.
3. Изучаем ценностные ориентации: методические рекомендации для педагогов образовательных учреждений и студентов педагогических вузов / автор-составитель: педагог-психолог Н.А. Пыстогова. – Санкт-Петербург, 2018. – 55 с.
4. **Карасева С.Н.** Система ценностных ориентаций современных российских женщин // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 6 (22). – С. 16.
5. **Леонтьев Д.А.** Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени // Психологическое обозрение. – 1998. – № 1. – С. 13–15.
6. **Федоренко В.В.** Мотивационная сфера у женщин с делинквентным поведением // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 105. – С. 212–217.
7. **Леонтьева Е.М.** Ценностные ориентации больных шизофренией: дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2018. – 282 с.

References

1. **Kim D.V., Klochko A.V.** Psikhologicheskii portret prestupnika: podkhody i perspektivy // Sibirskii psikhologicheskii zhurnal. – 2004. – № 19. – S. 134–138.
2. **Belousova N.S., Yudina N.A.** Sootnoshenie tsennostnykh orientatsii i sub"ektivnogo kachestva zhizni molodezhi: monografiya. – Ekaterinburg, 2017. – 88 s.
3. Izuchaem tsennostnyye orientatsii: metodicheskie rekomendatsii dlya pedagogov obrazovatel'nykh uchrezhdenii i studentov pedagogicheskikh vuzov / avtor-sostavitel': pedagog-psikholog N.A. Pystogova. – Sankt-Peterburg, 2018. – 55 s.
4. **Karaseva S.N.** Sistema tsennostnykh orientatsii sovremennykh rossiiskikh zhenshchin // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. – 2013. – № 6 (22). – S. 16.
5. **Leont'ev D.A.** Tsennostnyye predstavleniya v individual'nom i gruppovom soznanii: vidy, determinanty i izmeneniya vo vremeni // Psikhologicheskoe obozrenie. – 1998. – № 1. – S. 13–15.
6. **Fedorenko V.V.** Motivatsionnaya sfera u zhenshchin s delinkventnym povedeniem // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. – 2009. – № 105. – S. 212–217.
7. **Leont'eva E.M.** Tsennostnyye orientatsii bol'nykh shizofreniei: dis. ... kand. psikhol. nauk. – Moskva, 2018. – 282 s.

(статья сдана в редакцию 28.04.2022)

**СУДЕБНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ СТАТЕЙ 176, 177 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

**JUDICIAL INTERPRETATION OF ECONOMIC
CRIMES IN THE SPHERE OF CREDITING
(BY THE EXAMPLE OF ARTICLES 176, 177 OF THE
CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

УДК 343.3/.7

Е.Н. АЛЕШИНА-АЛЕКСЕЕВА

(Санкт-Петербургский университет
МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
ORCID: 0000-0002-1469-3704
katyal07@inbox.ru

EKATERINA N. ALESHINA-ALEKSEEVA

(Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: все чаще суды общей юрисдикции при понимании и применении уголовного закона обращают внимание на судебное толкование. Оно занимает весомое место при квалификации преступлений. Исследуются проблемы судебного толкования уголовного закона и его роли в законодательной и правоприменительной деятельности на современном этапе. Предметом исследования стал законодательный анализ составов преступлений, предусмотренных ст. 176, 177 Уголовного кодекса Российской Федерации. Цель работы – анализ проблем судебного толкования уголовного закона и его роли в законодательной и правоприменительной деятельности на современном этапе, решений, принимаемых судьями при рассмотрении дел по экономическим преступлениям в сфере кредитования (ст. 176, 177 Уголовного кодекса Российской Федерации). Методологической основой исследования стали анализ, синтез, формально-логический подход, частнонаучные методы. Новизной отличается проведенный автором анализ судебно-следственной практики по уголовным делам, возбужденным по признакам ст. 176, 177 Уголовного кодекса Российской Федерации, рассмотренным судами общей юрисдикции с вынесением обвинительного приговора. Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные выводы могут использоваться для дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в области противодействия экономической преступности в сфере кредитования и практики его применения. В процессе исследования автор приходит к следующим выводам: отсутствует единство судебной практики в толковании и применении норм законодательства; формулирование и признание единой концепции судебного толкования нормативных правовых актов стало бы огромным шагом, обеспечивающим определенность и единство судебной практики; не нашло подтверждения на основе проанализированных судебных решений усиление соответствия правовым позициям Верховного Суда Российской Федерации; в судебном решении необходимо не только указывать правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации, но конкретизировать действия, раскрывающие отличия уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: толкование, правоприменение, противоречия, законодатель, квалификация преступлений.

Для цитирования: Алешина-Алексеева Е.Н. Судебное толкование экономических преступлений в сфере кредитования (на примере статей 176, 177 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 3. – С. 42–47.

Abstract: increasingly, courts of general jurisdiction, when understanding and applying criminal law, pay attention to judicial interpretation. In particular, it increasingly occupies a significant place in the qualification of crimes. The problems of judicial interpretation of the criminal law and its role in legislative and law enforcement activities at the present stage are investigated. The subject of the study was a legislative analysis of the composition of crimes provided for in Articles 176, 177 of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose of the work was to analyze the problems of judicial interpretation of the criminal law and its role in legislative and law

enforcement activities at the present stage, the decisions taken by judges when considering cases of economic crimes in the field of lending (Articles 176, 177 of the Criminal Code of the Russian Federation). The methodological basis of the research was various general scientific techniques and methods of cognition: analysis, synthesis, formal-logical approach, private scientific methods. The author's analysis of judicial and investigative practice in criminal cases initiated on the grounds of art. 176, 177 of the Criminal Code of the Russian Federation, considered by the courts of general jurisdiction with a guilty verdict. The practical significance of the study lies in the fact that the findings can be used to further improve criminal legislation in the field of countering economic crime in the field of lending and the practice of its application. In the course of the research, the author comes to the conclusion that there is no unity of judicial practice in the interpretation and application of legislation; the formulation and recognition of a unified concept of judicial interpretation of normative legal acts would be a huge step to ensure the certainty and unity of judicial practice; strengthening compliance with the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation has not been confirmed in the analyzed court decisions; in the court decision it is necessary not only to indicate the legal position of the Supreme Court of the Russian Federation, but to specify those actions that reveal differences in criminal law norms.

Keywords: interpretation, law enforcement, controversies, legislator, qualification of crimes.

For citation: Aleshina-Alekseeva E.N. Judicial interpretation of economic crimes in the sphere of crediting (by the example of articles 176, 177 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2022. – № 3. – P. 42–47.

Общеизвестно, что в России имеется три ветви власти: законодательная, исполнительная и судебная. Осуществление правосудия возможно единственным органом государственной власти – судом.

Часть 2 статьи 4 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» указывает, что в «Российской Федерации действуют федеральные суды, конституционные (уставные) суды и мировые судьи субъектов Российской Федерации, составляющие судебную систему Российской Федерации»¹.

В ч. 4 ст. 3 вышеупомянутого закона указано деление федеральных судов по нисходящей: Конституционный Суд Российской Федерации; Верховный Суд Российской Федерации; кассационные суды общей юрисдикции, апелляционные суды общей юрисдикции, верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды, составляющие систему федеральных судов общей юрисдикции; арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды субъектов Российской Федерации и специализированные арбитражные суды, составляющие систему федеральных арбитражных судов.

Судебная система должна выполнять стабилизирующие функции для уверенности граждан в справедливости и надежности имеющихся зако-

нов. Происходит это в вынесенных решениях, основанных на нормативных правовых актах, подлежащих правильному судебному толкованию.

Так, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» в абз. 3 п. 4 указано: «Решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов... не обязательны для других судов по другим делам, так как суды самостоятельно толкуют подлежащие применению нормативные предписания, следуя при этом Конституции Российской Федерации и федеральному закону (статья 120, часть 1 Конституции Российской Федерации). Решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов могут быть оспорены в установленных федеральным законом процессуальных формах. Кроме того, не предусмотрена обязательность официального опубликования этих решений, что в силу статьи 15 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которой применению подлежат только официально опубликованные акты, также исключает для других правоприменителей обязательность следования им при разрешении других дел. Возможность опубликования отдельных судебных решений или извлечений из них не является достаточной гарантией для реализации указанной конституционной нормы»². Таким образом, мы понимаем, что решения, принимаемые федеральными су-

¹ О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. № 19-П [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

дами Российской Федерации, не являются «образцом» для толкования той или иной нормы уголовного закона. Напротив, решения Конституционного Суда Российской Федерации переведены в ранг «источника права», так как имеют ряд обязательных для этого признаков:

- носят официальный характер – данные решения являются актами государственной власти;
- принимаются в строго определенном порядке;
- подлежат официальному опубликованию;
- имеют общий характер – распространение не на единственный случай, а на иные аналогичные ситуации;
- имеется особая юридическая сила – положения, в них указанные, выше норм проверяемого закона;
- окончательны – обжалованию не подлежат, нет других органов, которые могут преодолеть данное решение.

В решениях Верховного Суда Российской Федерации, в том числе и постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации³ приведенные ранее признаки источника права отсутствуют.

Основная цель ППВС РФ – предписать при рассмотрении уголовных дел разрешать их в точном соответствии с действующим законодательством.

Правоприменительная практика судов Российской Федерации сформулировала определенную позицию, согласно которой те разъяснения, которые отражены в ППВС РФ, становятся обязательными для всех судов и других правоприменителей. Следует отметить и другую сторону отношения к ППВС – продолжающиеся дискуссии среди ученых и правоприменителей, указывающие на рекомендательный характер постановления. Дискуссии ведутся о разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации, вступающих в противоречия с действующим уголовным законодательством, порождающих новые положения нормативного характера.

При правильной реализации уголовно-правовых норм обязательно устанавливается настоящий смысл содержащихся в них положений. Ведь правильное толкование закона – укрепление законности, правопорядка, соблюдение и защита прав и законных интересов граждан. Для образования процесса единообразного понимания и применения уголовного закона определенное место отведено судебным толкованиям, осуществляемым специально на то уполномоченным субъектом в лице судьи. Имеющаяся различная интерпретация нормативных право-

вых актов указывает на потребность верного уяснения мысли законодателя.

При вынесении любого судебного решения первоначально важно тщательно изучить также и причины совершения общественно опасного деяния с предоставлением возможности каждому участнику донести до суда свою позицию по вопросу, ставшему предметом судебного разбирательства [1, с. 86].

Ведь оценка общественной опасности судом – элемент юридической квалификации содеянного [2, с. 59], а «при применении норм уголовного закона неизбежно судебное толкование, соответствующее правовой природе преступления и обстоятельствам конкретного уголовного дела» [3, с. 9]. В свою очередь, на судью возлагается обязанность соблюдать границы правоприменения при толковании той или иной уголовно-правовой нормы. Впоследствии это наблюдается при обращении к судебным решениям по уголовным делам выбранной нами категории – экономическим преступлениям в сфере кредитования (ст. 176, 177 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴). Данная категория уголовных дел выбрана нами в соответствии с видовым объектом преступлений – общественными отношениями и интересами, возникающими по поводу осуществления экономической деятельности по производству, распределению, обмену и потреблению материальных благ и услуг, но также данные нормы объединены и по другим критериям (сложность конструкции состава, бланкетность нормы, единая сумма ущерба (размера), причиняемого в ходе общественно опасного деяния).

Итогом обобщения судебной практики Верховным Судом Российской Федерации по определенной категории дел, связанных с экономическими преступлениями, стало вынесение постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Как отмечают некоторые исследователи: «Толкование законов, содержащихся в решениях высших судебных инстанций, особенно верховных судов, всегда оказывало влияние на текущую судебную практику» [4, с. 23]. Так и данные постановления способствовали незначительному облегчению деятельности

³ Далее – ППВС РФ.

⁴ Далее – УК РФ.

правоприменителей при квалификации указанных в них преступлений.

Следует поддержать высказывание о том, что «судебное толкование по применению специальных норм УК РФ, предусматривающих ответственность за мошенничество в отдельных сферах экономики и экономической деятельности, было необходимо, в целом соответствует запросам практики и позволяет разграничивать смежные составы» [5, с. 178]. Тем самым подтверждается необходимость толкования уголовно-правовых действий лиц, совершающих общественно опасные деяния, особенно на судебном уровне, но самое важное – определение граней разделения схожих по конструкции составов преступлений.

Для подтверждения этого впоследствии было подвергнуто рассмотрению судебное толкование актов, опубликованных в Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации за период с 2010 по 2020 г., более 20 судебных решений первых инстанций, размещенных в открытом доступе, в том числе вынесенных в апелляционном порядке по признакам составов преступлений, предусмотренных ст. 176, 177 УК РФ.

После этого обобщения было сделано несколько выводов:

- стандарты доказывания в каждом решении различны – от сдержанного к более тщательному указанию на все признаки состава инкриминируемого деяния;

- правильность квалификации обуславливается вынесенным судом обвинительным приговором;

- при реализации норм уголовного законодательства в случае возникновения спорных моментов по квалификации изучаемых деяний судебная практика либо ориентируется⁵ на постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором кратко описан данный аспект, либо нет⁶;

- не во всех решениях суд оперирует постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором указаны способы разграничения схожих составов преступ-

лений (ст. 159¹ и 176 УК РФ), а при указании на него не раскрывает, в чем заключаются отличия в рассматриваемой ситуации⁷;

- в сравнении со ст. 176 УК РФ в ст. 177 УК РФ судебное толкование не создает прецедентов перекалфикации деяний;

- при толковании судом преступлений, предусмотренных ст. 177 УК РФ, в определенных случаях указывается на способы совершения, перечисленные в Методических рекомендациях по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности)⁸, но без учета современных научно-технологических возможностей. Распространенное использование различных технологических систем, в том числе сети Интернет, расширяет возможности совершения общественно опасных деяний. Необходимо добавить в вышеуказанные рекомендации новые способы, которыми могут пользоваться злоумышленники, в том числе криптовалюты. Отсутствие законодательного закрепления понятия криптовалюты не уменьшает возможности выводить через нее денежные средства.

Переходя к более детальному рассмотрению проблемных вопросов правоприменительной практики, хотелось бы остановиться именно на примерах судебных решений по уголовным делам, имеющих случаи перекалфикации преступлений, а точнее смены неправильно выбранной уголовно-правовой нормы на правильную, охватывающую общественно опасное деяние, совершенное конкретным лицом, и характеризующую определенный состав преступления. Изучение судебной практики расширяет горизонты восприятия уголовно-правовых толкований, внося существенный вклад в правоприменительный процесс. Как нам кажется, важным является и изучение ошибок судебной практики. Как правильно подмечено И.В. Колесник, оно способствует подтверждению пробелов в законе либо же его несоответствию требованиям времени [6, с. 75].

Нельзя исключать, что перекалфикация преступлений может содержать и другие при-

⁷ Приговор Апастовского районного суда Республики Татарстан от 13 июня 2019 г. по уголовному делу № 1-2/2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zw7k0bjVNvIE/> (дата обращения: 14.01.2021).

⁸ Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) (утв. ФССП России 21.08.2013 № 04-12) (ред. от 03.10.2016) [Электронный ресурс]. – URL: <http://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-vyavleniiu-i-rassledovaniuu-prestuplenii-predusmotrennykh-statei/> (дата обращения: 22.11.2021).

⁵ Приговор Апастовского районного суда Республики Татарстан от 13 июня 2019 г. по уголовному делу № 1-2/2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zw7k0bjVNvIE/> (дата обращения: 14.01.2021).

⁶ Апелляционное определение Ростовского областного суда от 23 апреля 2014 г. по делу № 22-1844/2014 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/a18ZLw5YDkUh/> (дата обращения: 14.01.2021).

чины [7]. Однако это может служить источником другого научного исследования. Обратимся непосредственно к судебному решению. При вынесении приговора Апастовским районным судом Республики Татарстан по уголовному делу в отношении Х., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 176 УК РФ (ранее была указана ч. 4 ст. 159¹ УК РФ), определено обращение к п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», который при анализе данного приговора, по нашему мнению, позволил правильно определить уголовно-правовую норму и обосновать переквалификацию деяния с ч. 4 ст. 159¹ УК РФ на ч. 1 ст. 176 УК РФ. Хотя суд не конкретизировал, в чем именно объективно подтверждается отсутствие заведомого ненамерения лица исполнять свои обязательства⁹. Такую же картину наблюдаем и в другом решении, где были аналогично переквалифицированы действия виновного¹⁰. Считаем, было бы правильно указывать в приговоре на действия, позволяющие ограничивать состав мошенничества в сфере кредитования от незаконного получения кредита, а именно совершение обвиняемым неоднократных кредитных платежей в банк после получения кредита. Следовательно, судебное толкование происходит эпизодично.

При обращении к судебным решениям по преступлениям, предусмотренным ст. 177 УК РФ, не выявлено сложностей по отграничению от смежной ст. 315 УК РФ. Судьи в некоторых решениях обосновывают действия, указывающие на злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности, в том числе ссылаясь на «Методические рекомендации по

⁹ Приговор Апастовского районного суда Республики Татарстан от 13 июня 2019 г. по уголовному делу № 1-2/2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zw7k0bjVNviE/> (дата обращения: 14.01.2021).

¹⁰ Приговор Магасского районного суда Республики Ингушетия от 14 мая 2019 г. по уголовному делу № 1-122/2018 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xVy7e0s9oHk/> (дата обращения: 22.11.2021).

выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности)». В большинстве случаев требовалось это для констатации неисполнения обязанностей виновным лицом. Исключаются новые, появившиеся с течением времени, способы совершения преступления.

Анализ выбранных судебных решений позволяет заключить:

1) формулирование и признание единой концепции судебного толкования нормативных правовых актов стало бы огромным шагом в обеспечении определенности и единства судебной практики;

2) не нашло подтверждения на основе проанализированных судебных решений усиление соответствия правовым позициям Верховного Суда Российской Федерации, которое могло бы способствовать улучшению работы правоприменителей;

3) в судебном решении необходимо не только ссылаться на правовую позицию Верховного Суда Российской Федерации по конкретному составу преступления, но и непосредственно указывать на действия, раскрывающие имеющиеся отличия уголовно-правовых норм, тем самым выражая законотворческую инициативу в полном объеме.

Таким образом, обобщая проведенное исследование, опираясь на сделанные ранее выводы, указывающие на важность судебного толкования и необходимость обеспечения определенности и единства судебной практики, констатируем, что не являются исключением решения по экономическим преступлениям в сфере кредитования (ст. 176, 177 УК РФ).

Также считаем целесообразным в Методических рекомендациях по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) указать новые способы совершения противоправного деяния, предусмотренного ст. 177 УК РФ.

Литература

1. Пудовочкин Ю.Е. Общие проблемы и ошибки освобождения от уголовной ответственности (обзор судебной практики) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2020. – № 1 (75). – С. 85–92.
2. Пудовочкин Ю.Е. Понятие, критерии и пределы учета общественной опасности преступления судом // Уголовная политика и правоприменительная практика: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2019. С. 57–67.
3. Александров А.И. Роль судебного толкования уголовно-правовых норм в правоприменительной деятельности // Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Ставрополь, 2015. С. 8–10.

4. **Александрова Л.Н.** Толкование юридических норм и его влияние на судебную практику // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – Т. 15. – № 39. – С. 20–24.
5. **Кадников Н.Г.** Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: монография. – Москва: Юриспруденция, 2019. – 336 с.
6. **Колесник И.В.** Судебная практика и роль в ней судебного толкования: вопросы теории // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 4 (107). – С. 73–76.
7. **Сумский Д.В.** Переквалификация преступлений: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 181 с.

References

1. **Pudovochkin Yu.E.** Obshchie problemy i oshibki osvobozhdeniya ot ugolovnoi otvetstvennosti (obzor sudebnoi praktiki) // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii. – 2020. – № 1 (75). – С. 85–92.
2. **Pudovochkin Yu.E.** Ponyatie, kriterii i predely ucheta obshchestvennoi opasnosti prestupleniya sudom // Ugolovnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika: sbornik materialov VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Sankt-Peterburg, 2019. S. 57–67.
3. **Aleksandrov A.I.** Rol' sudebnogo tolkovaniya ugolovno-pravovykh norm v pravoprimeritel'noi deyatel'nosti // Aktual'nye problemy sovremennogo ugolovnogo prava i kriminologii: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii.– Stavropol', 2015. S. 8–10.
4. **Aleksandrova L.N.** Tolkovanie yuridicheskikh norm i ego vliyanie na sudebnuyu praktiku // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. – 2007. – Т. 15. – № 39. – С. 20–24.
5. **Kadnikov N.G.** Kvalifikatsiya prestuplenii i voprosy sudebnogo tolkovaniya: monografiya. – Moskva: Yurisprudentsiya, 2019. – 336 s.
6. **Kolesnik I.V.** Sudebnaya praktika i rol' v nei sudebnogo tolkovaniya: voprosy teorii // Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. – 2019. – № 4 (107). – С. 73–76.
7. **Sumskii D.V.** Perekvalifikatsiya prestuplenii: monografiya. – Moskva: Yurilitinform, 2016. – 181 s.

(статья сдана в редакцию 08.12.2021)

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ КАК «ТРУДОВОЕ» НАКАЗАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРЕИМУЩЕСТВА И РИСКИ

FORCED LABOR AS A “LABOR” PUNISHMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION: ADVANTAGES AND RISKS

УДК 343.24

Д.Н. САДЧИКОВА

(Юго-Западный государственный университет,
Россия, Курск)
dina.0206@mail.ru

DINA N. SADCHIKOVA

(Southwest State University,
Kursk, Russia)

Аннотация: в статье рассмотрены основные преимущества и недостатки относительно нового для российской правовой системы уголовного наказания в виде принудительных работ, которое уже успело зарекомендовать себя как довольно противоречивая альтернатива лишению свободы. Представлены различные, противоположные научные подходы к сущности принудительных работ, проанализированы их особенности, дана краткая статистическая характеристика их применения начиная с момента включения в систему уголовных наказаний. Выявлено, что альтернативный лишению свободы характер принудительных работ, их возрастающая «популярность», а также результативный исторический опыт правоприменения не сочетаются с имеющимися в их регламентации и правоприменении недостатками, в числе которых тяжелые условия труда, невозможность реальной оценки исправительного воздействия на осужденных, а также постоянный рост числа лиц, уклоняющихся от их отбывания. Изучение положительных и отрицательных черт исследуемого наказания позволило прийти к выводу о необходимости его сохранения в российском уголовном законодательстве. Предложена перспектива совершенствования принудительных работ, выраженная в налаживании тесного взаимодействия между представителями общественности и исправительными центрами (изолированными участками) в процессе исполнения данного наказания. В исследовании были применены общенаучные и частнонаучные методы, среди которых – диалектический, сравнительно-правовой, исторический, формально-логический, прогностический.

Ключевые слова: принудительные работы, исправительный центр, осужденный, труд, альтернатива.

Для цитирования: Садчикова Д.Н. Принудительные работы как «трудовое» наказание в Российской Федерации: преимущества и риски // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 3. – С. 48–53.

Abstract: the article examines the main advantages and disadvantages of a relatively new for the Russian legal system of criminal punishment in the form of forced labor, which has already established itself as a rather controversial alternative to imprisonment. Various, opposite scientific approaches to the essence of forced labor are presented, their features are analyzed, and a brief statistical description of their use is given, starting from the moment of inclusion in the system of criminal punishments. It was revealed that the nature of forced labor, alternative to imprisonment, their growing “popularity”, as well as the effective historical experience of law enforcement are not combined with the shortcomings in their regulation and law enforcement, including difficult working conditions, the impossibility of real assessing the correctional impact on convicts, as well as a constant increase in the number of persons who avoid serving it. A careful study of the positive and negative features of the investigated punishment made it possible to come to the conclusion that it is necessary to preserve it in the Russian criminal legislation. The prospect of improving forced labor is proposed, expressed in the establishment of close interaction between members of the public and correctional centers (isolated areas) in the process of executing this punishment. In the present study, general scientific and specific scientific methods were applied, among which dialectical, comparative legal, historical, formal logical, and prognostic methods were actively used.

Keywords: forced labor, correctional center, convict, correction, labor, alternative.

For citation: Sadchikova D.N. Forced labor as a “labor” punishment in the Russian Federation: advantages and risks // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2022. – № 3. – P. 48–53.

Многолетний исторический опыт борьбы с преступностью как в Российской Федерации, так и в зарубежных странах продемонстрировал, что необоснованно широкое применение лишения свободы не способно в конечном счете привести к качественному снижению уровня преступности в обществе. В этой связи все большую актуальность приобретает уголовно-правовая регламентация видов наказаний, не связанных с лишением свободы, в числе которых принудительные работы, включенные в отечественную правовую систему 1 января 2012 года в качестве альтернативы лишению свободы. Вместе с тем их исполнение было отложено, нормы, разрешающие применение принудительных работ, вступили в законную силу сравнительно недавно – 1 января 2017 года.

По прошествии нескольких лет применения такого не имеющего зарубежных аналогов наказания, как принудительные работы, представляется возможным объективно оценить его реальную эффективность для отечественной правовой системы, а также необходимость дальнейшего закрепления в российской лестнице наказаний.

В этой связи целью настоящего исследования является комплексное, всестороннее рассмотрение современного состояния принудительных работ как вида уголовного наказания, его преимуществ и недостатков. Соответственно, к задачам исследования необходимо отнести изучение статистики назначения и исполнения принудительных работ; анализ взглядов теоретиков и практиков по вопросу их эффективности, разработку перспективных направлений совершенствования принудительных работ.

За недолгий период существования в российской правовой системе принудительные работы успели зарекомендовать себя как довольно противоречивый вид уголовного наказания, сочетающий в себе как отдельные прогрессивные, положительные черты, так и негативные свойства, препятствующие достижению целей уголовно-исполнительной политики в целом. Видится, что основная причина такой двусмысленности кроется в уникальном, во многом экспериментальном характере принудительных работ, особенности назначения и отбывания которых до сих пор вызывают множество споров и дискуссий среди современных исследователей. Двойственность уголовно-правовой природы принудительных работ создает значительные трудности в их применении и не дает четкого понимания их сущности [1, с. 45].

В целях уяснения правовой и содержательной природы обозначенного наказания, а также справедливой оценки его роли и места в системе уголовно-правовых санкций, в том числе возможности его существования в уголовном и уголовно-исполнительном законе, необходимо

проанализировать принудительные работы с точки зрения их положительных и отрицательных характеристик.

К наиболее значимым преимуществам закрепления принудительных работ в российском законе стоит отнести следующие.

Во-первых, данный вид наказания в полной мере согласуется с современными тенденциями российской и международной уголовной политики, одно из приоритетных направлений которой заключается в широком введении новых мер, альтернативных лишению свободы. Такая практика во многом обусловлена спецификой современных колоний и тюрем, которые вместо оказания требуемого исправительно-воспитательного воздействия зачастую становятся для виновного своеобразной «школой преступности» и способствуют совершению уже закоренелым преступником новых противоправных деяний. По этой причине Ю.Ю. Лопотенко именует принудительные работы «индикатором» гуманизации российского уголовного законодательства [2, с. 99]. Иначе говоря, законодатель взамен репрессивной тяжести тюремного заключения предусматривает компромиссный по своему характеру вид наказания, связанный с трудовым воспитанием осужденного.

Анализ современного состояния уголовной политики в Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что в арсенале мер уголовно-правового воздействия на преступников принудительные работы при соответствующей поддержке со стороны государства могут смело претендовать на лидерство (в отношении лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, а также тяжкие преступления впервые). Принудительные работы, предусмотренные огромным количеством санкций Уголовного кодекса Российской Федерации (почти 50%), при грамотном применении становятся для осужденного реальным шансом избежать общения с тюремным контингентом. Заложенные в данном наказании трудовые и материальные ограничения выступают гораздо более действенными и эффективными, нежели лишения, предусмотренные «соседними» в лестнице наказаний видами, такими как не применяемый в наши дни арест и содержание в дисциплинарной воинской части.

На альтернативную, демократичную природу принудительных работ указывают также отдельные особенности их исполнения. Так, в случае отбытия осужденным третьей части данного наказания без нарушений закон предоставляет ему право на проживание со своей семьей за пределами исправительного центра, но в пределах муниципального образования, в котором он расположен [3, с. 116]. Установление подобного механизма, наряду с иными режимными особенностями, не только

указывает на более мягкий (в сравнении с лишением свободы) характер принудительных работ, но также препятствует потере социальных связей осужденного с близкими, что служит неоспоримым преимуществом данной уголовной санкции.

О постепенном отказе от одной из наиболее суровых мер уголовной ответственности в виде лишения свободы в пользу альтернативных говорит также и высшее руководство Федеральной службы исполнения наказаний¹. В частности, развитие сети исправительных центров для отбывания принудительных работ названо одним из вызовов, стоящих перед современной уголовно-исполнительной системой, о чем гласит Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года².

Таким образом, можно утверждать, что гуманный и демократичный характер принудительных работ, заложенный в них законодателем, соответствует современной тенденции сокращения лишения свободы и интенсивного применения альтернативных мер.

Во-вторых, наказание в виде принудительных работ довольно популярно у правоприменителей: аналитические данные свидетельствуют о том, что ежегодно оно назначается все большему количеству виновных лиц. Отметим, что, согласно информации, предоставленной ФСИН России, динамика назначения данного наказания постоянно растет: если в «стартовом» 2017 г. к принудительным работам было осуждено 587 человек, то по состоянию на 1 июля 2022 года исследуемый вид наказания отбывают 11 668 осужденных³.

Указанные статистические сведения говорят о смещении вектора судебных органов, который теперь направлен на сокращение количества приговоров с реальным отбыванием срока в местах заключения, что не может не сказаться на общей гуманизации уголовно-исполнительной политики.

О расширении применения принудительных работ также говорит и постоянный рост числа специализированных мест, предназначенных для их отбывания: на сегодняшний день в Российской Федерации возведены 40 исправительных центров и переоборудованы 179 изолированных участков,

функционирующих как исправительные центры⁴. Одной из перспективных законодательных мер в этом направлении можно считать закрепление в ч. 3.1 ст. 60.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации положения, разрешающего создание участков исправительных центров на территории предприятий, способных безвозмездно поддерживать условия содержания и режим, а также содействовать обеспечению условий труда. Подобным образом законодатель расширил правовые и фактические возможности трудовой занятости осужденных к принудительным работам.

Строительство новых и перепрофилирование уже существующих учреждений для исполнения данного вида наказания осуществляется в Российской Федерации стремительными темпами. Видим, что государство планомерно нацелено на широкое применение принудительных работ на практике, что, безусловно, говорит о его заинтересованности в данном виде уголовного наказания.

В-третьих, на необходимость сохранения принудительных работ в перечне наказаний оказывает значительное влияние исторический опыт. Так, во второй половине XX века в СССР принудительная трудовая деятельность преступников широко использовалась в рамках института условного осуждения с обязательным привлечением к труду. Данная мера оценивается историками как реально эффективный механизм, способствующий исправлению осужденных и достижению задач социальной превенции. Это утверждение нельзя назвать голословным, о чем свидетельствуют следующие данные: по состоянию на конец 1989 г. (практически через 20 лет после включения данного института в советскую правовую систему) более 81% осужденных к нему лиц не имели нарушений трудовой дисциплины [4, с. 48].

Вместе с тем наряду с обозначенными положительными моментами существует и отрицательная сторона: принудительные работы, задуманные как единственная законодательно прописанная альтернатива лишению свободы, характеризуются рядом недостатков как теоретического, так и организационного характера. К наиболее значимым из них относятся:

1. Слишком тяжелые условия отбывания принудительных работ. О жестком характере выполняемого труда свидетельствуют отдельные используемые законодателем формулировки (например, обязанность осужденных «работать там, куда они направлены администрацией исправительного центра»), противоречащие основным международно-правовым постулатам [5, с. 53].

¹ Далее – ФСИН России.

² Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://bazanpa.ru/pravitelstvo-rf-rasporyazhenie-n1138-g-ot29042021-h5159398/kontseptsiia/> (дата обращения: 29.07.2022).

³ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФСИН России. – URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 29.07.2022).

⁴ Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФСИН России. – URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 29.07.2022).

Отсутствие права выбора на конкретное место работы дополняется круглосуточным надзором за осужденными, строгим исполнением распорядка исправительного центра, постоянным нахождением (в том числе ночью, а также в нерабочие и праздничные дни) на его территории и т.д.

С одной стороны, указанные правоограничения в совокупности и определяют юридическую сущность принудительных работ. Вместе с тем любое насильственное воздействие со стороны государства не должно быть чрезмерным: в условиях демократизации и гуманизации национальной правовой системы очень важно разумно применять принудительный труд осужденных, чтобы он из средства исправления не превратился в

каторгу. В обратном случае велика вероятность формирования у осужденного резко негативного отношения к труду, которое в будущем будет стимулировать у него желание использовать именно преступную деятельность в качестве источника добычи средств к существованию [6, с. 228].

2. Рост числа «уклонистов» от исполнения принудительных работ. Анализ статистических данных, представленных Верховным Судом Российской Федерации, свидетельствует о том, что с увеличением количества лиц, которым принудительные работы назначаются как уголовное наказание, ежегодно возрастает также число удовлетворенных судом ходатайств о его замене на лишение свободы (таблица 1).

Таблица 1. Рассмотрение ходатайств о замене принудительных работ лишением свободы

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Число рассмотренных ходатайств о замене принудительных работ лишением свободы	80	600	1983	2231	2772
Из них удовлетворено	34	359	1366	1498	1988
Отказано в удовлетворении	31	124	298	334	348
Прекращено, отозвано, возвращено, передано	15	117	319	399	436

Источник: составлено автором на основе данных Верховного Суда Российской Федерации⁵.

К числу наиболее распространенных нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ, выступающих основанием для его замены, относится запрещенное для осужденных употребление наркотических веществ и спиртосодержащей продукции [7, с. 172]. Причины уклонения осужденных от «нового» уголовного наказания могут быть различными, в том числе признание наложенной санкции несправедливой или слишком строгой.

3. Фактическая невозможность оценки исправительного воздействия на осужденного к принудительным работам. В данном аспекте мы совершенно солидарны с мнением Е.Э. Ремезовой и О.В. Начаркиной, согласно которому среди имеющихся трудностей применения данного вида наказания одно из первых мест занимает непростая задача, связанная с тем, как отследить, исправляется ли на самом деле лицо или нет [8, с. 5]. Значимость указанной проблемы на сегодняшний день недооценена среди представителей научного сообщества и сотрудников органов внутренних дел. Основное противоречие

кроется в том, что даже при примерном поведении осужденного и соблюдении им всех режимных правил сложно будет оценить, например, его отношение к труду, который осуществляется против его воли. Совсем не удивительно, что в подавляющем большинстве ситуаций виновные осуществляют трудовую деятельность на должностях, с которыми не желают связывать свою будущую жизнь и деятельность (среди них не только озеленители, уборщики, разнорабочие, но и более тяжелые профессии на объектах лесного хозяйства и т.д.). В подобных условиях вряд ли представляется возможным оценить готовность осужденного к вхождению в социум.

Комплексно оценивая вышеизложенное, отметим, что, несмотря на неоднозначный характер уголовного наказания в виде принудительных работ, которое за относительно недолгий период реализации в Российской Федерации смогло продемонстрировать как положительные, так и отрицательные свойства своей правовой природы, представляется, что российская уголовно-правовая система нуждается в его сохранении. Однако для наиболее эффективного достижения возложенных на него целей следует совершенствовать порядок его исполнения.

Среди наиболее перспективных предложений следует отдать предпочтение необходимости налаживания взаимодействия между предста-

⁵ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей [Электронный ресурс] // Официальный сайт судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 29.07.2022).

вителями общественности и исправительными центрами (изолированными участками) в процессе отбывания принудительных работ. Важно при этом уточнить, что такое взаимодействие должно носить не кратковременный, эпизодический, а систематический характер, необходимо постоянно совершенствовать методы и формы совместной работы.

К сожалению, сегодня опыт такой работы налажен только в отдельных, единичных регионах нашей страны, где активно развивается деятельность таких объединений, как общественные советы (республики Адыгея, Крым, Новгородская, Сахалинская области) [9, с. 33].

Полагаем, что в перспективе к совместной деятельности необходимо привлекать максимальное число субъектов – инициативных граждан. Это могут быть различного рода неправительственные организации, средства массовой информации, представители Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и ее субъектах и многие другие. При этом участие представителей общества в исполнении уголовного наказания в виде принудительных работ должно реализовываться по следующим направлениям:

- 1) комплексное изучение общественного мнения о работе учреждений и органов ФСИН России как среди самих осужденных и их близких, так и среди населения;
- 2) осуществление надзорно-контрольной деятельности за режимом отбывания принудительных работ (которая в большинстве своем должна носить внезапный характер);
- 3) вовлечение в воспитательно-исправительную деятельность известных представителей культуры и искусства, спорта;

4) участие в организации культурно-массовых, спортивных и иных мероприятий, проведение совместного досуга, тематических вечеров;

5) оказание всесторонней помощи общественности в устройстве осужденного, отбывшего наказание в виде принудительных работ, и т.д. Перечень подобных направлений носит далеко не исчерпывающий характер, что обусловлено многоаспектностью форм и методов общественной работы.

Предложенная модель, представляющая собой особую систему отношений между органами ФСИН России, на которых возложены полномочия по исполнению принудительных работ, с одной стороны, и общественными организациями, объединениями и гражданами, с другой, позволит решить обозначенные в исследовании проблемы, а именно: обеспечить прозрачность в деятельности по отбыванию данного вида наказания, контролировать разумный характер выполняемого труда, снизить число «уклонистов», а также в максимальной степени добиться исправления осужденных.

Таким образом, уголовное наказание в виде принудительных работ, базирующееся на сочетании трудовой обязанности, финансовых удержаний и ограничения личной свободы, с учетом имеющихся положительных и отрицательных свойств и характеристик, в целом занимает заслуженное место в системе российских уголовных наказаний. Вместе с тем в целях устранения имеющихся недостатков его применения целесообразно расширить взаимодействие между представителями общественности и субъектами исполнения принудительных работ, которое должно строиться на максимальном учете прав и интересов осужденных.

Литература

1. **Зубова А.О., Симагин А.О.** Проблемы исполнения наказания в виде принудительных работ в Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. – 2020. – № 1 (37). – С. 45–52.
2. **Лопотенко Ю.Ю.** Принудительные работы как индикатор гуманизации уголовного законодательства РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 1. – С. 99–101.
3. **Карнова И.Н.** Гражданско-правовое положение осужденных к уголовному наказанию в виде принудительных работ // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 18. – С. 115–118.
4. **Гета М.Р., Смирнов А.Н.** Принудительные работы: исторический аспект // Вестник Кузбасского института. – 2017. – № 2 (31). – С. 44–50.
5. **Присекин А.В., Парин Д.В., Абоян А.А.** Принудительный труд как форма современного рабства // Закон и право. – 2020. – № 5. – С. 51–54.
6. **Помнина С.Н., Лаерушкина А.А.** Целесообразность введения принудительных работ как вида уголовного наказания с позиции теории и практики // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2017. – № 4. – С. 227–233.
7. **Лядов Э.В.** Проблемы практики исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2018. – № 4 (28). – С. 167–175.
8. **Ремезова Е.Э., Начаркина О.В.** Принудительные работы как новый вид уголовного наказания. Его плюсы и минусы // Юридический факт. – 2016. – № 5 (5). – С. 3–6.
9. **Кохтачев В.С., Борисова Д.П.** О содействии общественных советов при территориальных органах ФСИН России работе уголовно-исполнительных инспекций и исправительных центров // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2019. – № 9 (208). – С. 31–37.

References

1. **Zubova A.O., Simagin A.O.** Problemy ispolneniya nakazaniya v vide prinuditel'nykh работ v Rossiiskoi Federatsii // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2020. – № 1 (37). – S. 45–52.
 2. **Lopotenko Yu.Yu.** Prinuditel'nye raboty kak indikator gumanizatsii ugovnogo zakonodatel'stva RF // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2018. – № 1. – S. 99–101.
 3. **Karnova I.N.** Grazhdansko-pravovoe polozhenie osuzhdennykh k ugovnomu nakazaniyu v vide prinuditel'nykh работ // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2015. – № 18. – S. 115–118.
 4. **Geta M.R., Smirnov A.N.** Prinuditel'nye raboty: istoricheskii aspekt // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2017. – № 2 (31). – S. 44–50.
 5. **Prisekin A.V., Parin D.V., Aboyan A.A.** Prinuditel'nyi trud kak forma sovremennogo rabstva // Zakon i pravo. – 2020. – № 5. – S. 51–54.
 6. **Pomnina S.N., Lavrushkina A.A.** Tselesoobraznost' vvedeniya prinuditel'nykh работ kak vida ugovnogo nakazaniya s pozitsii teorii i praktiki // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva. – 2017. – № 4. – S. 227–233.
 7. **Lyadov E.V.** Problemy praktiki ispolneniya ugovnogo nakazaniya v vide prinuditel'nykh работ // Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 4 (28). – S. 167–175.
 8. **Remezova E.E., Nacharkina O.V.** Prinuditel'nye raboty kak novyi vid ugovnogo nakazaniya. Ego plyusy i minusy // Yuridicheskii fakt. – 2016. – № 5 (5). – S. 3–6.
 9. **Kokhtachev V.S., Borisova D.P.** O sodeistvii obshchestvennykh sovetov pri territorial'nykh organakh FSIN Rossii rabote ugovno-ispolnitel'nykh inspeksii i ispravitel'nykh tsentrov // Vedomosti ugovno-ispolnitel'noi sistemy. – 2019. – № 9 (208). – S. 31–37.
-
-

(статья сдана в редакцию 29.03.2021)

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ НА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СВЯЗАННЫЕ С ЛИКВИДАЦИЕЙ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

THE IMPACT OF THE PANDEMIC ON THE ECONOMIC PROCESSES THAT STIMULATE CRIME ASSOCIATED WITH THE LIQUIDATION OF A LEGAL ENTITY

УДК 343

А.В. ЧИНЁНОВ

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
Ale-chinenov2011@yandex.ru

ALEXEY V. CHINENOV

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: противоправные действия, совершаемые при ликвидации юридического лица, являются общественно опасным явлением, и важная социальная задача общества – их предупреждение и профилактика. Наиболее высоких результатов можно достигнуть при проведении эффективных мер. В ходе проводимого исследования автором проанализирована обстановка, сложившаяся в условиях пандемии COVID-19. Осуществляется рассмотрение состояния преступности, динамики и тенденций преступности в сфере экономической деятельности, связанной с ликвидацией юридического лица (ст. 195, 196, 197 Уголовного кодекса Российской Федерации). Рассматривается динамика преступлений данной категории, а также тенденции ее развития и трансформации. Вырабатывается мысль о предметном криминологическом подходе, связанном с изучением данной категории преступлений в период пандемии, а именно: факторах, влияющих на их совершение, причинах, способах.

По мнению автора, анализ и проводимая работа по изучению данных преступлений может позволить правоохранительным органам более эффективно противодействовать преступности в сфере экономической деятельности и поможет повлиять на улучшение экономики.

Предлагаемые меры также смогут позволить проработать и усовершенствовать нормы действующего законодательства, связанные с созданием, деятельностью, реорганизацией и прекращением деятельности хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, сфера экономики, деятельность юридических лиц, ликвидация юридических лиц.

Для цитирования: Чинёнов А.В. Влияние пандемии на преступления в сфере экономической деятельности, связанные с ликвидацией юридического лица // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 3. – С. 54–59.

Abstract: illegal actions committed during the liquidation of a legal entity are a socially dangerous phenomenon and an important social task of society is their prevention and prevention. The highest results can be achieved by carrying out effective measures. In the course of the study, the author analyzes the situation in the conditions of the COVID-19 pandemic. The state of crime, the dynamics and trends of crime in the sphere of economic activity related to the liquidation of a legal entity are being considered (Articles 195, 196, 197 of the Criminal Code of the Russian Federation). The dynamics of crimes of this category, as well as the trends of its development and transformation are considered. The idea of a substantive criminological approach related to the study of this category of crimes during the pandemic is being developed, namely: factors influencing its commission, causes, methods.

According to the author, the analysis and ongoing work on the study of these crimes can allow law enforcement agencies to more effectively counteract crime in the field of economic activity and will help influence the improvement of the economy of controlling organizations.

The proposed measures will also be able to work out and improve the norms of current legislation related to the creation, operation, reorganization and termination of the activities of economic entities.

Keywords: crime prevention, economic sphere, activity of legal entities, liquidation of legal entities, bankruptcy.

For citation: Chinenov A.V. The impact of the pandemic on the economic processes that stimulate crime associated with the liquidation of a legal entity // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2022. – № 3. – P. 54–59.

Иновационной актуальностью отличаются в современной криминологической науке и практике предупреждения преступлений, особенно экономической направленности, проблемы криминализации общества и общественных отношений, вызванные коронавирусной инфекцией COVID-19. Это подтверждается анализом изученных научных публикаций [1; 2; 3; 4; 5; 6] и особенностями складывающейся практики противодействия преступности. В научной литературе обращает на себя внимание анализ экономических и социальных последствий пандемии [7; 8; 9], на фоне которых учеными предсказывается тенденция к развитию в России (да и во всем мире) качественно новой криминологической ситуации с характерными для нее всплесками экономической и информационно-технологической (цифровой) преступности¹. По мнению Ю.Н. Жданова и В.С. Овчинского, последствия пандемии COVID-19 ослабили экономику страны и повлекли образование новых факторов уязвимости, способствующих активизации преступности. В их числе учеными выделяются преступления в сфере экономической деятельности, против собственности, интеллектуальной собственности [10].

Действительно, сегодня мы наблюдаем устойчивый рост ряда преступлений экономической направленности. По данным официальной статистики, за последние пять лет в Российской Федерации более чем на 40% увеличились показатели хищений денежных средств, совершенных с помощью современных средств связи и информации, на 30% – мошенничеств, на 11% – правонарушений, связанных с освоением бюджетных средств и др.²

Аналогичные тенденции прослеживаются и при изучении показателей преступлений, связанных с ликвидацией юридического лица. Более того, именно сейчас они могут получить наибольшее распространение. Как считает А.Е. Ляпин, распространение

COVID-19 обострило экономическую ситуацию в стране, катализируя предстоящий рост числа банкротств юридических лиц из наиболее пострадавших отраслей [11]. В этой связи, прогнозируя негативные последствия влияния пандемии на экономическую преступность, считаем целесообразным инициировать вопрос о необходимости формирования перечня конкретных мер государственной поддержки общества, бизнеса, граждан в сфере функционирования юридических лиц и их безопасности.

Оценивая криминологическую перспективу последствий влияния пандемии на преступность, отметим, что пандемия нанесла ущерб практически всем отраслям экономики. Введение режима карантинных и ограничительных мер весной 2020 года фактически остановило деятельность многих предприятий различных сфер: туристического и гостиничного бизнеса, сферы услуг, торговли, общественного питания, производственного сектора и пр. На основании исследования данных реестров малого и среднего предпринимательства государственной регистрации юридических лиц можем сделать вывод, что пандемия COVID-19 в России затронула более 4 млн компаний и индивидуальных предпринимателей, в том числе 67% малых, средних и крупных предприятий³. Уровень убыточности деятельности значительного количества хозяйствующих субъектов в этот период времени достиг 70–90%. Имея отрицательную рентабельность, часть из них оказалась перед перспективой закрытия, то есть фактически на грани банкротства⁴. Сложность сложившейся обстановки, обусловленная в первую очередь невозможностью выполнения своих кредиторских обязательств, высокой закредитованностью, сокращением, а в ряде случаев и полным прекращением доходности в период ограничительных мер, привела значительное количество предприятий и организаций к невозможности осуществлять расчеты и платежи.

¹ Кривякина Е. В пандемию воровать стали больше и чаще (интервью с заместителем председателя Совета безопасности Российской Федерации Д.А. Медведевым) [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. – URL: <https://www.kp.ru/daily/2171205/4318434/>

² Краткая характеристика состояния преступности за январь – декабрь 2021 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/28021552/>

³ Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. – URL: <https://rmsp.nalog.ru/>

⁴ Постановление В. Проблемы в бизнесе в период пандемии: выгоднее продать его или стать банкротом? [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

Несмотря на это, изучение источников информации о фактических прекращениях деятельности юридических лиц показывает, что количество решений судов о банкротстве компаний, например, в январе – сентябре 2020 года (7 393) снизилось на 19,0% по сравнению с аналогичным периодом 2019 года. Также сократилось количество сообщений кредиторов о намерениях обратиться в суд с заявлением о банкротстве компаний на 11,1% (19 225), должников – на 1,4% (1 496)⁵.

В свою очередь, исследование так называемых криминальных банкротств показывает следующее. В мае – декабре 2020 года, с момента введения коронавирусных ограничений, органами внутренних дел было выявлено 160 криминальных банкротств (аналогичный период 2019 года – 181 преступление). Это позволяет нам заключить, что коронавирусная инфекция повлияла буквально на все сферы социально-экономической и культурной жизни общества, внесла существенные коррективы и в состоянии изучаемой нами преступности. Именно сегодня на 11,1% снизился уровень правонарушений при банкротстве, преднамеренных банкротств, фиктивных банкротств⁶.

Однако считаем необходимым заметить, что выявленное нами снижение основных признаков преступности при ликвидации юридического лица (количественное уменьшение массовости, изменение устойчивости социального явления) еще не говорит о ее высокой изменчивости, обусловленной в настоящее время государственным регулированием экономических отношений и принимаемыми мерами по финансовой, налоговой и кредитной поддержке населения и бизнеса для преодоления последствий карантинных условий [12].

По нашему мнению, рост преступлений, предусмотренных ст. 195, 196, 197 Уголовного кодекса Российской Федерации⁷, вызванных пандемией коронавируса COVID-19, следует в начале 2022 года. Это объясняется существующим судебным делопроизводством по банкротству организаций, а также введением в действие моратория на возбуждение дел о

банкротстве сроком на 6 месяцев⁸. Сегодня общее количество организаций и индивидуальных предпринимателей, попадающих под действие данного моратория, уже составляет свыше 1,5 млн⁹.

Таким образом, актуализируются вопросы предупреждения преступлений, связанных с ликвидацией юридического лица. С целью недопущения наступления предполагаемого ущерба для общества и государства, по нашему мнению, такая предупредительная деятельность, безусловно, должна оказывать воздействие:

- на причины и условия преступлений, связанных с ликвидацией юридического лица;
- процессы самодетерминации и самовоспроизводства преступности, связанной с ликвидацией юридического лица;
- выявление острых проблем сопряженного с общественными процессами и преступлений, связанных с ликвидацией юридического лица, в процессе реализации контролирующей и правоохранительной деятельности.

На снижение числа совершаемых преступлений, связанных с ликвидацией юридического лица, влияют меры, направленные на укрепление экономики, уровень которой обеспечит достойное существование человека в обществе, создаст все необходимые условия для достижения законными средствами жизненных потребностей (в жилье, материальном достатке, работе, досуге, отдыхе и др.).

К разработке и реализации мер такого предупреждения (политических, социальных, психологических, экономических) следует привлекать соответствующих специалистов. К подобного рода мерам следует отнести:

- работу по повышению политической стабильности в стране [13];
- модернизацию института социальной защиты граждан [14];
- совершенствование морального и психологического обеспечения населения [15];
- изучение и внедрение опыта передовых держав мира в части экономических мер, применяемых странами в условиях распространения COVID-19, например, шоковая терапия, пакет-

⁵ Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности [Электронный ресурс]. – URL: <https://fedresurs.ru/news/8b77432d-3823-415d-8127-8d9cb71953f7?attempt=1>

⁶ Статистика и аналитика [Электронный ресурс] // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/>

⁷ Далее – УК РФ.

⁸ О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников: постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 428 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности [Электронный ресурс]. – URL: <https://fedresurs.ru/news/8b77432d-3823-415d-8127-8d9cb71953f7?attempt=1>

ная финансовая помощь, законопроекты о единовременных невозвратных выплатах наиболее пострадавшим от эпидемии, срочные беспроцентные кредиты как юридическим, так и физическим лицам и пр.¹⁰

Особая роль в этом отводится криминологической науке, которая на основе обобщения имеющихся материалов, аналитических обзоров, изучения статистических данных призвана создать научно обоснованную базу мер предупреждения преступлений, связанных с ликвидацией юридического лица. Эффективными в этой связи могут стать криминологические экспертизы действующих нормативных правовых актов и социально-экономических программ.

Наряду с этими мерами следует создавать в обществе положительный моральный и правовой климат, атмосферу нетерпимости к экономической преступности во всех её проявлениях, предоставлять должностным лицам возможность реализовать свой потенциал законными средствами. Создание таких условий будет возможно при условии стимулирования и участия в жизнедеятельности экономики государственных органов (их поддержки), а также желания и участия в этом представителей самих хозяйствующих субъектов.

Предупреждению преступлений, связанных с ликвидацией юридического лица, способствует воздействие:

- на отдельных лиц, как правило, должностных;
- сферу экономики;
- организации (юридические лица), подверженные повышенной криминогенности и виктимности.

Определению повышенной криминогенности объектов предупреждения преступлений, связанных с ликвидацией юридического лица, будет способствовать мониторинг экономических отраслей, наиболее пострадавших от пандемии, финансово-экономических показателей деятельности юридических лиц, анализ кредиторских обязательств и оценки их исполнения в перспективе. Следует отметить, что отдельные сферы экономики и хозяйствующие субъекты, пострадавшие от пандемии, могут быть более подвержены совершению преступлений по причине их привлекательности для преступников, потому необходимо учитывать также виктимологический аспект экономической преступности,

базовые критерии которого следует использовать в профилактике преступлений, связанных с ликвидацией юридического лица [16].

В соответствии с классификацией, предложенной А.И. Долговой [17, с. 453], считаем актуальными следующие меры предупреждения преступлений, связанных с ликвидацией юридического лица:

1. В рамках раннего предупреждения преступности на основе уже существующих прогнозов, предсказывающих повышение уровня криминальных банкротств, необходима разработка мер по финансовой поддержке отраслей экономики, конкретных хозяйствующих субъектов, совершенствованию бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики государства. Например, таких как «Коронавирус (COVID-19). Меры экономической поддержки бизнеса в субъектах Российской Федерации»¹¹.

2. В рамках непосредственного предупреждения преступности необходимо совершенствование действующего законодательства, связанного с организацией юридического лица, контроля за обеспечением его деятельности, реорганизацией и ликвидацией. По нашему мнению, имеется необходимость в упрощении правовых процедур, связанных с экономической деятельностью, таких как налоговые и финансовые амнистии и пр.

3. В рамках индивидуального предупреждения преступлений считаем необходимым активизацию работы по воздействию на социальные качества граждан, регулирование социальной среды на уровне семьи, быта, трудового коллектива, участие средств массовой информации в отражении сюжетов добросовестного использования экономических ресурсов, демонстрации существующих экономических проблем с параллельным анализом путей их решения.

Исходя из устоявшегося перечня специальных криминологических мер [18] считаем, что работа по предупреждению преступлений, связанных с ликвидацией юридического лица, должна осуществляться по следующим направлениям:

1. Взаимодействие правоохранительных органов (подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции) с государственными учреждениями (Федеральная налоговая служба, Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, арбитражный суд), выполняющими регистрационные и контрольно-надзорные функции в сфере экономических отношений юридических лиц. Данная мера должна заключаться в создании, ведении

¹⁰ Обзор международной практики поддержки экономики и населения в условиях борьбы с пандемией коронавируса в Армении, Великобритании, Германии, Дании, Испании, Италии, Казахстане, Китае, Нидерландах, США, Финляндии, Франции, Швеции, Южной Кореи, Японии / Т.А. Баженова, О.В. Ворон, Е.С. Горват [и др.]; Институт социальной политики НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. – URL: <https://isp.hse.ru>

¹¹ Коронавирус (COVID-19). Меры экономической поддержки бизнеса в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

и пополнении общей базы данных, отражающей информацию о хозяйствующих субъектах.

2. Своевременное реагирование и анализ обращений со стороны физических и юридических лиц по фактам криминальных банкротств или нарушений процедур ликвидации хозяйствующих субъектов, ставшим известными правоохранительным органам и контролирующим государственным органам. По всем фактам нарушений действующего законодательства, ставшим известными правоохранительным органам, должна проводиться качественная работа. Сотрудники правоохранительных органов должны осуществлять деятельность в соответствии с выработанными действенными алгоритмами проведения проверок в порядке ст. 144–145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и осуществления оперативно-розыскной деятельности посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

3. Обеспечение эффективных мер охраны субъектам экономических отношений, ведущим открытую и честную экономическую деятельность, от представителей, осуществляющих противоправные действия, связанные с мошенническими действиями (рейдерством). Предприниматели должны быть уверены в своей защищенности и поддержке со стороны государства.

4. Освещение в средствах массовой информации результатов деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности в сфере экономической деятельности, связанной с ликвидацией юридического лица. Выявленные факты, привлечение виновных лиц к установленной законом ответственности должны мотивировать руководителей на ведение честной экономической деятельности.

Предлагаемые нами меры будут способствовать повышению эффективности предупреждения преступлений, связанных с ликвидацией юридического лица, в условиях пандемии COVID-19.

Литература

1. **Голик Ю.В.** Пандемия, преступность, криминология // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 2 (57). – С. 32–35.
2. **Готчина Л.В.** Коронавирус и изменения в структуре преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 2 (57). – С. 40–43.
3. **Дикаев С.У.** Важна ли проблема преступности в условиях пандемии? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 2 (57). – С. 48–51.
4. **Зикеев В.А.** Криминологические аспекты последствий пандемии COVID-19 // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 2 (57). – С. 52–56.
5. **Милюков С.Ф.** Криминологические хроники времен пандемии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 2 (57). – С. 14–19.
6. **Уразалиев М.** Вопросы криминализации общества в условиях пандемии – новые угрозы и вызовы // Review of law sciences. – 2020. – № 2. – С. 2–9.
7. **Дробот Е.В.** Мировая экономика в условиях пандемии COVID-19: итоги 2020 года и перспективы восстановления // Экономические отношения. – 2020. – Т. 10. – № 4. – С. 937–960.
8. **Дмитриева А.Д.** Экономические последствия эпидемии COVID-19 // Молодой ученый. – 2020. – № 24 (314). – С. 174–177.
9. **Солдатова С.С., Пивкина К.Р.** Экономические последствия пандемии «COVID-19» для России // StudNet. – 2020. – № 2. – С. 260–265.
10. **Жданов Ю.Н., Овчинский В.С.** Коронавирус: миграция и преступность // Защита и безопасность. – 2020. – № 3 (94). – С. 10.
11. **Ляпин А.Е.** Статистическая оценка влияния всемирной пандемии на банкротства и манипуляции с собственностью и финансами организаций // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 6. – С. 291–295.
12. **Маркина А.Н.** Государственное регулирование экономики в условиях борьбы с COVID-19 // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – № 6. – С. 191–194.
13. **Ротман Д.Г.** Стабильность в государстве как ключевое условие поступательного улучшения качества жизни населения новых независимых государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2014. – № 4. – С. 45–56.
14. **Лисенюк А.А., Ледник И.С., Пацук О.В.** Система социальной защиты населения // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. – 2016. – № 40-2. – С. 173–177.
15. **Суриков В.М.** Морально-психологическое обеспечение населения при возникновении опасности военных действий или вследствие этих действий, чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера: теория, практика, проблемы (на примере Дальневосточного федерального округа) // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. – 2014. – № 2. – С. 191–215.
16. **Громова О.Н.** Виктимология преступности в сфере экономической деятельности: базовые понятия и признаки // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 2 (40). – С. 146–155.
17. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2005. – 912 с.
18. Криминология: учебник / Г.А. Аванесов [и др.]. – Москва: Юнити-Дана, 2012. – 575 с.

References

1. **Golik Yu.V.** Pandemiya, prestupnost', krimonologiya // Krimonologiya: vchera, segodnya, zavtra. – 2020. – № 2 (57). – S. 32–35.
2. **Gotchina L.V.** Koronavirus i izmeneniya v strukture prestupnosti // Krimonologiya: vchera, segodnya, zavtra. – 2020. – № 2 (57). – S. 40–43.

3. **Dikaev S.U.** Vazhna li problema prestupnosti v usloviyakh pandemii? // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. – 2020. – № 2 (57). – S. 48–51.
4. **Zikeev V.A.** Kriminologicheskie aspekty posledstviy pandemii COVID-19 // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. – 2020. – № 2 (57). – S. 52–56.
5. **Milyukov S.F.** Kriminologicheskie khroniki vremen pandemii // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. – 2020. – № 2 (57). – S. 14–19.
6. **Urazaliev M.** Voprosy kriminalizatsii obshchestva v usloviyakh pandemii – novye ugrozy i vyzovy // Review of law sciences. – 2020. – № 2. – S. 2–9.
7. **Drobot E.V.** Mirovaya ekonomika v usloviyakh pandemii COVID-19: itogi 2020 goda i perspektivy vosstanovleniya // Ekonomicheskie otnosheniya. – 2020. – T. 10. – № 4. – S. 937–960.
8. **Dmitrieva A.D.** Ekonomicheskie posledstviya epidemii COVID-19 // Molodoi uchenyi. – 2020. – № 24 (314). – S. 174–177.
9. **Soldatova S.S., Pivkina K.R.** Ekonomicheskie posledstviya pandemii “COVID-19” dlya Rossii // StudNet. – 2020. – № 2. – S. 260–265.
10. **Zhdanov Yu.N., Ovchinskii V.S.** Koronavirus: migratsiya i prestupnost' // Zashchita i bezopasnost'. – 2020. – № 3 (94). – S. 10.
11. **Lyapin A.E.** Statisticheskaya otsenka vliyaniya vseмирnoy pandemii na bankrotstva i manipulyatsii s sobstvennost'yu i finansami organizatsii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 6. – S. 291–295.
12. **Markina A.N.** Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki v usloviyakh bor'by s COVID-19 // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. – 2020. – № 6. – S. 191–194.
13. **Rotman D.G.** Stabil'nost' v gosudarstve kak klyuchevoe uslovie postupatel'nogo uluchsheniya kachestva zhizni naseleniya novykh nezavisimyykh gosudarstv // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya. – 2014. – № 4. – S. 45–56.
14. **Lisenyuk A.A., Lednik I.S., Patsuk O.V.** Sistema sotsial'noi zashchity naseleniya // Sovremennyye tendentsii v ekonomike i upravlenii: novyi vzglyad. – 2016. – № 40-2. – S. 173–177.
15. **Surikov V.M.** Moral'no-psikhologicheskoe obespechenie naseleniya pri vozniknovenii opasnosti voennykh deystvii ili vsledstvie etikh deystvii, chrezvychainoi situatsii prirodnoy i tekhnogennoy kharaktera: teoriya, praktika, problemy (na primere Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga) // Strategiya grazhdanskoй zashchity: problemy i issledovaniya. – 2014. – № 2. – S. 191–215.
16. **Gromova O.N.** Viktimologiya prestupnosti v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: bazovyye ponyatiya i priznaki // Leningradskii yuridicheskii zhurnal. – 2015. – № 2 (40). – S. 146–155.
17. Kriminologiya: uchebnyk dlya vuzov / pod obshch. red. A.I. Dolgovoi. – 3-e izd., pererab. i dop. – Moskva, 2005. – 912 s.
18. Kriminologiya: uchebnyk / G.A. Avanesov [i dr.]. – Moskva: Yuniti-Dana, 2012. – 575 s.

(статья сдана в редакцию 24.01.2022)

**МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ
СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ****FRAUD USING ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT: QUALIFICATION
PROBLEMS**

УДК 343.72

М.А. СТЕПАНОВА,

кандидат юридических наук, доцент
(Нижегородская академия МВД России,
Россия, Нижний Новгород)
marina-stepanova-1979@bk.ru

MARINA A. STEPANOVA,

Candidate of Law, Associate Professor
(Nizhny Novgorod academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia)

Е.В. ЦАРЁВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Дзержинский филиал Нижегородского
государственного университета
имени Н.И. Лобачевского,
Россия, Дзержинск)
tsarevzhenya@yandex.ru

EVGENY V. TSAREV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Dzerzhinsk branch
of the National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod,
Dzerzhinsk, Russia)

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы теории и практики привлечения к уголовной ответственности за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа, предусмотренного статьей 159³ Уголовного кодекса Российской Федерации, в целях выработки мер по совершенствованию правоприменительной практики. В частности, авторы обращают особое внимание на возникшую нерешенную ситуацию привлечения лица к уголовной ответственности за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа и указывают на необходимость оперативного реагирования правоохранительных органов на сложившуюся ситуацию в части законодательного разъяснения, так как от этого зависит качество и оперативность расследования указанного преступления, а также выявления преступников.

Авторами на основании проведенного анализа имеющегося законодательства предложен возможный вариант привлечения лиц к уголовной ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа.

Выводы и рекомендации, изложенные в статье на основе фактического материала, направлены на совершенствование знаний слушателей (курсантов, студентов) юридических учебных заведений, стремящихся к всестороннему изучению вопросов теории и практики мошенничества с использованием электронных средств платежа, а также будут полезны сотрудникам органов внутренних дел и иных правоохранительных органов, адъюнктам, аспирантам и преподавателям.

Ключевые слова: мошенничество, хищение, электронные средства платежа, уголовная ответственность, квалификация.

Для цитирования: Степанова М.А., Царёв Е.В. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: проблемы квалификации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 3. – С. 60–63.

Abstract: the article discusses the theory and practice of bringing to criminal responsibility for committing fraud using electronic means of payment provided for in Article 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to develop measures to improve law enforcement practice. In particular, the authors pay special attention to the unresolved situation of bringing a person to criminal responsibility for committing fraud using electronic means of payment and point out the need for law enforcement agencies to respond promptly to the current situation in terms of legislative clarification, since the quality and efficiency of the investigation of this crime depends on it, as well as the identification of criminals.

Based on the analysis of the existing legislation, the authors propose a possible option for bringing persons to criminal responsibility for fraud using electronic means of payment.

The abundant factual material serves as the basis for conclusions and recommendations expressed in the course of the presentation aimed at improving the knowledge of students (cadets, students) of law schools seeking a

comprehensive study of the theory and practice of fraud using electronic means of payment, and will also be useful to practitioners of internal affairs and other law enforcement agencies, adjuncts, graduate students and teachers.

Keywords: fraud, embezzlement, electronic means of payment, criminal liability, qualification.

For citation: Stepanova M.A., Tsarev E.V. Fraud using electronic means of payment: qualification problems // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2022. – № 3. – P. 60–63.

Жизнь не стоит на месте, все больше в нашу жизнь входят информационные технологии. К сожалению, и преступность развивается, в последнее время фиксируется рост преступлений¹, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [1, с. 91].

На сегодняшний день остается нерешенной ситуация привлечения лица к уголовной ответственности за совершение мошенничества с использованием электронных средств платежа. С целью обеспечения уголовно-правовой защиты электронных денежных средств и денежных средств, находящихся на банковском счете, для сдерживания роста преступности и дифференциации уголовной ответственности в отношении новых видов преступлений в киберпространстве [2, с. 158] возникла потребность реформирования уголовного закона и установления ответственности за кражу, совершенную с банковского счета или в отношении электронных денежных средств [3, с. 83].

В связи с этим на основании проведенного анализа судебной практики и положений постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»² и от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»³ предлагаем следующий вариант пояснений.

Так, в соответствии со ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ мошенничество – это хищение чужого имущества или приобрете-

ние права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Таким образом, обязательным признаком мошенничества является способ в виде обмана или злоупотребления доверием. Обман – информирование потерпевшего о заведомо недостоверных сведениях либо несообщение о них [3, с. 56], что имеет юридический смысл. Действия обманного характера могут быть направлены только на живого человека (обмануть банкомат, терминал или любой другой механизм невозможно).

В случае с мошенничеством, с одной стороны, преступник приобретает имущество потерпевшего обманывая его, а с другой – собственник имущества сам добровольно передает свое имущество [4, с. 95].

Итак, мошенничество с использованием электронных средств платежа характеризуется обманом или злоупотреблением доверия в отношении человека (кассира, операциониста банка, работника торговой или иной организации, иного лица), которому предоставляется поддельная или не принадлежащая виновному лицу платежная карта или иное техническое устройство, разрешающее выполнять перевод денежных средств с использованием информационно-коммуникационных сетей [5, с. 255] (пластиковой карты, телефона, часов и др.), и последний выполняет функцию списания денежных средств с банковского счета. Электронное средство платежа – это средство (способ), разрешающее клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, заверять и передавать команды в целях реализации передвижения денежных средств с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств⁵.

Преступления, совершенные до начала действия новой редакции ст. 159³ УК РФ, в соответствии с положениями п. 17 постановления ПВС № 48 (действующее до внесения изменений в июне 2021 г.), в случаях, когда хищение

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 05.05.2022).

² О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 года № 29 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 2; далее – постановление ПВС № 29.

³ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 2; далее – постановление ПВС № 48.

⁴ Далее – УК РФ.

⁵ О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

имущества осуществлялось с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем сообщения уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности указанному лицу такой карты на законных основаниях, квалифицировались по указанной статье.

Например, *приговором Миасского городского суда Челябинской области К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159³ УК РФ, то есть мошенничества с использованием электронных средств платежа с причинением значительного ущерба гражданину, при следующих обстоятельствах: К. в ходе распития спиртных напитков в гостях у своего знакомого, воспользовавшись тем, что последний оставил в комнате на шкафу оформленную на свое имя дебетовую карту ПАО «Почта Банк» с лимитом денежных средств на сумму 9 217 рублей 82 копейки, тайно завладел картой. С целью личного обогащения (хищения денежных средств с банковского счета, открытого в ПАО «Почта Банк») путем обмана работников торговых организаций и умолчания о незаконном владении платежной картой в магазинах, расположенных на территории г. Миасса, К. произвел безналичные расчеты с карты.*

Так, К. своими незаконными действиями причинил значительный ущерб потерпевшему на общую сумму 8 811 рублей 80 копеек⁶.

В случаях, если обман применяется только для упрощения доступа к завладению чужим имуществом, а не направлен непосредственно на его завладение, действия виновного, в зависимости от способа совершения хищения, образуют состав кражи или грабежа [6, с. 93] (п. 2 постановления ПВС № 48).

Анализ правоприменительной практики показал, что в отдельных случаях обман, используемый преступником с целью оплаты похищенной банковской картой приобретаемого в магазине товара, расценивается как средство более простого доступа к имуществу⁷.

Если присутствующее при незаконном изъятии чужого имущества лицо не осознает противоправность действий, содеянное квалифицируется как кража чужого имущества (п. 4 постановления ПВС № 29).

Из приведенного выше примера мы можем заключить, что работник торговой организации не осознает незаконность изъятия денежных средств и, следовательно, не раскрывает обмана, не зная реального владельца банковской карты. При проведении безналичных расчетов предъявлять документ, удостоверяющий личность, не является обязанностью, а также отметим, что действующими нормативными актами на уполномоченных работников торговых организаций, осуществляющих платежные операции с банковскими картами, обязанность идентификации держателя карты по документам, удостоверяющим его личность, не возлагается⁸.

Следовательно, лицо, рассчитывающееся чужой банковской картой, не обманывает и не вводит в заблуждение работника, хотя теоретически и практически производит действия по умолчанию о незаконном обладании им платежной картой.

Неверная на сегодняшний день позиция отражена в апелляционном постановлении Свердловского областного суда от 2 апреля 2018 г. по делу № 22-2232/2018.

Судебная коллегия Восьмого кассационного суда общей юрисдикции приняла решение об изменении приговора действий осужденного Ф., связанных с хищением имущества Ф. И. О., с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ на ч. 2 ст. 159³ УК РФ. Ф., взяв банковскую карту Ф. И. О., желая похитить денежные средства с банковского счета, несколько раз в кафе и магазинах осуществил расчет за товар, произведя операции по списанию принадлежащих Ф. И. О. денежных средств. Было похищено 9 310 рублей 90 копеек.

В качестве аргумента судебная коллегия указала, что осужденный совершил преступление, расплатившись за покупки в торговых организациях банковской картой, принадлежащей потерпевшей, умолчав о том, что использует ее незаконно. Выдача Ф. наличных денежных средств посредством банкомата не производилась⁹.

Верховный Суд Российской Федерации в своем определении однозначно указал, что в данной ситуации имеет место кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

С учетом того, что определение способа совершения преступлений, предусмотренных

⁶ Приговор Миасского городского суда Челябинской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vG70dKMs6Yj/> (дата обращения: 05.05.2022).

⁷ О подпункте 14.3 решения коллегии: информационное письмо Договorno-правового департамента МВД России от 15 мая 2020 г. № 25/16368. Документ опубликован не был.

⁸ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2020 г. № 12-УДП20-5-К6 (в порядке главы 47.1 УПК РФ) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 5 марта 2020 г. по делу № 77-38/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159³ УК РФ, влияет на правильную уголовно-правовую оценку деяния, а также ввиду смежности указанных составов преступлений приходим к следующим заключениям.

Отметим, что проблема разграничения квалификации одного и того же деяния по п. «г» ч. 3 ст. 158 и ст. 159³ УК РФ существует и среди правоприменителей. Принятые изменения в постановление ПВС № 48 устранили имеющуюся неясность в разграничении составов кражи в полном объеме, что, несомненно, будет являться ориентиром для правоприменителя, но вместе с тем необходимо обратить внимание, что вопрос привлечения к уголовной ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа остался нерешенным. В связи с этим считаем, что в этой части требуется

изменение уголовного закона и последующее его пояснение.

В случаях, когда виновное лицо использует электронные средства платежа одновременно с обманом или злоупотреблением доверием человека для списания денежных средств со счета потерпевшего, его действия будут квалифицированы по ст. 159³ УК РФ, то есть как мошенничество с использованием электронных средств платежа. Если же происходит оплата бесконтактным способом путем умолчания о незаконном владении им платежной картой или иным средством платежа или без участия иных лиц, то содеянное будет квалифицировано по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ как кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

Литература

1. **Иванцов С.В., Молчанова Т.В.** Информационно-телекоммуникационные технологии – современная реальность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 4 (88). – С. 89–91.
2. **Креховец А.В., Степанова М.А., Царёв Е.В.** Проблемы квалификации преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Российского нового университета. – 2021. – № 1. – С. 158–165.
3. **Чечель Г., Седых Л.** Особенности квалификации преступления, совершенного заглупотизированным лицом // Уголовное право. – 2009. – № 3. – С. 54–57.
4. **Дзюменко Р.И.** Особенности квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа (статья 159.3 УК РФ) // Молодой ученый. – 2022. – № 8 (403). – С. 94–96.
5. Руководство для следователя и дознавателя по расследованию отдельных видов преступлений: в 2 ч. Часть II / под ред. О.И. Цоколовой, Н.Е. Муженской, Г.И. Костылевой. – Москва: Проспект, 2021. – 784 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. – Москва: Проспект, 2021. – 222 с.

References

1. **Ivantsov S.V., Molchanova T.V.** Informatsionno-telekommunikatsionnye tekhnologii – sovremennaya real'nost' // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 4 (88). – S. 89–91.
2. **Krekhovets A.V., Stepanova M.A., Tsarev E.V.** Problemy kvalifikatsii prestupleniya, predusmotrennogo p. "g" ch. 3 st. 158 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii // Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. – 2021. – № 1. – S. 158–165.
3. **Chechel' G., Sedykh L.** Osobennosti kvalifikatsii prestupleniya, sovershennogo zagipnotizirovannym litsom // Ugolovnoe pravo. – 2009. – № 3. – S. 54–57.
4. **Dzyumenko R.I.** Osobennosti kvalifikatsii moshennichestva s ispol'zovaniem elektronnykh sredstv platezha (stat'ya 159.3 UK RF) // Molodoi uchenyi. – 2022. – № 8 (403). – S. 94–96.
5. Rukovodstvo dlya sledovatelya i doznatelya po rassledovaniyu otdel'nykh vidov prestuplenii: v 2 ch. Chast' II / pod red. O.I. Tsokolovoi, N.E. Muzhenskoi, G.I. Kostylevoi. – Moskva: Prospekt, 2021. – 784 s.
6. Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi) / pod red. G.A. Esakova. – Moskva: Prospekt, 2021. – 222 s.

(статья сдана в редакцию 17.05.2021)

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ ЗАПРЕТА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ

THE PLACE AND SIGNIFICANCE OF PROHIBITION IN THE CRIMINAL PROCEDURE LAW OF RUSSIA

УДК 343.131.5

И.А. НАСОНОВА,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский институт МВД России,
Россия, Воронеж)
nasonova-amelina@mail.ru

IRINA A. NASONOVA,

Doctor of Law, Professor
(Voronezh Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Voronezh, Russia)

С.С. ХАЛИМОНЕНКО,

кандидат юридических наук
(Воронежский институт МВД России,
Россия, Воронеж)
shalimonenko@yandex.ru

SNEZHANA S. KHALIMONENKO,

Candidate of Law
(Voronezh Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Voronezh, Russia)

Аннотация: в статье раскрывается роль запрета для уголовно-процессуального права России. Аргументируется, что запрет участвует в формировании содержания уголовно-процессуальных отношений. Показано, что запрет является разновидностью юридической обязанности лица и в этом качестве формирует процессуальный статус участника уголовного судопроизводства. Обращается внимание на пробелы в действующем российском законодательстве, обусловленные либо неточным изложением уголовно-процессуальных запретов, либо их отсутствием в случаях, когда необходимость в них является очевидной. Предлагаются пути решения обозначенных проблем, в том числе и посредством совершенствования регламентации процессуального статуса отдельных участников уголовного судопроизводства России.

В статье также приводятся доказательства в пользу того, что запрет является уголовно-процессуальной гарантией. Показана обеспечительная роль запретов по отношению к назначению уголовного судопроизводства и его принципам. Анализируются нормы-запреты, носящие частный характер и участвующие в формировании отдельных уголовно-процессуальных институтов. Излагаются факторы, обуславливающие широкое распространение запретов в уголовно-процессуальном праве России. В указанном контексте показано влияние на систему уголовно-процессуальных запретов предмета уголовно-процессуального регулирования, метода уголовно-процессуального регулирования, разрешительного типа регулирования, назначения российского уголовного судопроизводства и его принципов.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный запрет, уголовно-процессуальные отношения, процессуальный статус, уголовно-процессуальные гарантии, императивный метод.

Для цитирования: Насонова И.А., Халимоненко С.С. Место и значение запрета в уголовно-процессуальном праве России // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 3. – С. 64–68.

Abstract: the article reveals the role of prohibition for the criminal procedure law of Russia. It is argued that the ban is involved in the formation of the content of criminal procedural relations. It is shown that the prohibition is a kind of legal obligation of a person and as such forms the procedural status of a participant in criminal proceedings. Attention is drawn to the gaps in the current Russian legislation caused either by an inaccurate

statement of criminal procedural prohibitions, or their absence in cases where the need for them is obvious. The ways of solving these problems are proposed, including by improving the regulation of the procedural status of individual participants in criminal proceedings in Russia.

The article also provides evidence in favor of the fact that the ban is a criminal procedural guarantee. The protective role of prohibitions in relation to the purpose of criminal proceedings and its principles is shown. The norms and prohibitions that are of a private nature and participate in the formation of individual criminal procedural institutions are analyzed. The factors that determine the widespread use of prohibitions in the criminal procedure law of Russia are described. In this context, the influence of the subject of criminal procedure regulation, the method of criminal procedure regulation, the permissive type of regulation, the purpose of Russian criminal proceedings and its principles on the system of criminal procedure prohibitions is shown.

Keywords: criminal procedural prohibition, criminal procedural relations, procedural status, criminal procedural guarantees, imperative method.

For citation: Nasonova I.A., Khalimonenko S.S. The place and significance of prohibition in the criminal procedure law of Russia // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2022. – № 3. – P. 64–68.

Важной составляющей уголовно-процессуального права является запрет. Он существует наряду с другими элементами уголовно-процессуального права (дозволением и позитивным обязыванием), взаимодействуя и создавая с ними определенное единство. Очевидно, что доминантами уголовно-процессуальной системы являются позитивное обязывание и запрет. Именно для них характерен высокий удельный вес в рассматриваемой области. Это вполне закономерно, поскольку господствующим методом в уголовно-процессуальном праве является императивный метод.

Еще одним фактором, обуславливающим преобладание позитивного обязывания и запрета в уголовном судопроизводстве, является специфика предмета правового регулирования, основу которого образуют властеотношения. Последние предполагают участие в них публичных субъектов, способных принимать решения, имеющие обязательную силу для всех в пределах, установленных законом.

Преобладание запрета в уголовно-процессуальной сфере объясняется также особенностями типа уголовно-процессуального регулирования. Последний предполагает допустимость лишь тех действий и решений, которые разрешены законом. Востребованность разрешительного типа регулирования объясняется тем, что в уголовно-процессуальной сфере действия государственных органов и должностных лиц, получившие достаточное широкое распространение, зачастую затрагивают конституционные права граждан [1, с. 43].

Система уголовно-процессуальных запретов неразрывно связана с назначением уголовного судопроизводства и его принципами. Именно они определяют содержание запретов и их количественную характеристику. Тем самым на-

значение уголовного судопроизводства и его принципы оказывают заметное влияние на существующую систему запретов. Это связано с тем, что реализация и назначения уголовного судопроизводства, и принципов уголовного судопроизводства в ряде случаев осуществляется с помощью запретов, которые нередко выступают по отношению к ним необходимыми уголовно-процессуальными гарантиями.

Кроме того, запреты способны в ряде случаев участвовать в формировании содержания отдельных принципов уголовного судопроизводства. Наиболее показательным в этом плане является предусмотренный в ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ принцип уважения чести и достоинства. Все его содержание строится на запретах. К ним следует отнести запрет на осуществление действий и принятие решений, унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также на обращение, унижающее его человеческое достоинство либо создающее опасность для его жизни и здоровья; запрет на применение насилия, пыток, другого жестокого или унижающего человеческого достоинства обращения. Правда, сфера применения второго вида запрета, на наш взгляд, заметно сужена. Представляется, что он должен применяться не только с целью обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, как на то обращается внимание в ч. 2 ст. 9 УПК РФ. Такой запрет должен реализовываться также и в интересах других лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Поэтому видятся целесообразными изменения ч. 2 ст. 9 УПК РФ, предполагающие замену слов «никто из участников уголовного судопроизводства» на слово «лицо». Последнее является более широким по-

¹ Далее – УПК РФ.

нятием, охватывающим как тех, кто официально признан законодателем участником уголовного судопроизводства, так и других лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения.

Однако большая часть запретов все-таки выполняет функцию процессуальных средств, обеспечивающих реализацию назначения уголовного судопроизводства и его принципов. Такие запреты закреплены главным образом в частных нормах, именуемых запрещающими нормами. Их достаточно много в УПК РФ. К таким запретам следует отнести, например, запрет на отказ подозреваемому или обвиняемому, его защитнику в допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и других следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела (ч. 2 ст. 159 УПК РФ). Такой запрет гарантирует осуществление принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ), а запрет на разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия обеспечивает принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ) и т.д.

Достаточно много запретов, призванных гарантировать назначение уголовного судопроизводства и его принципы, формируют основу отдельных уголовно-процессуальных институтов (например, институт отвода, в основе которого лежит запрет на участие в уголовном судопроизводстве).

Наибольшее сосредоточение запретов наблюдается в институтах, посвященных мерам пресечения. Особенно это характерно для института запрета определенных действий, включающего в себя нормы, регламентирующие виды такого запрета (ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ).

Сказанное подтверждает, что разрешительный тип регулирования является востребованным в уголовно-процессуальном праве. Однако он, хотя и преобладает в уголовно-процессуальном праве, не является в нем единственным. Он дополняется дозволительным типом регулирования, который за последние десятилетия набирает все большую популярность в уголовно-процессуальном праве. Его существование неразрывно связано с предоставлением участникам уголовного судопроизводства достаточно широких прав. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что в уголовно-процессуальном праве наряду с запретом существуют и дозволения. Следовательно, регулирование отношений между участниками уголовного судопроизводства осуществляется как с помощью императивного метода, так и при помощи диспозитивного мето-

да. Правда, первый, основанный на позитивном обязывании и запрете, безусловно, является господствующим, и лишь в некоторых случаях он дополняется диспозитивным методом. Данное обстоятельство дает основание отдельным авторам характеризовать метод, используемый в уголовно-процессуальном праве, как комбинированный, комплексный [2, с. 112; 3, с. 27]. Не отрицая данного факта, важно иметь в виду, что комбинированный метод свойственен и другим отраслям права. Например, в качестве такового можно охарактеризовать и метод, используемый в гражданском праве. Значит, комплексность вряд ли можно отнести к ключевому специфическому признаку метода, используемого в отрасли права. Особенность такого метода выражается в соотношении в нем императивных и диспозитивных начал. Так, в уголовно-процессуальном праве господствует императивный метод, а в гражданском праве, бесспорно, доминирует диспозитивный метод. В самом общем виде такое соотношение позволяет утверждать, что уголовно-процессуальному праву, впрочем, как и всем другим отраслям публичного права, свойственен императивный метод.

Лидирующие позиции императивного метода в уголовно-процессуальном праве неразрывно связаны с преобладанием не только норм-обязанностей, но и норм-запретов, которые следует относить к императивным нормам, лишаящим субъектов свободы выбора варианта поведения.

Именно потому, что запреты по своей сути являются нормами права, им свойственны те качества, которыми обладает любая правовая норма. Во-первых, запрещающие нормы обладают признаком общеобязательности, то есть рассчитаны на неопределенный круг лиц. Во-вторых, им свойственна формальная определенность, благодаря чему содержание запрета и его границы обладают достаточной четкостью.

Для запрещающих норм характерна аккумуляция в себе юридических обязанностей участников уголовно-процессуальных отношений. Более того, юридические обязанности выражают их суть. В рассматриваемом контексте примером может служить обязанность Генерального прокурора Российской Федерации отказать в выдаче лица, если имеются основания, предусмотренные в ч. 1 ст. 464 УПК РФ (лицо является гражданином Российской Федерации, в Российской Федерации имеется вступивший в законную силу приговор в отношении лица). Существование указанной обязанности обусловлено наличием в уголовно-процессуальном праве запрета на выдачу лица иностранному государству при наличии обстоятельств, предусмотренных в ч. 1 ст. 464 УПК РФ.

Еще один пример. К обязанностям-запретам относится и обязанность присяжных заседателей не высказывать свое мнение по рассматриваемому уголовному делу до обсуждения вопросов при вынесении вердикта; общаться с лицами, не входящими в состав суда, по поводу обстоятельств рассматриваемого уголовного дела. Все они упоминаются в пп. 2, 3 ч. 2 ст. 333 УПК РФ. Однако, несмотря на это, указанная статья называется не «Права и обязанности присяжных заседателей», что было бы вполне логичным, а «Права присяжных заседателей». Существующее название ст. 333 УПК РФ наводит на мысль о том, что законодатель недооценивает роль обязанности-запрета в процессуальном статусе участника уголовного судопроизводства. Кстат, и в некоторых других статьях УПК РФ, посвященных процессуальному статусу участников уголовного судопроизводства, прослеживается похожий подход законодателя. В частности, в ст. 46, 47 УПК РФ, призванных фиксировать процессуальное положение подозреваемого и обвиняемого, обязанности указанных участников уголовного судопроизводства выпали из поля зрения законодателя. Такой характер закрепления процессуального статуса участника уголовного судопроизводства может создать обманчивое впечатление об отсутствии у подозреваемого и обвиняемого каких-либо обязанностей. Вместе с тем указанные участники обязаны не уклоняться от следствия и суда; являться на допрос, для проведения других следственных действий; подвергнуться экспертному исследованию; соблюдать порядок в судебном заседании и др. Учитывая данные обстоятельства, зарубежный законодатель в статьях, посвященных процессуальному статусу участников уголовного судопроизводства, учитывает не только их права, но и их обязанности, ответственность, санкции за неисполнение их. По указанному пути идут, например, УПК Республики Беларусь (ч. 4 ст. 41, ч. 4 ст. 43), УПК Азербайджанской Республики (ст. 90, 91) и др.

Кроме того, зарубежный законодатель позаботился и о регламентации процессуального статуса тех лиц, которые российским законом не признаются официальными участниками уголовного судопроизводства. Речь идет о лицах, запрашиваемых к выдаче для уголовного преследования или исполнения приговора. Ярким примером тому является глава 55 УПК Республики Беларусь, посвященная правам и обязанностям указанных лиц и их защитникам. Ученые не раз обращали внимание на данное обстоятельство в надежде на то, что российский законодатель закрепит в уголовно-процессуальных нормах не только права и обязанности лица,

запрашиваемого к выдаче, но и процессуальный статус его защитника и законного представителя [4]. Предлагались и модели уголовно-процессуальных норм для размещения их в УПК РФ. Так, были вполне обоснованно предложены для включения в УПК РФ статьи 460.1 «Запрашиваемый к выдаче», 460.2 «Законный представитель несовершеннолетнего лица, запрашиваемого к выдаче», 460.3 «Участие защитника» [5, с. 64; 6, с. 192]. В них предполагалось размещение не только прав, но и обязанностей лица, запрашиваемого к выдаче, его защитника и законного представителя. Причем часть обязанностей подавалась в форме запретов.

Представляется, что указанные изменения будут способствовать надлежащему оформлению процессуального статуса лица, запрашиваемого к выдаче, и, как следствие, усилят защиту интересов данного участника уголовного судопроизводства.

Принимая во внимание указанное обстоятельство, а также учитывая стилистику российского законодателя по отношению к изложению обязанностей участников уголовного процесса и позицию отдельных авторов, выступающих за преобразование статей УПК РФ, посвященных процессуальному статусу указанных участников [7, с. 191; 8, с. 105], предлагаем внести следующие изменения в действующее законодательство:

- в статье 333 УПК РФ изменить название со слов «Права присяжных заседателей» на слова «Права и обязанности присяжных заседателей»;
- статью 46 УПК РФ дополнить частью 5, в которой необходимо закрепить обязанности подозреваемого не уклоняться от явки по вызову дознавателя, следователя и в суд; не нарушать требования, обусловленные избранной ему мерой пресечения; не разглашать данные предварительного расследования, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 УПК РФ; не нарушать установленный порядок во время производства процессуальных действий;

- статью 47 УПК РФ дополнить частью 7, содержание которой должно воспроизводить обязанности, перечисленные в ч. 5 ст. 46 УПК РФ, и дополнительно включать еще две обязанности обвиняемого, выраженные в форме запрета (уходить из зала судебного заседания до объявления перерыва без разрешения председательствующего; не нарушать порядок в судебном заседании).

Представляется, что предложенные изменения в определенной мере не только усовершенствуют существующую систему уголовно-процессуальных запретов, но и оптимизируют

процессуальный статус отдельных участников уголовного судопроизводства. Примечательно, что такая оптимизация будет осуществляться в том числе и за счет улучшения качества правового регулирования уголовно-процессуальных обязанностей-запретов. Такие обязанности, впрочем, как и весь обновленный процессуальный статус отдельных участников уголовного судопроизводства, вполне можно приравнять к уголовно-процессуальным гарантиям, обеспечивающим достижение назначения уголовного

судопроизводства, важной составляющей которого является защита лиц, участвующих в уголовно-процессуальных отношениях.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что запрет в уголовно-процессуальном праве является его исходным элементом, который ценен тем, что участвует в формировании содержания уголовно-процессуальных отношений. Это позволяет считать запрет одной из ключевых категорий понятийного аппарата уголовно-процессуального права.

Литература

1. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. – Москва: Юрист, 2003. – 797 с.
2. **Протасов В.Н.** Основы общеправовой процессуальной теории. – Москва, 1991. – 143 с.
3. **Бахта А.С.** О методе уголовно-процессуального права // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 5. – С. 64–67.
4. **Косарева А.Е.** Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2005. – 255 с.
5. **Насонов А.А.** Лицо, запрашиваемое к выдаче как участник уголовного судопроизводства // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2016. – № 1-3. – С. 59–65.
6. **Насонов А.А.** Участие защитника в процедуре выдачи лица для уголовного преследования // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 3. – С. 189–194.
7. **Сопнева Е.В.** К вопросу об обязанностях подозреваемого в уголовном процессе // Общество и право. – 2010. – № 5 (32). – С. 189–193.
8. **Марченко Е.С.** Обязанности обвиняемого и проблемы их правовой регламентации // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2009. – № 1 (18). – С. 104–107.

References

1. Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiiskoi Federatsii: uchebnik / otv. red. P.A. Lupinskaya. – Moskva: Yurist, 2003. – 797 s.
2. **Protasov V.N.** Osnovy obshchepравovoi protsessual'noi teorii. – Moskva, 1991. – 143 s.
3. **Bakhta A.S.** O metode ugolovno-protsessual'nogo prava // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2009. – № 5. – S. 64–67.
4. **Kosareva A.E.** Vydacha litsa dlya ugolovnogo presledovaniya ili ispolneniya prigovora v rossiiskom ugolovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk. – Sankt-Peterburg, 2005. – 255 s.
5. **Nasonov A.A.** Litso, zaprashivaemoe k vydache kak uchastnik ugolovnogo sudoproizvodstva // Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii. – 2016. – № 1-3. – S. 59–65.
6. **Nasonov A.A.** Uchastie zashchitnika v protsedure vydachi litsa dlya ugolovnogo presledovaniya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2017. – № 3. – S. 189–194.
7. **Sopneva E.V.** K voprosu ob obyazannostyakh podozrevaemogo v ugolovnom protsesse // Obshchestvo i pravo. – 2010. – № 5 (32). – S. 189–193.
8. **Marchenko E.S.** Obyazannosti obvinyaemogo i problemy ikh pravovoi reglamentatsii // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2009. – № 1 (18). – S. 104–107.

(статья сдана в редакцию 31.05.2022)

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ****ORGANIZATIONAL AND LEGAL POSSIBILITIES OF USING
MOLECULAR GENETIC EXPERTISE**

УДК 343.9

Е.Ю. РОДИНА

(Санкт-Петербургский университет
МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
ORCID: 0000-0002-6147-6462
elena_rodina1981@mail.ru

ELENA JU. RODINA

(Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia)

О.В. ЧЕЛЫШЕВА,

доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербургский университет
МВД России,
Россия, Санкт-Петербург)
ORCID: 0000-001-7373-7933
chelysheva2007@yandex.ru

OL'GA V. CHELYSHEVA,

Doctor of Law, Professor
(Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
Saint Petersburg, Russia)

Аннотация: в современных условиях активного развития научных процессов, быстрого доступа к информационным ресурсам различной направленности, разнообразия оснащения техническими средствами различной модификации работу правоохранительных органов осложняет все более активное и подготовленное противодействие преступной среды. Важнейшей задачей криминалистики является изучение механизма преступления и установление всех возможных закономерностей и взаимосвязи его элементов. Расследование преступлений, совершенных в отношении малолетних детей, то есть лиц, не достигших 14-летнего возраста, осложнено психологическими особенностями данных субъектов уголовного судопроизводства, недостаточностью квалификации самих сотрудников правоохранительных органов. Поэтому доказательства, полученные в ходе следственных действий с участием малолетних, нуждаются в дополнительной проверке, в том числе путем объективизации доказывания в результате производства новых видов судебных экспертиз. В связи с этим проведение молекулярно-генетической экспертизы в настоящее время актуально и востребовано в ходе раскрытия и расследования преступлений, совершенных в отношении малолетних.

В статье мы ставим целью исследование организационно-правовых возможностей судебной молекулярно-генетической экспертизы. Это позволит разрешить некоторые проблемы правового регулирования производства данной судебной экспертизы и сформулировать рекомендации по ее назначению.

Ключевые слова: расследование преступлений, геномная регистрация, судебная экспертиза, locus, криминалистические учеты, ДНК-след.

Для цитирования: Родина Е.Ю., Чельшева О.В. Организационно-правовые возможности использования молекулярно-генетической экспертизы // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 3. – С. 69–75.

Abstract: in modern conditions of active development of scientific processes, quick access to information resources of various directions, a variety of equipment with technical means of various modifications, the work

of law enforcement agencies is complicated by an increasingly active and prepared counteraction to the criminal environment. The most important task of criminology is to study the mechanism of the crime and to establish all possible patterns and interrelations of its elements. The investigation of crimes committed against young children, that is, persons under the age of 14, is complicated by the psychological characteristics of these subjects of criminal proceedings, the lack of qualifications of law enforcement officers themselves. Therefore, the evidence obtained in the course of investigative actions involving minors needs additional verification, including through the objectification of evidence as a result of the production of new types of forensic examinations. In this regard, the conduct of molecular genetic examination is currently relevant and in demand during the disclosure and investigation of crimes committed against minors.

In this article, we aim to study the organizational and legal possibilities of forensic molecular genetic examination. This will allow us to solve some problems of legal regulation of the production of this forensic examination and formulate recommendations necessary for practitioners on its purpose.

Keywords: crime investigation, genomic registration, forensic examination, locus, forensic records, DNA trace.

For citation: Rodina E.Ju., Chelysheva O.V. Organizational and legal possibilities of using molecular genetic expertise // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2022. – № 3. – P. 69–75.

Еще до возникновения криминалистики как самостоятельной юридической науки было обращено внимание на необходимость изучения того, каким образом протекает процесс совершения преступления: какие действия предпринимает преступник при подготовке к преступлению, как и с помощью каких средств его совершает, каким образом скрывает следы преступления, свое участие в нем и т.п. [1, с. 4].

В настоящее время значение исследования данных закономерностей не подвергается сомнению. Знание механизма преступления как целостной системы обстоятельств, процессов и факторов, обуславливающих особенности отражения преступления, появления материальных и нематериальных следов, обеспечивает целенаправленное выдвижение версий, планирование расследования, а в итоге наиболее полное установление и исследование обстоятельств, подлежащих доказыванию, способствует установлению объективной истины по делу [1, с. 6].

Развитие криминалистической науки, применение специальных знаний в области медицины, биологии и других наук, активное развитие лабораторной базы и использование выводов экспертов в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства преобразили судебный процесс. Появление молекулярно-генетической экспертизы позволило находить неоспоримые доказательства вины преступника. В настоящее время без ДНК-анализа сложно себе представить расследование половых преступлений, убийств, террористических актов.

Использование возможностей судебной молекулярно-генетической экспертизы в настоящее время имеет особое значение в ходе расследования преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершенно-

летних, так как зачастую выводы эксперта являются одним из основных доказательств по уголовному делу.

Объектом исследования в настоящей статье является экспертная практика проведения молекулярно-генетической экспертизы в экспертных подразделениях МВД России.

Предмет исследования – объективные закономерности развития теоретических, методических и научно-практических аспектов судебной молекулярно-генетической экспертизы по исследованию следов биологического происхождения.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

1. Изучить нормативно-правовую базу, регламентирующую проведение судебной молекулярно-генетической экспертизы.
2. Выявить актуальные проблемы, возникающие перед сотрудниками правоохранительных органов и экспертами в ходе назначения и производства данной экспертизы.
3. Определить оптимальные пути решения выявленных проблем.
4. Сформулировать тактико-криминалистические рекомендации по проведению молекулярно-генетической экспертизы.

Методология исследования отражена во многих трудах в области криминалистики и медицины отечественных и зарубежных авторов. Вместе с тем рассмотрены исследования практических работников экспертно-криминалистических подразделений МВД России.

Разработкой вопросов генетической экспертизы занимались такие ученые, как А. Wymан, R. White (1980), G.I. Bell (1982), P.C. Белкин, Е.Р. Россинская, Е.И. Погаев, Л.П. Иванов, Т.В. Стегнова, В.В. Носиков и др.

Методы нашего исследования включают три группы:

- теоретические (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия);
- общенаучные методы эмпирического исследования (описание, сравнение, наблюдение, моделирование);
- специальные частнонаучные методы (статистические, математические, социологические и др.).

Теоретическую основу исследования составили труды в области криминалистики, судебной экспертизы, уголовного процесса. В связи с тем, что данное исследование носит комплексный характер, в целях решения задач исследования также были изучены труды отечественных и зарубежных авторов в области генетики, судебной медицины.

Теоретическое и практическое значение исследования заключается в дальнейшем развитии криминалистической науки, расширении возможностей криминалистической регистрации, разработке и обосновании практических рекомендаций по тактике производства судебной молекулярно-генетической экспертизы, что будет способствовать повышению эффективности расследования преступлений и недопущению нарушений в ходе производства данного вида экспертизы. Выводы и рекомендации, сформулированные в ходе исследования, можно также использовать в образовательном процессе при изучении дисциплин «Криминалистика», «Методика расследования отдельных видов преступлений», «Расследование преступлений, совершенных несовершеннолетними».

Научная новизна исследования заключается в том, что была предпринята попытка комплексного изучения теоретических и методических основ проведения молекулярно-генетической экспертизы, а также использования ее результатов при раскрытии и расследовании преступлений. На основе рассмотрения правоприменительной практики назначения данной экспертизы и учета требований экспертов были сформулированы рекомендации по назначению судебной молекулярно-генетической экспертизы и правила работы с вещественными доказательствами и образцами биологического происхождения.

Идентификация личности преступника является основной целью расследования. В настоящее время самой распространенной судебной экспертизой, решающей данную задачу путем исследования папиллярных узоров, является дактилоскопическая экспертиза, но в силу совершенствования способов сокрытия преступления у правоохранителей возникла острая потребность в использовании альтернативных

способов идентификации личности, а именно в исследовании отдельных участков определенных хромосом (локусов), то есть дактилоскопии генетической. Изучение STR-локусов ДНК лежит в основе данной судебной экспертизы и позволяет установить личность с вероятностью 100% [2, с. 101]. Установить принадлежность стандартных локусов тому или иному человеку возможно при сравнительном исследовании, то есть при сопоставлении их со сравнительными образцами. При отсутствии сравнительных объектов ДНК все равно позволит получить значимую информацию о возможном преступнике: пол, возраст, группа крови, цвет глаз, кожи, волос, наследственные заболевания и т.д. [3, с. 86]. На данные вопросы сможет ответить только эксперт, прошедший специальную подготовку для исследования ДНК по выявлению физиологических параметров человека.

По мнению практических работников и экспертов, отработанная методика по исследованию генома по имеющимся тест-системам дает прекрасные результаты, но не всегда. В настоящее время база данных геномной информации находится в стадии развития. На сегодняшний день активно происходит отработка технологии геномной регистрации, которая заключается в получении, учете, хранении, использовании материала, в связи с чем эксперты сталкиваются с рядом проблем, требующих скорейшего разрешения.

В настоящее время стандартизировано около 30 полиморфных локусов для ДНК-идентификации. По международным стандартам исследования ДНК (UKCoreLoci, CODIS, ESSS) включают локусы, которые объединены в тест-системы от 13 до 24, тогда как в Министерстве внутренних дел Российской Федерации на основании приказа МВД России от 10.02.2006 № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с Инструкцией по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации, Правилами ведения экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел) к обязательному исследованию принято лишь 13 локусов [4, с. 220]. На наш взгляд, данная проблема требует разрешения, что обуславливает необходимость проведения научных исследований по проблемам назначения молекулярно-генетической экспертизы.

Следующая проблема, с которой сталкиваются лица, ведущие расследование, – противодействие со стороны подозреваемых и обвиняемых

в ходе получения образцов для сравнительного исследования по данной экспертизе. В правоприменительной практике нередки случаи письменного отказа от добровольной сдачи биологического материала. Основания отказа различны: это ходатайства стороны защиты, ссылающиеся на возможное заражение различными инфекциями, опасными для жизни и здоровья, или на унижение чести и достоинства подозреваемых (обвиняемых) лиц. В данном случае адвокаты опираются на чч. 2, 3 ст. 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹, а именно на запрет применения способов, связанных с причинением вреда здоровью и опасных для жизни и здоровья, а равно с тем унижающих честь и достоинство. Данное обстоятельство делает проведение молекулярно-генетической экспертизы без добровольного согласия лица, не заинтересованного в проведении отождествления и желającego избежать уголовной ответственности, невозможным.

Однако при изучении практики апелляционного производства Конституционного Суда Российской Федерации нами установлены случаи опротестования данного отказа, в которых Конституционный Суд Российской Федерации разъясняет, что ч. 2 ст. 202 УПК РФ запрещает отбор биологического материала в тех случаях, когда способы проведения изъятия являются опасными для здоровья и жизни или унижают его честь и достоинство. В Конституции Российской Федерации (ст. 21) действия по принудительному отбору образцов для сравнительного исследования не рассматриваются как унижающие достоинство личности, охраняемое государством. В связи с этим при заявлении подобных ходатайств стороной защиты сотрудникам правоохранительных органов следует отказывать в удовлетворении требований подозреваемых (обвиняемых), основываясь на комментарии Конституционного Суда Российской Федерации, поводить следственное действие «получение образцов для сравнительного исследования» в принудительном порядке в медицинском учреждении при участии квалифицированного медицинского работника.

Институт геномной регистрации регламентируется Федеральным законом от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», который определяет цели, принципы и виды данной процедуры, а также круг лиц, чьи генетические профили должны быть зарегистрированы в обязательном порядке; определяет правила последующей обработки и регистрации геномной информации в соответствующей системе учета.

Одной из проблем быстрого развития и пополнения данных учетов является законодательное ограничение лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации. В статье 7 вышеуказанного нормативного правового источника содержится перечень лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации:

1. Лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

2. Неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий.

3. Неопознанные трупы².

Генетические профили указанного круга лиц, в соответствии с положениями статьи 11, подлежат регистрации в Федеральной базе данных учета генетической информации³. По состоянию на 1 января 2020 года в ФБДГИ содержащаяся геномная информация составляет 0,6% от общего количества населения Российской Федерации (965 315 объектов учета). Согласно официальным данным ЭКЦ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, по состоянию на 1 января 2021 года в ФБДГИ содержится 35 707 объектов хранения. Из них – 32 490 (91%) генотипов лиц, осужденных и отбывающих наказание, 2 117 (6%) генетических профилей биологических следов, изъятых при осмотре мест происшествия, 1 100 (3%) генетических профилей неопознанных трупов.

Для сравнения, по состоянию на сентябрь 2021 г. Национальная база данных ДНК Великобритании содержит 6 761 797 генетических профилей лиц и 672 123 генетических профиля, изъятых с мест преступлений. Как справедливо отмечает в своем исследовании Т.В. Попова, ежегодный процент раскрытия преступлений с использованием ДНК-анализа и базы данных ДНК в Великобритании составляет порядка 63,2%. Такие результаты являются одними из самых высоких в Европе, что подтверждает эффективность использования базы данных ДНК [5, с. 134].

В настоящее время ФБДГИ доказало свою эффективность в ходе расследования и раскрытия преступлений. Так, по мнению В.Н. Москаленко, количество совпадений данных ДНК проверяемых лиц со следами, которые были изъятые с мест нераскрытых преступлений, увеличилось

¹ Далее – УПК РФ.

² О государственной геномной регистрации в Российской Федерации: Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

³ Далее – ФБДГИ.

по сравнению с прошлым годом на 34% по проверкам «след – лицо» и на 93% по проверкам «след – след», идентифицировано 58 трупов. Данное обстоятельство он объясняет возрастаянанием темпов пополнения учетных записей информационного массива ФБДГИ [6, с. 236].

Существенно расширит ФБДГИ изменение законодательных актов, регламентирующих геномную регистрацию. В настоящее время на рассмотрении во втором чтении в Государственной Думе находится законопроект № 1048800-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственной геномной регистрации», внесенный Правительством Российской Федерации, который значительно дополняет перечень лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации, следующими категориями граждан:

1. Лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение преступлений.

2. Лица, подозреваемые в совершении преступлений, обвиняемые в совершении преступлений.

3. Лица, подвергнутые административному аресту⁴.

На наш взгляд, принятие данного законопроекта позволит значительно расширить возможности экспертов при использовании информационной системы и обеспечит правоохранительные органы необходимой для расследования и раскрытия преступлений информацией.

В значительной степени, на наш взгляд, решить данную проблему сможет объединение информационных систем различных ведомств (Министерства здравоохранения Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации) и негосударственных медицинских организаций. Только тесное взаимодействие по данному вопросу повысит качество биобанков ФБДГИ. Данное решение является дискуссионным в настоящее время. Так, многие опрошенные нами эксперты (25%) считают, что негосударственные медицинские учреждения будут способствовать поступлению недостоверной информации в ФБДГИ, другие (22%) допускают, что объединение информационных систем будет нарушать права граждан на конфиденциальность личной информации, но большая часть опрошенных

(53%) выступили за всеобщую генотипизацию и объединение ФБДГИ. Полагаем, что данное решение требует дополнительных научных изысканий и доработки, но нам видится, что увеличение ресурсов ФБДГИ сможет решить ряд важных задач:

1. Установление личности людей, погибших в результате стихийных бедствий, войн, аварий, техногенных катастроф и т.д.

2. Розыск лиц, пропавших без вести.

3. Установление личности в случаях обезличивания живого человека (последствие различных заболеваний, бессознательное состояние и т.д.).

4. Идентификация неопознанных трупов.

5. Идентификация мигрантов.

6. Расследование, раскрытие и предупреждение преступлений [7, с. 87].

В связи с этим мы полностью поддерживаем мнение В.Н. Москаленко о том, что ведомственная разобщенность учреждений, которые занимаются проблемами идентификации личности, может привести к неминуемому затягиванию сроков этой работы, нивелированию превентивно собранной криминалистически значимой информации и к другим не менее важным проблемам, которые отразятся на конечной цели государственной геномной регистрации – идентификации личности человека [6, с. 243].

По мнению судмедэкспертов, биологов, генетиков, ДНК не лжет, но не стоит забывать про человеческий фактор, который влияет на вынесение заключения в ходе экспертного исследования. В связи с этим нам представляется важным акцентировать внимание на еще одной значимой проблеме, связанной с молекулярно-генетическими исследованиями.

Так, в ходе работы на месте преступления или с вещественными доказательствами сотрудники правоохранительных органов изымают ДНК-следы, неправильная оценка которых приводит к выдвигению ошибочных версий и принятию неверных процессуальных решений. В ходе интервьюирования экспертов установлено, что сотрудники правоохранительных органов иногда изымают следующие виды ДНК-следов:

– которые появились на месте совершения преступления до совершения преступного деяния (фоновая ДНК);

– которые никогда не были на месте совершения преступления, но попали в данное место путем переноса на объекте (жертве, преступнике, предметах), не имеющем отношения к преступлению (вторичная ДНК);

– следы, загрязненные уже после совершения преступления.

В последнем случае наступлению данного обстоятельства способствует использование не-

⁴ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственной геномной регистрации: проект федерального закона, внесенного Правительством Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1048800-7> (дата обращения: 14.04.2022).

стерильных латексных перчаток, нестерильных технико-криминалистических средств или несоблюдение правил работы с биологическими объектами самими же экспертами при проведении исследования.

В связи с этим необходимо строжайшее соблюдение правил работы с биологическим материалом:

1. Использование чистых перчаток и стерильных инструментов.

2. Каждый образец предоставляется в отдельном, опечатанном конверте (или бумажном свертке), коробке – объект должен «дышать».

3. Упаковка должна быть в опечатанном виде, без нарушения целостности.

4. Сроки предоставления биологических объектов должны быть максимально короткие, если обеспечить это невозможно, то следует строго соблюдать условия хранения объектов.

5. При проверке физических лиц на конверте обязательно указывать (шариковой ручкой) Ф. И. О. проверяемого лица, дату и место его рождения, номер уголовного дела (или КУСП), дату получения биологического материала у проверяемого.

6. В обязательном порядке необходимо прикладывать к объектам отношение о назначении исследования ДНК (2 экз.), поручение на проверку по ФБДГИ (1 экз.), ксерокопию документа, удостоверяющего личность подозреваемого.

При получении постановления о назначении экспертизы эксперты сталкиваются с неправильным формулированием вопросов, выносимых на их разрешение. Основываясь на рекомендациях экспертов Экспертно-криминалистического центра ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области⁵, предлагаем вопросы эксперту формулировать следующим образом:

1. При назначении диагностической судебной экспертизы по исследованию ДНК:

1. Имеются ли на представленных объектах эпителиальные клетки (и/или следы крови человека, и/или слюны, и/или пота)?

2. Если да, то какова генетическая характеристика обнаруженных следов?

При этом если ранее назначалась биологическая экспертиза с целью установления наличия в объекте исследования следов крови, и/или спермы, и/или слюны, и/или пота, и/или эпителиальных клеток и в результате выполненных исследований установлено наличие крови и/или других следов, произошедших от человека, то выносится на разрешение эксперта только второй вопрос по установлению генетической характеристики обнаруженного биологического

следа (следов), при этом в распоряжение эксперта предоставляется копия заключения ранее выполненной экспертизы.

В случае установления генетической характеристики биологических следов в представленном объекте по результатам выполненной диагностической экспертизы при наличии подозреваемого или при необходимости сравнения с потерпевшим целесообразно назначение сравнительной (идентификационной) экспертизы с постановкой соответствующих вопросов.

II. При назначении идентификационной судебной экспертизы по исследованию ДНК:

1. Какова генетическая характеристика образца крови (или слюны) подозреваемого (и/или потерпевшего) (полностью Ф. И. О., дата рождения подозреваемого и/или потерпевшего)?

2. Могли ли эпителиальные клетки (и/или кровь, слюна, пот), обнаруженные на представленном объекте (название объекта указывается строго в соответствии с протоколом осмотра места происшествия), произойти от подозреваемого (Ф. И. О.) и/или потерпевшего (Ф. И. О.)?

В дополнение в распоряжение эксперта необходимо предоставлять копии заключений всех ранее выполненных экспертиз по данному объекту исследования, а также сравнительные образцы крови или слюны всех известных лиц, с которыми необходимо провести сравнение исследуемых биологических следов.

Нарушение правил работы с биологическими следами не только влечет утрату доказательств по уголовному делу, но и влияет на работоспособность экспертного подразделения. Так, согласно проведенному анкетированию 12 отдела ЭКЦ ГУ МВД России по г. СПб и ЛО обработка одного генетического профиля и занесение в ФБДГИ может в среднем занимать от 7 до 48 часов. При этом в экспертный центр ежедневно может поступать до пяти заявок в сутки. Техническое оснащение и штатная численность сотрудников в настоящее время требует дополнительного материального обеспечения и расширения.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать выводы о том, что совершенствование законодательного регулирования проблем использования геномной информации в России позволит внедрить и усовершенствовать современные технологии в ходе производства молекулярно-генетической экспертизы, расширить информационные ресурсы ФБДГИ. Разработка практических рекомендаций по изъятию и обращению с ДНК-следами, а также тактики производства данного вида судебных экспертиз будет способствовать получению дополнительной доказательственной информации в ходе расследования преступлений.

⁵ Далее – ЭКЦ ГУ МВД России по г. СПб и ЛО.

Литература

1. **Чельшева О.В.** Криминалистическое учение о механизме преступления: учебное пособие / под ред. И.А. Возгина. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. С. 4.
2. **Попов В.В.** Идентификация личности молекулярно-генетическими методами // Юристъ-Правоведъ. – 2018. – № 3. – С. 219–223.
3. **Попов В.В.** Установление возраста по следам биологического происхождения // Юристъ-Правоведъ. – 2020. – № 4. – С. 101–106.
4. **Морозов А.П.** Актуальные проблемы назначения и проведения молекулярно-генетической экспертизы в условиях современной правовой действительности // Юристъ-Правоведъ. – 2021. – № 2. – С. 219–223.
5. **Попова Т.В., Сергеев А.Б.** Федеральная база данных геномной информации в системе обеспечения баланса частных и публичных интересов в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 1 (39). – С. 132–139.
6. **Москаленко В.Н.** Организационно-правовые и информационно-коммуникационные возможности использования генетической информации в системе криминалистических ДНК-учетов. Настоящее и будущее // Криминалистика – наука без границ: традиции и новации [Электронный ресурс]: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 26 ноября 2021 года / сост.: А.Р. Акиев, А.В. Бачиева. – Электрон. дан. (4,87 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 236.
7. **Аminev Ф.Г., Шахкелдов Ф.Г.** Об усовершенствованных специальных методах криминалистики в расследовании преступлений // Право и практика. – 2021. – № 1. – С. 87–91.

References

1. **Chelysheva O.V.** Kriminalisticheskoe uchenie o mekhanizme prestupleniya: uchebnoe posobie / pod red. I.A. Vozgrina. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2000. S. 4.
2. **Popov V.V.** Identifikatsiya lichnosti molekulyarno-geneticheskimi metodami // Yurist'-Pravoved'. – 2018. – № 3. – S. 219–223.
3. **Popov V.V.** Ustanovlenie vozrasta po sledam biologicheskogo proiskhozhdeniya // Yurist'-Pravoved'. – 2020. – № 4. – S. 101–106.
4. **Morozov A.P.** Aktual'nye problemy naznacheniya i provedeniya molekulyarno-geneticheskoi ekspertizy v usloviyakh sovremennoi pravovoi deistvitel'nosti // Yurist'-Pravoved'. – 2021. – № 2. – S. 219–223.
5. **Popova T.V., Sergeev A.B.** Federal'naya baza dannykh genomnoi informatsii v sisteme obespecheniya balansa chastnykh i publicnykh interesov v ugolovnom sudoproizvodstve // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2017. – № 1 (39). – S. 132–139.
6. **Moskalenko V.N.** Organizatsionno-pravovye i informatsionno-kommunikatsionnye vozmozhnosti ispol'zovaniya geneticheskoi informatsii v sisteme kriminalisticheskikh DNK-uchetov. Nastoyashchee i budushchee // Kriminalistika – nauka bez granits: traditsii i novatsii [Elektronnyi resurs]: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 26 noyabrya 2021 goda / sost.: A.R. Akiev, A.V. Bachieva. – Elektron. dan. (4,87 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2022. S. 236.
7. **Aminev F.G., Shakhkeldov F.G.** Ob usovershenstvovannykh spetsial'nykh metodakh kriminalistiki v rassledovanii prestuplenii // Pravo i praktika. – 2021. – № 1. – S. 87–91.

(статья сдана в редакцию 22.04.2022)

**ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ВВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ ПАСПОРТОВ БОЛЕЛЬЩИКОВ (FAN ID)****ON CERTAIN ASPECTS OF THE INTRODUCTION OF FAN
PASSPORTS IN THE RUSSIAN FEDERATION (FAN ID)**

УДК 342.9

Д.Б. ТРОШЕВ,кандидат юридических наук
(Департамент делопроизводства
и работы с обращениями граждан
и организаций МВД России,
Россия, Москва)**DENIS B. TROSHEV,**Candidate of Law
(Department of Office Management and work
with appeals of citizens and organizations
of Ministry of the Interior of Russia,
Moscow, Russia)**А.В. КАРАГОДИН,**кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
ann_karagodina@mail.ru**ALEXANDER V. KARAGODIN,**Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье рассмотрены проблемы обеспечения правопорядка и общественной безопасности при проведении спортивных соревнований, решением которых стал паспорт болельщика, являющийся частью системы идентификации футбольных болельщиков и важным фактором повышения эффективности деятельности полиции в ходе проведения мероприятий по предупреждению групповых нарушений общественного порядка и общественной безопасности во время подготовки к массовым спортивным мероприятиям. Для определения эффективности принятия решения о введении паспортов болельщика (FAN ID) изучен опыт деятельности полиции зарубежных стран в вопросах пресечения групповых нарушений общественного порядка в период подготовки и проведения спортивно-массовых мероприятий. Данный опыт показывает, что полиция зарубежных стран действует более слаженно и активно, с применением большего количества технических и специальных средств, в том числе паспортов болельщика, при этом действия полиции четко регламентированы законодательством. Правительство Российской Федерации определило перечень официальных спортивных соревнований, при посещении которых идентификация и аутентификация зрителей, участников официального спортивного соревнования, иных лиц, задействованных в проведении таких соревнований, являются обязательными. В этих случаях реализация входных билетов или иных документов, предоставляющих право на посещение таких соревнований, будет осуществляться при наличии действующей персонифицированной карты и соблюдении установленного порядка идентификации и аутентификации. Это уникальный проект, разработанный Российской Федерацией и реализованный впервые специально к чемпионату мира по футболу 2018 года. Минцифры России является ответственным исполнителем по созданию и обеспечению функционирования системы идентификации футбольных болельщиков. Для получения паспорта болельщика российские власти собирали личные данные фанатов: фамилию, имя, отчество, гражданство, дату рождения, серию и номер паспорта, кем он выдан. Также требовалось приложить фотографию, указать email и почтовый адрес, добавить номера брони билетов на матчи. Сам факт наличия соответствующего закона вовсе не означает начало незамедлительного функционирования системы идентификации болельщиков, для его выполнения понадобится реализация еще целого комплекса правовых, организационных, материально-технических и иных мероприятий, ряд из которых проанализируем в рамках данной публикации.

Ключевые слова: паспорт болельщика (FAN ID), персонифицированная карта зрителя, идентификация футбольных болельщиков.

Для цитирования: Трошев Д.Б., Карагодин А.В. Об отдельных аспектах введения в Российской Федерации паспортов болельщиков (Fan ID) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 3. – С. 76–82.

Abstract: the article deals with the problems of ensuring law and order and public safety during sports competitions, the solution of which was the fan passport, which is part of the identification system of football fans and an important factor in improving the effectiveness of police activities during the prevention of group violations of public order and public safety during preparation for mass sporting events. To determine the effectiveness of making a decision on the introduction of FAN ID passports, the experience of the police of foreign countries in the suppression of group violations of public order during the preparation and holding of mass sports events was studied. This experience shows that the police of foreign countries act more smoothly and actively, using more technical and special means, including fan passports, while the actions of the police are clearly regulated by law. The Government of the Russian Federation has defined a list of official sports competitions, during which the identification and authentication of spectators, participants of an official sports competition, and other persons involved in conducting such competitions are mandatory. In these cases, the sale of entrance tickets or other documents granting the right to attend such competitions will be carried out in the presence of a valid personalized card and compliance with the established identification and authentication procedure. This is a unique project developed by the Russian Federation and implemented for the first time specifically for the 2018 FIFA World Cup. The Ministry of Finance of Russia is responsible for creating and ensuring the functioning of the identification system of football fans. To obtain a fan passport, the Russian authorities collected personal data of fans: full name, citizenship, date of birth, passport series and number, by whom it was issued. It was also required to attach a photo, specify an email and mailing address, add ticket booking numbers for matches. But the very fact of the existence of the relevant law does not mean the beginning of the immediate functioning of the fan identification system, because its implementation will require the implementation of a whole range of legal, organizational, logistical and other measures, a number of which we will analyze in this publication.

Keywords: a fan's passport (FAN ID), a personalized spectator card, identification of football fans.

For citation: Troshev D.B., Karagodin A.V. On certain aspects of the introduction of fan passports in the Russian Federation (Fan ID) // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2022. – № 3. – P. 76–82.

Проблема обеспечения правопорядка и общественной безопасности при проведении спортивных соревнований, несмотря на ряд принятых в последние годы важнейших мер нормативного правового, организационного, материально-технического и иного характера, не теряет своей актуальности и по сей день, обостряясь в отдельные периоды.

Безусловно, положительная динамика налицо. Очень важной вехой в этой работе стало принятие Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 192-ФЗ¹, сформировавшего условия для надлежащего обеспечения безопасности зрителей спортивных соревнований, а также разграничившего сферы ответственности за их проведение. Положения закона были развиты в различных подзаконных актах, в том числе правительствен-

ных² и ведомственных³. Вместе с тем если по итогам 2012 года, по данным МВД России, в ходе проведения спортивных соревнований было зафиксировано 220 правонарушений, то в первом полугодии 2021 года уже 280.

Понятно, что статистические показатели зачастую зависят от активности правоприменителей, выявляющих и пресекающих подобные нарушения. В то же время их рост на протяжении уже почти 9 лет свидетельствует о необходимости принятия следующих шагов по обеспечению правопорядка и безопасности в рассматриваемой сфере.

² Об утверждении Правил обеспечения безопасности при проведении официальных спортивных соревнований: постановление Правительства Российской Федерации от 18.04.2014 № 353 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 18 (часть IV). – Ст. 2194.

³ Об утверждении Требований к отдельным объектам инфраструктуры мест проведения официальных спортивных соревнований и техническому оснащению стадионов для обеспечения общественного порядка и общественной безопасности: приказ МВД России от 17.11.2015 № 1092 (Зарегистрировано в Минюсте России 31.12.2015 № 40464) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с обеспечением общественного порядка и общественной безопасности при проведении официальных спортивных соревнований: Федеральный закон от 23.07.2013 № 192-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 30 (Часть I). – Ст. 4025.

Таким шагом стало принятие Федерального закона от 30.12.2021 № 462-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О физической культуре и спорте в Российской Федерации”», предусматривающего в числе прочего введение в нашей стране паспортов болельщиков (Fan ID) и системы идентификации зрителей.

Паспорт болельщика является частью системы идентификации футбольных болельщиков. Это уникальный проект, разработанный Российской Федерацией и реализованный впервые специально к чемпионату мира по футболу 2018 года [1, с. 103].

Изданию указанного законодательного акта предшествовала долгая и кропотливая работа, сроки завершения которой не раз корректировались в сторону их увеличения по ряду причин. Так, разработка акта начата во исполнение поручений главы государства, датированных еще 2017–2018 годами⁴.

Фактически Fan ID направлен на противодействие противозаконным действиям футбольных болельщиков во время матчей. После массовых беспорядков на Манежной площади в 2010 г., когда несколько тысяч фанатов вышли к Кремлю из-за убийства болельщика «Спартак» Егора Свиридова, власть и фанаты не конфликтовали шесть лет [2, с. 59].

Новая глава в отношениях была открыта в 2016 г. после серии драк российских фанатов с британскими и полицией Марселя во время чемпионата Европы во Франции. С учетом предстоящего чемпионата мира российские власти начали применять меры в отношении фанатов. «Власти прекратили диалог с фанатами и отдали его исключительно на откуп силовикам», – рассказывал DW глава Всероссийского объединения болельщиков Александр Шпрыгин.

По его словам, Всероссийское объединение болельщиков назвали виновным в погромах и исключили из Российского футбольного союза. С лидерами фанатских движений начали регулярно встречаться сотрудники Главного управления по противодействию экстремизму МВД России для бесед. «Не все выдерживают, когда звонят из полиции, из уголовного розыска и приглашают на беседу, это продолжается систематически и чувствуется определенный „крючок”», – пояснил глава Всероссийского объединения болельщиков.

В результате растущего давления фанаты начали уходить из движений, а некоторые ре-

гиональные объединения даже приостановили работу до мирового первенства. «Насколько я знаю, многим фанатам рекомендовали на время чемпионата мира провести отпуск за пределами России, чтобы у них было алиби, если вдруг произойдут какие-то стычки», – говорил основатель Telegram-канала о фанатском движении «Мог дома сидеть» Vlad MDS.

Мы видим, что положения закона основаны в том числе на опыте создания и эксплуатации Минцифры России информационной системы идентификации болельщиков в соответствии с Комплексной программой мер по обеспечению безопасности в периоды подготовки и проведения в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года и Кубка конфедераций FIFA 2017 года. Данная система запатентована Минцифры России и является собственностью Российской Федерации. Предполагается, что принятие законопроекта создаст возможность использовать накопленный при проведении указанных мероприятий опыт в рамках российских соревнований⁵.

Законом закрепляется полномочие Правительства Российской Федерации по определению официальных спортивных соревнований, при посещении которых идентификация зрителей, участников, а также иных лиц, задействованных в проведении таких соревнований, является обязательной. В этих целях вводится понятие «персонифицированная карта на посещение спортивного соревнования» – электронный документ, необходимый для идентификации зрителя, участника официального спортивного соревнования, а также иного лица, задействованного в проведении такого соревнования, осуществляемой в целях обеспечения безопасности государства, общественной безопасности и общественного порядка при проведении официальных спортивных соревнований.

Сам факт наличия соответствующего закона вовсе не означает начало незамедлительного функционирования системы идентификации болельщиков, ведь для его выполнения понадобится реализация еще целого комплекса правовых, организационных, материально-технических и иных мероприятий, ряд из которых проанализируем в рамках данной публикации.

В МВД России осуществляется реализация мероприятий [3, с. 144], направленных на выполнение поручения Президента Российской Федерации

⁴ Поручения от 25.10.2017 № Пр-2166 (подпункт «в» пункта 2), от 08.08.2018 № Пр-1419 (подпункт «б» пункта 1), указание от 17.07.2018 № Пр-1224.

⁵ Пояснительная записка к законопроекту № 1195605-7 «О внесении изменений в Федеральный закон „О физической культуре и спорте в Российской Федерации”» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1195605-7>

В.В. Путина от 17 июля 2018 г. № 1224 о внедрении системы идентификации болельщиков⁶.

Как мы отметили ранее, в настоящее время принят Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 462-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О физической культуре и спорте в Российской Федерации”»⁷, направленный на внедрение СИБ.

8 ноября 2021 года Минцифры России утверждена Концепция применения системы идентификации болельщиков и системы контроля доступа⁸.

Концепцией предусмотрен следующий механизм формирования и функционирования СИБ.

Болельщик при формировании заявки на получение персонифицированной карты для посещения спортивного соревнования проходит процедуру регистрации посредством Единого портала государственных услуг, после чего верификацию.

Данная заявка, содержащая набор персональных данных и фотографию лица, поступает в СИБ (оператор Минцифры России) и далее в автоматическом режиме направляется в МВД России и ФСБ России для проверки кандидата на получение персонифицированной карты на предмет наличия оснований для отказа в оформлении болельщику персонифицированной карты.

По предварительным оценкам, в целях создания удобства и комфорта болельщиков длительность данной процедуры по обработке заявки на получение персонифицированной карты не должна превышать 10–15 минут.

В части взаимодействия между МВД России и Минцифры России по обмену информацией в рамках функционирования СИБ в тестовой среде единой системы межведомственного электронного взаимодействия размещен вид сведений МВД России «Сведения о запретах посещения официальных спортивных соревнований».

Вид сведений содержит следующую информацию:

- фамилия;
- имя;
- отчество;
- дата рождения;
- уникальный идентификатор зрителя;
- пол;
- гражданство;
- данные документа, удостоверяющего личность.

⁶ Далее – СИБ.

⁷ Далее – Закон.

⁸ Далее – Концепция.

К настоящему времени Сервис обеспечения охраны общественного порядка Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России⁹ доработан в части осуществления в автоматическом порядке (в режиме онлайн, 24/7) проверки болельщиков на предмет наличия оснований для отказа в оформлении персонифицированной карты [4, с. 295].

Основаниями для отказа в оформлении персонифицированной карты являются вступившее в законную силу решение суда о наложении на лицо административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения, а также если в отношении лица вступило в законную силу решение суда об установлении административного надзора и судом в отношении данного поднадзорного лица установлено административное ограничение в виде запрещения посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях.

По результатам проверки в СООП ИСОД МВД России формируется соответствующая информация и направляется в СИБ для принятия решения о выдаче либо отказе в выдаче болельщику персонифицированной карты.

После получения СМС-сообщения о положительном результате болельщик с имеющейся персонифицированной картой вправе приобрести билет/абонемент, аккредитацию на посещение спортивного соревнования; в мобильном приложении (или на бумажном носителе) формируется персонифицированный токен доступа в виде QR-кода.

Непосредственно при проходе на стадион болельщик прикладывает QR-код к считывателю системы контроля доступа стадиона для проверки сведений о персонифицированной карте и персонифицированном токене доступа с последующим визуальным сличением лица болельщика со сведениями, отображаемыми на мониторе системы контроля доступа (фотография, частично маскированные данные фамильно-именной группы).

При положительном результате болельщик получает доступ на стадион.

Вместе с тем в целях реализации Закона потребуется решение ряда проблемных вопросов в системе МВД России.

1. Проверка заявок болельщиков на получение персонифицированной карты для посещения спортивного соревнования.

Закон предусматривает три основания отказа в оформлении персонифицированной карты.

⁹ Далее – СООП ИСОД МВД России.

Второе и третье основания, как выше изложено, связаны с решениями суда о запрете на посещение спортивных соревнований и о лицах, находящихся под административным надзором, уже реализованы путем соответствующей доработки СООП ИСОД МВД России.

Однако требуется проведение тестирования указанной доработки после получения информации от Минцифры России о развертывании системы, а также подготовка Регламента информационного взаимодействия между Минцифрой России и МВД России.

Также проблемным вопросом остается реализация первого основания отказа в выдаче персонафицированной карты, которое предусматривает проверку кандидата на получение персонафицированной карты по оперативным учетам.

Первое основание предполагает отказ в случае, если это необходимо в целях обеспечения обороноспособности или безопасности государства либо общественного порядка или если имеется полученная в соответствии с законодательством Российской Федерации или на основании международных договоров Российской Федерации информация о фактах нарушения зрителями, участниками и иными лицами, задействованными в проведении таких соревнований, общественного порядка при проведении публичных, спортивных, зрелищных и (или) иных массовых мероприятий, в том числе за пределами территории Российской Федерации, или о намерении совершить соответствующие противоправные деяния.

Решение по первому основанию принимается точно и позволит на законных основаниях пресечь доступ на объекты спорта лицам (в т.ч. иностранцам), планирующим террористические, экстремистские преступления, организацию массовых беспорядков, а также намеревающимся осуществить несанкционированные публичные акции. Так, иностранным болельщикам для посещения чемпионата мира по футболу в России было выдано 629 тыс. паспортов болельщиков (Fan ID), которые позволили посетить Российскую Федерацию без визы (в соответствии с гарантиями безвизового въезда). Для сравнения: численность иностранных студентов в российских вузах в 2018 г. составила не более 250 тыс. чел., из них 72,1% – граждане СНГ, то есть почти в три раза меньше, чем приехавших болельщиков чемпионата мира по футболу – 2018 [5].

Для проверки по первому основанию требуется проработка данного вопроса в первую очередь со стороны оперативного блока во взаимодействии с иными подразделениями МВД России,

являющимися держателями баз данных в части определения:

- перечня сведений, получаемых из СИБ и требующихся для качественной проверки;
- алгоритма, сроков и методов проверки;
- срока действия отказа;
- баз данных, по которым будет проводиться проверка;
- круга должностных лиц, принимающих решение об отказе в оформлении персонафицированной карты по первому основанию;
- формы и содержания типового документа (акта), закрепляющего решение об отказе в оформлении персонафицированной карты по первому основанию;
- механизма передачи информации об отказе в СИБ.

Необходимо закрепление указанных вопросов ведомственным нормативным правовым актом.

2. Организация доступа сотрудникам оперативных подразделений к данным СИБ для возможного использования в оперативно-служебной деятельности.

СИБ является государственной информационной системой, аккумулирующей значительный объем данных о лицах (в том числе фотоизображения).

Указанные данные возможно использовать в следующих аспектах:

- в профилактических целях до соревнования;
- в случае совершения правонарушений на стадионе для установления виновных лиц;
- в иных целях, не связанных непосредственно с проведением соревнований.

Для решения указанных вопросов требуется их проработка со стороны оперативного блока во взаимодействии с иными подразделениями МВД России, являющимися держателями баз данных в части определения:

- перечня сведений, получаемых из СИБ и требующихся для оперативно-служебной деятельности;
- информационного ресурса, аккумулирующего данные сведения;
- порядка оперативного доступа сотрудников полиции к указанным сведениям;
- целесообразности закрепления указанных вопросов ведомственным нормативным правовым актом.

Издание ведомственных и межведомственных актов/документов непосредственно зависит от издания постановлений Правительства Российской Федерации, закрепляющих полномочие МВД России на проведение проверки заявок на получение персонафицированной карты, порядок идентификации лиц, а также

взаимодействие СИБ с информационной системой МВД России.

Учитывая изложенное, а также исходя из норм Закона и положений Концепции, выстраивается следующий алгоритм в части обработки информации, поступающей из СИБ в МВД России:

– издание постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении порядка взаимодействия СИБ с иными информационными системами» (головной разработчик – Минцифры России), в соответствии с которым разрабатывается Регламент информационного взаимодействия между Минцифры России и МВД России¹⁰;

– издание Регламента информационного взаимодействия, которым определяются порядок получения информации о заявках зрителей на получение персонализированной карты для ее проверки в базах данных МВД России, порядок получения информации о болельщиках и порядок получения обезличенных QR-кодов (для сотрудников МВД России и Росгвардии);

– издание приказа МВД России, устанавливающего порядок проверки заявок зрителей на получение персонализированной карты на предмет принятия решения об отказе в их оформлении по первому основанию, а также распорядительного акта, регулирующего алгоритм получения обезличенных QR-кодов;

– издание акта МВД России и Росгвардии, конкретизирующего механизм получения указанных QR-кодов сотрудниками МВД России и Росгвардии.

В этой связи подготовка проекта приказа МВД России, согласуемого с иными федеральными органами исполнительной власти и организациями, не требуется, так как согласно Закону вопросы внешнего (межведомственного) взаимодействия (в частности, как будет осуществляться информационный обмен между Минцифры России и МВД России) могут быть отражены в постановлении Правительства Российской Федерации «Об утверждении порядка взаимодействия СИБ с иными информационными системами»¹¹.

3. Организация получения сотрудниками органов внутренних дел и Росгвардии QR-кодов для работы при проведении спортивных соревнований.

Согласно Закону для прохода в периметр безопасности объекта спорта требуется наличие

персонифицированной карты абсолютно всем: зрителям, участникам соревнований, а также иным лицам, задействованным в проведении таких соревнований.

В категорию иных лиц, задействованных в проведении соревнований, попадают в том числе сотрудники органов внутренних дел, работающие в периметре безопасности.

Для исключения утечки персональных данных сотрудников органов внутренних дел, а также недопущения пересечения данных сотрудников органов внутренних дел при посещении ими соревнований в качестве зрителей предлагается разработать особое (обезличенное) порядка получения QR-кодов.

В указанных целях Главным управлением по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации МВД России разработан следующий механизм, который требует дополнительного обсуждения и согласования:

– проработка создания в СИБ отдельной категории посетителей стадиона, которым предусмотрено получение персонализированной карты без проведения проверочных мероприятий и без передачи персональных данных;

– определение в МВД России, а также в заинтересованных территориальных органах на региональном уровне администраторов СООП ИСОД МВД России, наделение их функционалом централизованной обработки заявок на доступ на стадионы для сотрудников полиции, получения ими соответствующих обезличенных QR-кодов, ведения учета номерных QR-кодов за конкретными сотрудниками.

С учетом практики привлечения к охране общественного порядка при проведении соревнований военнослужащих (сотрудников) Росгвардии целесообразно предусмотреть для указанного федерального органа исполнительной власти подобный механизм.

В Росгвардии аналогично назначаются региональные ответственные лица, обобщающие и формирующие списки сотрудников, привлекаемых для работы на соревнованиях. Ответственные лица Росгвардии передают региональным модераторам МВД России количество сотрудников Росгвардии (с присвоенными им номерами) для занесения в соответствующую заявку для СИБ.

Для реализации предлагаемого механизма потребуется:

– доработка СИБ в части создания отдельного реестра посетителей стадиона, которым предусмотрено получение персонализированного токена доступа без передачи персональ-

¹⁰ Далее – Регламент информационного взаимодействия.

¹¹ О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ: в ред. от 30.12.2021 № 462-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О физической культуре и спорте в Российской Федерации“» ч. 6 ст. 205. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ных данных и проведения соответствующих проверочных мероприятий (со стороны Минцифры России);

– модернизация СООП ИСОД МВД России;

– разработка и издание соответствующего межведомственного документа, определяющего механизм взаимодействия МВД России и Росгвардии.

Литература

1. **Буянова А.В., Палуб А.Ю.** Единый Паспорт болельщика // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – № 5. – С. 103–106.
2. **Воробей Е.К., Баранова А.Ю.** Конкурентоспособность Российской туристической индустрии: государственная поддержка и направления развития // Естественно-гуманитарные исследования. – 2019. – № 26 (4). – С. 57–62.
3. **Сафонов Д.Н., Мамин А.С.** Организационные основы деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по обеспечению общественного порядка при проведении официальных спортивных соревнований // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 1-2 (64). – С. 143–145.
4. **Ситников К.А.** Перспективы внедрения системы паспортов болельщиков в Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. – 2021. – № 1. – С. 289–301.
5. **Краснова Г.А.** Экспорт образования в эпоху брекзита // Независимая газета. – 2019. – 10 апреля.

References

1. **Buyanova A.V., Palub A.Yu.** Edinyi Pasport bolel'shchika // Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki. – 2017. – № 5. – S. 103–106.
2. **Vorobei E.K., Baranova A.Yu.** Konkurentosposobnost' Rossiiskoi turindustrii: gosudarstvennaya podderzhka i napravleniya razvitiya // Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya. – 2019. – № 26 (4). – S. 57–62.
3. **Safonov D.N., Mamin A.S.** Organizatsionnye osnovy deyatel'nosti organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii po obespecheniyu obshchestvennogo poryadka pri provedenii ofitsial'nykh sportivnykh sorevnovanii // Mezhdunarodnyi zhurnal humanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2022. – № 1-2 (64). – S. 143–145.
4. **Sitnikov K.A.** Perspektivy vnedreniya sistemy pasportov bolel'shchikov v Rossiiskoi Federatsii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – № 1. – S. 289–301.
5. **Krasnova G.A.** Eksport obrazovaniya v epokhu brekzita // Nezavisimaya gazeta. – 2019. – 10 aprelya.

(статья сдана в редакцию 14.03.2022)

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ
ПРАКТИКИ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 20.3.3 КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

**SOME LAW ENFORCEMENT PRACTICE ISSUES IN CASE OF
BRINGING TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY UNDER
PART 1 OF THE ARTICLE 20.3.3 OF THE CODE OF ADMINISTRATIVE
OFFENSES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

УДК 342.95

Р.М. СТЕПКИН,

кандидат юридических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
stepkinr@list.ru

ROMAN M. STEPKIN,

Candidate of Law
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

И.А. РЯПУХИНА,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
3602686@mail.ru

IRINA A. RYAPUKHINA,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в связи с проведением специальной военной операции Вооруженными Силами Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности начали совершаться различные действия граждан, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил за рубежом. Для защиты репутации сил, задействованных в специальной военной операции, в законодательство Российской Федерации об административных правонарушениях Федеральным законом от 04.03.2022 № 31-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» был введена новая статья 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В настоящее время отсутствует единая позиция у сотрудников полиции и судей по квалификации данного состава административного правонарушения. В статье на основе изучения судебной практики определяется, в чем выражаются публичные действия. В заключение предлагается формулировка, которую можно использовать при описании события административного правонарушения по статье 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административное правонарушение, общественная безопасность, дискредитация, публичные действия, призывы, фейк.

Для цитирования: Степкин Р.М., Ряпухина И.А. О некоторых вопросах правоприменительной практики при привлечении к административной ответственности по части 1 статьи 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 3. – С. 83–87.

Abstract: in connection with the conduct of a special military operation of the Armed Forces of the Russian Federation in order to protect the Russian Federation interests and its citizens, maintain international peace and security, various actions of citizens began to be carried out aimed at discrediting the use of the Armed Forces abroad. To protect the reputation of the forces involved in the special military operation, a new article 20.3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation was introduced into the legislation of the Russian Federation on administrative offenses by the federal law of March 4, 2022 № 31-FZ. Currently,

there is no single position among police officers and judges on the qualification of this administrative offense. The article deals with the problematic issues of qualification, taking into account the judicial practice analysis. The article deals with the concepts of “discredit”, “fake”. There is no definitions of the notions “discredit” and “fake” in the normative legal acts. Based on the analysis of scientific literature and regulatory legal acts, the article points out what is meant by “discredit” and “fake”. Based on the study of judicial practice, the article indicates how “public actions” are expressed. In the conclusion, the article proposes the wording that can be used to describe the event of an administrative offense under the Article 20.3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.

Keywords: administrative offense, public safety, discredit, public actions, appeals, fake.

For citation: Stepkin R.M., Ryapukhina I.A. Some law enforcement practice issues in case of bringing to administrative responsibility under part 1 of the article 20.3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2022. – № 3. – P. 83–87.

Значительное время высшие должностные лица Российской Федерации, участвуя в различных мероприятиях международного характера, предупреждали страны коллективной безопасности воздержаться от действий, которые могут нанести вред национальным интересам Российской Федерации. Происходящие в последние годы в мире преобразования позволяют заново оценить роль государства в обеспечении безопасности от внешних угроз. К числу основных угроз национальной безопасности Российской Федерации в международной сфере отнесен ряд факторов, среди которых – возможность появления в непосредственной близости от российских границ иностранных военных баз и крупных воинских контингентов, возникновение и эскалация конфликтов вблизи Государственной границы Российской Федерации и внешних границ государств – участников Содружества Независимых Государств [1, с. 69].

Следствием сложившейся конъюнктуры стала необходимость проведения специальной военной операции с целью обеспечения защиты жизни и здоровья граждан Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, а также обеспечения национальной безопасности нашего государства путем денацификации и демилитаризации Украины [2, с. 187].

С начала выполнения Вооруженными Силами Российской Федерации целей специальной военной операции в Российской Федерации участились случаи негативного отношения граждан, выражающиеся в различных формах. В целях эффективного противодействия данным проявлениям потребовалось внести изменения в законодательство Российской Федерации об административных правонарушениях.

4 марта 2022 г. Государственной Думой Российской Федерации принят, а Советом Федерации одобрен Федеральный закон № 31-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской

Федерации об административных правонарушениях». Данный закон ввел административную ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях (ст. 20.3.3)¹.

В связи с обозначенными изменениями у правоохранительных органов и судов возникают проблемы квалификации рассматриваемого состава административного правонарушения.

Объектом административного правонарушения по ч. 1 ст. 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях² являются общественные отношения в сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности.

Анализируя рассматриваемый состав административного правонарушения, отметим, что объективная сторона административного правонарушения по части первой данной статьи выражена в публичных действиях, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности; публичных призывах к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в указанных целях, а равно направленных на дискредитацию исполнения государственными

¹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 04.03.2022 № 31-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Далее – КоАП РФ.

ми органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния.

Для понимания сущности данного состава правонарушения следует рассмотреть, что представляет собой дискредитация, а также публичные призывы и фейк.

Дискредитация, то есть подрыв доверия, – умышленные действия, направленные на подрыв авторитета, имиджа, доверия к Вооруженным Силам Российской Федерации и их использованию в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности [1, с. 70]. В ст. 14.1 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» под дискредитацией понимается «распространение ложных, неточных или искаженных сведений». Распространение подобных сведений достигло таких масштабов, что привело к использованию термина «фейк».

Фейк – это намеренное искажение или придумывание действительности, а фейковой новостью является сообщение сведений, основанных на намеренном искажении фактов, с целью извлечения определенной выгоды, в том числе политической выгоды глобальных политических игроков [3, с. 80]. В рамках проведения специальной военной операции фейком считается любая информация, не соответствующая официальным данным Министерства обороны Российской Федерации и российских властей, касающаяся количества убитых и раненых российских солдат, военных действий в отношении тех или иных объектов, числа военнопленных и т.п. [4, с. 83].

Элементом дискредитации является определенный набор речевых тактик – это тактики обвинения, нагнетания отрицательного, например, нанизывания отрицательных фактов или последствий; также применяются тактики не прямых оскорблений, навешивания ярлыков, умаляющих сравнений и др. Достижению цели способствует использование метафор с негативной оценочностью, приемов иронии и сарказма.

Призывами считают влияние на разум другого человека. Целью такого влияния является подавление воли объекта воздействия, его подконтрольность.

Изучив материалы судебной практики, можно указать, что публичные действия могут выражаться, в частности, в демонстрировании наглядной агитации. Например, лозунг «НЕТ ВОЙНЕ», которым гражданка П. привлекала внимание неограниченного круга лиц, блогеров,

а также средств массовой информации³, либо же текст тематического содержания «Ф. И. О. – добродетель цивилизации, война – ее преступление», с помощью которого гражданин М. пытался вызвать интерес широкой аудитории, а также средств массовой информации⁴, плакат на груди черного цвета размером 30 x 50 см, где большими белыми буквами сделана надпись следующего содержания: «Я ПРОТИВ ВОЙНЫ!»⁵.

Исходя из изученных материалов судебной практики, делаем вывод, что при квалификации данного правонарушения следует учитывать главный признак – публичность. Публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в указанных целях могут быть рассмотрены как любые публичные противоправные действия, направленные на неограниченный круг лиц. Важно обратить внимание на место совершения деяния: публичность предполагает наличие общественного места, при этом места общего пользования лишь гипотетически предполагают наличие других лиц. Таким образом, количество лиц не будет иметь значения для квалификации.

Так, в постановлении о прекращении по делу Бутырского районного суда указано, что из представленных на рассмотрение суда документов следует, что инкриминируемое в вину П. деяние имело место в квартире №... дома №... по адресу... где находились И. Я. и супруг его опекуна Ф. И. О. Иные лица при описанных в протоколе об административном правонарушении событиях не присутствовали. Исходя из этого признак публичности отсутствовал⁶. Рассматривая другой пример из материалов судебной практики, следует учитывать, что «повязанная зеленая лента» не содержит состав административного правонарушения по ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ, так как о дискредитации использования Вооружен-

³ Хамовнический районный суд. Постановление по делу об административном правонарушении от 28.03.2022. Дело № 05-0472/2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/services/cases/admin/details/8c5ab080-a90f-11ec-80df-e77f1a4e3670>

⁴ Хамовнический районный суд. Дело № 05-0608/2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/hamovnicheskij/services/cases/admin/details/4e4526b0-bf01-11ec-950b-7b603afe192>

⁵ Замоскворецкий районный суд г. Москвы. Постановление по делу об административном правонарушении от 01.04.2022. Дело № 5-1272/2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/admin-exec?page=2>

⁶ Бутырский районный суд. Постановление о прекращении производства по делу от 05.04.2022. Дело № 05-0994/2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/butyrskij/services/cases/admin/details/57849a90-b4d3-11ec-bac1-23c52fdd44aa>

ных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности не свидетельствует⁷.

В современных условиях говорим об особой форме публичности – публичности при пользовании интернет-ресурсами. Опубликование призывов к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации является публичным призывом и совпадает с моментом окончания административного правонарушения.

Факт опубликования призывов к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации равен публичному провозглашению и совпадает с окончанием правонарушения, при этом неопределенный круг лиц – аудитория, численность которой столь велика, что субъектом не осознается и не конкретизируется. При этом речь здесь должна идти не столько о количественной, сколько о персональной неопределенности адресатов. При обращении к группе людей в общественных местах, на собраниях, а равно при распространении обращения путем массовой рассылки электронных сообщений количество адресатов зачастую может быть точно не установлено. Однако индивидуальные характеристики этих людей будут безразличны для виновного, что и обуславливает выбор ими соответствующего способа распространения информации. Приведем примеры решений судов по квалификации рассматриваемого правонарушения: Замоскворецким районным судом гражданин Л. был привлечен к административной ответственности за размещение в социальной сети «Facebook» на своей личной странице постов, содержащих информацию, осуждающую действия Вооруженных Сил Российской Федерации⁸. Гражданина Российской Федерации привлекли к административной ответственности за следующие действия: находясь в общественном месте во время проведения религиозной службы, в присутствии прихожан публично высказывал информацию о нападении Вооруженных Сил Российской Федерации на Украину, об идущих обстрелах городов Украины, а также размещал аналогичную информацию с агитационными изображениями

на сайте в информационно-телекоммуникационной сети Интернет⁹. М.М. Власов отмечает, что размещение видеороликов, содержащих дискредитацию, следует приравнять к сведениям, порочащим честь, достоинство и деловую репутацию, что позволит сотрудникам органов внутренних дел на основании ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации отстаивать свои права в гражданско-правовом порядке и требовать удаления видеороликов из сети Интернет [5, с. 127]. Считаем приемлемым использовать указанные нормы гражданского законодательства в целях защиты военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, защищающих интересы Российской Федерации и ее граждан, поддерживающих международный мир и безопасность, а также представителей исполняющих свои полномочия за пределами Российской Федерации государственных органов, о которых идет речь в ст. 20.3.3 КоАП РФ.

Следует обратить внимание на абз. 2 подп. «з» п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», где указано, что местом совершения административного правонарушения является место совершения противоправного действия независимо от места наступления его последствий.

Проанализировав судебные решения по ч. 1 ст. 20.3.3 КоАП РФ, приходим к выводу, что противоправными действиями, указанными в диспозиции рассматриваемой статьи, являются: демонстрация плакатов с призывами против специальной военной операции на Украине; представление официальной символики Украины с критикой российских властей и действий Вооруженных Сил Российской Федерации на Украине; показ в общественных местах материалов фото- и видеозаписи, осуждающих действия Вооруженных Сил Российской Федерации по защите интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержанию международного мира и безопасности; размещение в сети Интернет аналогичной информации.

С учетом изложенного при квалификации рассматриваемого состава сотрудникам полиции следует придерживаться решений судов, а при описании события административного правонарушения в процессуальных документах указывать следующую формулировку «осуществил публичные действия, направленные

⁷ Басманный районный суд города Москвы. Определение от 25.04.2022 № 5-1325/2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/basmannyj/services/cases/admin/details/38e88520-c490-11ec-8e1a-23458e891c8e>

⁸ Замоскворецкий районный суд. Постановление по делу об административном правонарушении от 06.05.2022. Дело № 05-1791/2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/admin/details/d2749d50-cd23-11ec-821c-291280213e80>

⁹ Костромской районный суд Костромской области [Электронный ресурс]. – URL: http://kostromskoy.kst.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=685

на дискредитацию Вооруженных Сил Российской Федерации при проведении специальной военной операции в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности,

которые используются на основании решения Президента Российской Федерации (дата, год) в соответствии со статьей 51 Устава ООН с санкции Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации».

Литература

1. **Каплунов А.И., Ухов В.Ю.** Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 69–72.
2. **Шамаев А.М., Болобан М.Л.** Вопросы правоприменительной практики при квалификации деяний, подпадающих под ст. 280.3 УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации» // Образование и право. – 2022. – № 4. – С. 187–189.
3. **Зырянова М.О.** Способы противодействия распространению фейковой информации // Общество: социология, психология, педагогика. – 2020. – № 6 (74). – С. 80–83.
4. **Кушхов Х.Л., Мухтаров Д.Д.** О потенциале фейков в современных информационных войнах // Журнал прикладных исследований. – 2022. – № 1. – С. 81–84.
5. **Власов М.М.** Актуальные проблемы защиты сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации от дискредитации // Научный портал МВД России. – 2019. – № 4. – С. 125–128.

References

1. **Kaplunov A.I., Ukhov V.Yu.** Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava (Sorokinskie chteniya) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2022. – № 2 (94). – S. 69–72.
2. **Shamaev A.M., Boloban M.L.** Voprosy pravoprimenitel'noi praktiki pri kvalifikatsii deyanii, podpadayushchikh pod st. 280.3 UK RF "Publichnye deistviya, napravlennye na diskreditatsiyu ispol'zovaniya Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii" // Obrazovanie i pravo. – 2022. – № 4. – S. 187–189.
3. **Zyryanova M.O.** Sposoby protivodeistviya rasprostraneniyu feikovoi informatsii // Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. – 2020. – № 6 (74). – S. 80–83.
4. **Kushkhov Kh.L., Mukhtarov D.D.** O potentsiale feikov v sovremennykh informatsionnykh voinakh // Zhurnal prikladnykh issledovaniy. – 2022. – № 1. – S. 81–84.
5. **Vlasov M.M.** Aktual'nye problemy zashchity sotrudnikov organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii ot diskreditatsii // Nauchnyi portal MVD Rossii. – 2019. – № 4. – S. 125–128.

(статья сдана в редакцию 31.05.2022)

РАЗВИТИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
О ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА ЗА РУБЕЖОМTHE DEVELOPMENT OF CRIMINOLOGICAL THOUGHT
ABOUT THE IDENTITY OF A CRIMINAL ABROAD

УДК 343.9

А.А. ТИТ,
кандидат юридических наук
(Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь,
Республика Беларусь, Минск)
tsitalex@tut.by

ALEXANDER A. TIT,
Candidate of Law
(Academy of the Ministry of the Interior
the Republic of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus)

Аннотация: в работе проведен анализ развития криминологической мысли о личности преступника за рубежом. С учетом исторических этапов развития криминологического знания в целом автором проведено научное осмысление концепций, существовавших на всех этапах развития криминологии как науки: классического направления, позитивизма и этапа развития критической криминологии. В своей совокупности указанный анализ позволит расширить представление о личности преступника. Показаны современные криминологические теории, обосновывающие детерминанты становления личности преступника. На основе существующих криминологических теорий зарубежья о личности преступника автором обоснован тезис о том, что криминологическая мысль современности должна строиться на комплексном междисциплинарном подходе о личности преступника. В рамках указанного подхода современная криминологическая наука предусматривает изучение предмета криминологии с позиций интегративной (соединяющей) криминологии. Указанный подход обуславливает необходимость формирования симбиоза всех достижений наук, как естественных, так и гуманитарных: психологии, юриспруденции, социологии, физики, математики, медицинских наук. Автором показано, что современными криминологами предпринята попытка наложить существующие культурные практики на процесс изучения преступности. В своей совокупности полученные знания подлежат глубокому анализу, переработке, а также направлению на формирование криминологических теорий для противодействия преступности.

Ключевые слова: личность преступника, предупреждение преступлений, интегративная криминология, криминологические теории.

Для цитирования: Тит А.А. Развитие криминологической мысли о личности преступника за рубежом // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 3. – С. 88–93.

Abstract: the paper analyzes the development of criminological thought about the identity of a criminal abroad. Taking into account the historical stages of the development of criminological knowledge in general, the author conducted a scientific understanding of the concepts that existed at all stages of the development of criminology as a science: the classical direction, positivism and the stage of development of critical criminology. In its entirety, this analysis will expand the understanding of the identity of the criminal. Modern criminological theories substantiating the determinants of the formation of the criminal's personality are shown. Based on the existing criminological theories abroad about the personality of the criminal, the author substantiates the thesis that the criminological thought of our time should be based on a comprehensive interdisciplinary approach about the personality of the criminal. Within the framework of this approach, modern criminological science provides for the study of the subject of criminology from the standpoint of integrative (connecting) criminology. This approach necessitates the formation of a symbiosis of all achievements of sciences, both natural and humanitarian: psychology, law, sociology, physics, mathematics, medical sciences. The author shows that modern criminologists have attempted to impose existing cultural practices on the process of studying crime. In its entirety, the acquired knowledge is

subject to in-depth analysis, processing, as well as the direction of the acquired knowledge for the formation of criminological theories to counter crime.

Keywords: criminal personality, crime prevention, integrative criminology, criminological theories.

For citation: Tit A.A. The development of criminological thought about the identity of a criminal abroad // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2022. – № 3. – P. 88–93.

“Crime has been international for a long time” – преступность давно уже стала интернациональной. Слова, наиболее точно обосновывающие тезис о том, что предмет криминологического изучения не имеет границ и обуславливает необходимость интеграции криминологических теорий разных стран [2, с. 5]. Одним из элементов предмета криминологии является личность преступника. Зарождение криминологических теорий о личности преступника происходило задолго до возникновения криминологии как науки, ознаменованного выходом в свет книги итальянского ученого Р. Гарофало в 1885 году. Справедливо отмечено Ю.М. Антоняном, что «учение о преступнике (теория) появилось лишь с формированием науки криминологии... Под научным изучением личности преступника следует понимать ее последовательное эмпирическое исследование с определенных методологических позиций с помощью адекватных методов» [1, с. 25]. Несмотря на это, научный поиск гипотез, объясняющих, почему личность становится преступником, начался задолго до появления науки «криминология», как и осознание того факта, что личность преступника является краеугольным камнем криминологического знания ввиду того, что исключительно личность может являться носителем преступных поступков. Знание о личности преступника способно обеспечить построение эффективной системы предупредительного воздействия на поведение личности преступника, в связи с чем ее изучение представляет большой интерес для расширения криминологического знания.

В криминологической науке выделяют следующие направления криминологической мысли, концептуально формирующие основу криминологического знания о личности преступника: 1) классическая школа (Ч. Беккариа, И. Бентам, Л. Фейербах); 2) позитивизм, включающий в себя биологическое (антропологическое) направление, которое началось с Ч. Ламброзо и развивается вплоть до наших дней, психологическое направление (Г. Тард, З. Фрейд, Э. Фромм и др.), социологическое направление (Э. Ферри, Э. Дюркгейм, Э. Сатерленд) и 3) достаточно молодое направление в криминологии – критическая криминология и постмодерн (пост-постмодерн) [3, с. 112]. В рамках рассматриваемой

темы работы наибольший интерес представляют теории последнего направления, как наименее изученные в отечественной научной литературе.

Достижения в американской и западноевропейской криминологии создали фундаментальную основу, послужившую развитию на этом фоне множества криминологических теорий интегративного направления, имеющих в первую очередь прикладную основу. Среди указанных теорий можно выделить теорию рационального выбора, представленную научному сообществу в 70-х гг. XX в. Основоположники данной криминологической теории американские экономисты Г. Беккер и М. Фридман черпали свои идеи из трудов Ч. Беккариа и И. Бентама, считавших, что человек является рациональным существом, способным рассуждать и выбирать поведение, соответствующее его потребностям. По мнению Г. Беккера, человек в повседневной жизни стремится извлечь максимальную пользу из своих действий. Решение о совершении преступления индивид принимает в зависимости от сложившейся жизненной ситуации и информации, которой он располагает. Наибольшую популярность в научном сообществе теория рационального выбора получила в труде американских авторов Р. Кларка и Д. Корниша «Размышляющий преступник», где авторы обосновывали тезис о том, что девиантное поведение личности является не одним решением, а совокупностью решений, возникших под воздействием большого количества социальных и психологических факторов [4, р. 278]. Теория рационального выбора показывает, что любое преступление не бывает бессмысленным, преступник всегда преследует определенную цель, цель может иметь под собой как материальную выгоду, так и нематериальную.

Практически одновременно с теорией рационального выбора появилась теория стандартных действий. Указанная теория базировалась на тех же самых предпосылках, определяющих основу существования теории рационального выбора. Концептуальные положения теории стандартных действий впервые были выдвинуты в 1979 г. американскими криминологами Л. Коэном и М. Фельсоном, которые ставили целью разработать теорию, которая в первую очередь была бы понятна полицейским для ее использования в практиче-

ской деятельности для розыска и обнаружения преступников, а также для осуществления мероприятий, направленных на предупреждение преступлений. По мнению ученых, представляющих данную теорию, совершение преступления является результатом появившейся возможности его совершить, а если государственные органы смогут минимизировать возможность для совершения общественно опасных деяний, то количество совершенных преступлений снизится [5, с. 208].

Теория устойчивых моделей преступлений объясняет, каким образом люди и иные материальные предметы, перемещаясь во времени и пространстве, реализуют возможности для совершения преступлений. В своей основе теория устойчивых моделей преступного поведения содержит три основных элемента: 1) узловой пункт; 2) тропу и 3) границу. В качестве узлового пункта подразумевается место, где человек проводит большую часть своей жизни: работа, учеба, место отдыха. По мнению представителей данной теории, в узловых пунктах совершается преобладающее количество преступлений, в связи с чем преступник будет стараться совершать преступления в своих узловых пунктах либо же искать тропы к другим узловым пунктам. Границы отделяют узловые пункты от другого мира. В связи с этим большое количество преступлений совершается тогда, когда незнакомые друг другу преступник и жертва пересекаются на границе в пространстве и времени. Несмотря на то, что данная теория не принесла большого вклада с позиций познания личности преступника, исследования в этой области позволили идентифицировать места, где может «ожидаться» совершение преступления, и, соответственно, осуществлять превентивное воздействие, ориентированное на выявление у личности преступного поведения [6, с. 80].

В рамках рассмотрения личности преступника необходимо затронуть тему сексуального девиантного поведения, являющегося следствием неблагоприятных социально-экономических факторов в обществе. Так, по мнению ведущего немецкого криминолога Г. Кури, готовность совершить преступление зависит от поведенческой парадигмы, обусловленной социальным полом. По мнению ученого, как правило, мужчины готовы совершать рискованные поступки чаще женщин. В связи с этим женщины, в отличие от мужчин, реже становятся не только жертвами преступлений, но и субъектами преступной деятельности [7, с. 421]. Сказанное наиболее полно объясняет возникшие в 70-х годах XX в. криминологические теории, объясняющие формирование личности преступника-насильника. Необходимо отметить, что, несмотря на то, что сексуальное насилие присутствует в нашем обществе издревне, этой проблемой на

научной основе в криминологии начали заниматься относительно недавно – впервые было проведено в США [8, с. 213]. На основе проведенного американскими учеными исследования было доказано, что сексуальное насилие является больше чем уголовно наказуемым деянием. Факторами, способствующими формированию сексуального насильника, выступает множество аспектов. Так, аспектами, способствующими формированию сексуального насильника, выступают социально-правовые, медико-психологические и культурные аспекты, влияющие на совершение преступлений на почве сексуальных отношений [9]. Результатом привлечения внимания американских ученых к указанной криминологической проблеме явилось формирование трех теорий, объясняющих формирование личности сексуального преступника: феминистская теория, теория социального научения и эволюционная теория. Феминистская теория базируется на убеждении, что изнасилование как преступление не является для преступника только лишь способом удовлетворения половой страсти, а психологической потребностью доминирования над жертвой. В совокупности указанные психолого-физиологические потребности способны быть спроецированы личностью не только на совершение сексуальных, но и других преступлений (насильственные, корыстные, корыстно-насильственные и т.д.). В отличие от феминистской теории, предполагающей, что готовность к совершению сексуальных преступлений лежит не в основе психолого-физиологических потребностей, а формируется посредством имитации моделей поведения, предъявляемых личности: а) из общения с близкими родственниками; б) культуры и субкультуры и в) средств массовой информации (в результате длительного информационного воздействия личность усваивает девиантные модели поведения, реализуемые ею в повседневной жизни), эволюционная теория рассматривает девиантное сексуальное поведение результатом естественного отбора, когда особи мужского пола необходимо для продолжения рода быть напористым по сравнению с особью женского пола [10, с. 83–84].

В своей основе рассмотренные теории прикладной криминологии подразумевают, что лицо совершает преступление потому, что окружающие личность социальные факторы провоцируют его на это. Рассмотренные теории прикладной криминологии предлагают осуществлять превенцию девиантного поведения личности путем коррекции восприятия личностью потенциальных возможностей от предполагаемой пользы своего поведения. Ввиду сказанного представляющим научный интерес выступает заключение, что основы становления личности преступника эволюционировали в соответствии с социально-экономиче-

скими изменениями, происходящими в обществе. Необходимо отметить, что развитие криминологической мысли о личности преступника во второй половине XX в. происходило в рамках криминологии постмодернизма, а в XXI в. – пост-постмодернизма как реакция на исчезновение иллюзий относительно человеческого разума, порядка, прогресса, которые были развенчаны страшными реалиями первой половины XX в. (Первая мировая война, Вторая мировая война, а также сложившиеся в рамках этих глобальных геополитических катастроф холокост и ГУЛАГ). По мнению постмодернистов, преступления причиняют вред, но преступления совершаются в результате установившейся рутинной практики работы государственных социальных институтов: государства, бюрократии, правовой системы и семьи [2, с. 7]. В научном сообществе происходит понимание, что личность, находясь в социуме, не всегда способна противостоять сложившимся жизненным обстоятельствам. Глобализация общественных процессов послужила толчком для установления специфически новых общественных отношений, а в связи с этим и факторов, в условиях которых формируется девиантное поведение личности. В условиях глобализации, когда начало происходить смешение рас, религий, культур и этносов, обострились социальные проблемы, следствием которых стало распространение новых преступлений, например, терроризма и киберпреступности. Распространение терроризма влекло за собой распространение «сопутствующих» ему преступлений: незаконного оборота наркотических средств и торговли оружием в рамках организованной преступности. В связи с этим изменились и подходы в научном осмыслении личности преступника, обусловленные пониманием того факта, что преступность выступает частью продукта общества.

В рамках глобализации мер противодействия преступности проходит множество международных конференций, на которых помимо средств и способов профилактики преступлений обсуждаются факторы, способствующие становлению личности преступника. Все происходившие конференции обсуждали проблемы девиантного поведения, обусловленные уровнем распространения в обществе проституции, распространения наркотических средств [11, р. 80–81], игровой зависимостью и иными психологическими и физиологическими зависимостями, провоцирующими личность на совершение преступления [12, р. 10].

В целом в своем развитии зарубежная криминология как наука принимает все более междисциплинарный характер. По мнению российского ученого Ю.Ю. Комлева, анализ новых кримино-

логических теорий современности показывает, что превалировать начинают гибридные теории о личности преступника, обогащаемые постмодернистскими методами деконструкции и дискурсивного анализа, синергетики и методологической триангуляции. В связи с этим перед криминологией в XXI в. ставится новая задача – «всестороннее изучение криминальных проблем в рамках методологического плюрализма с привлечением разноаспектных знаний о феномене преступности и условиях общества постмодерна» [13, с. 6]. Э. Шур, американский криминолог-интеракционист, в своей работе «Наше преступное общество» отмечает, что специфика личности преступника, его девиантное поведение в большой степени отражает социальную систему, в которой он проживает, формируясь под воздействием совокупности факторов. Причем факторы в повседневной жизни могут в своем проявлении носить незначительный характер, а для формирования девиантного поведения они имеют значительное влияние [14, с. 34–35]. На основе достигнутых криминологической наукой результатов в начале XXI в. было сформировано большое количество подходов в отношении теоретической интеграции, сочетающих достигнутые ранее результаты криминологической науки. В рамках сказанного большого внимания заслуживают теоретические модели постмодернистской и пост-постмодернистской интеграции криминологических знаний о личности преступника.

В рамках постмодернистской теоретической модели, по мнению ее представителей, на формирование девиантного поведения личности оказывает влияние совокупность субъективных факторов, «чувственных смыслов», детерминированных окружающей социальной средой, в которой проживает личность. В рамках интегративной криминологии постмодерна выделяют следующие теории: 1) интегративная теория жизненного пути; 2) интегративная эволюционно-экологическая теория; 3) интегративная теория Арриго; 4) теория преступности как структурированного действия. В своих исследованиях ученые, разрабатывающие теории в рамках постмодернистского направления интегративной криминологии, отмечают, что на поведение личности в большей мере оказывает воздействие сложившаяся социальная реальность, скрепленная воздействием средств массовой информации, которая приобретает черты отчужденного и фрагментарного мира [15, с. 204]. Так, в рамках интегративной теории жизненного пути ее основатели американские криминологи Р. Сэмпсон и Д. Лауб сделали вывод, что девиантное поведение личности обусловлено ролью взаимодействия социальных институтов, выступающих средствами социаль-

ного контроля. В своей взаимосвязи указанные институты формируют тенденции становления личности преступника. Концептуально в таком ключе объясняет влияние на личность преступника интегративная эволюционно-экологическая теория американского криминолога Б. Вила. По его мнению, факторы, детерминирующие готовность личности к совершению противоправных поступков, необходимо рассматривать посредством синтеза различных дисциплин: эволюционной экологии, проблемно ориентированного и дисциплинарно ориентированного подхода, что, по мнению ученого, способствует пониманию преступного поведения личности [16, с. 658].

Заслуживающей внимания является криминологическая теория американских криминологов – интегративная теория Арриго, являющаяся синтезом наук, выходящих за пределы общественных: помимо психоанализа и социологии исследуется влияние семиотики, постструктурализма, деконструктивизма. Указанная теория пытается уловить тенденции общественного развития, которые отражаются в действиях государственных органов власти, общественных организаций, и на основе сложившихся путей общественного развития выработать рекомендации противодействия преступности [17, р. 198]. Также заслуженный интерес вызывает интегративная теория преступности как структурированного действия Д. Мессершмидта, рассматривающего лицо, совершающее преступление, как неотъемлемую часть историко-культурного дискурса, который сформировался за длительный промежуток времени. По мнению Д. Мессершмидта, человек формирует свою идентичность, ориентируясь на социальный контекст и ситуацию, в которой он оказался. Исходя из синтеза указанных факторов человек выбирает наиболее приемлемый вариант поведения (в том числе это может быть и преступное поведение) [15, с. 206].

Пост-постмодернистская интеграция криминологического знания в своей основе исходит из целесообразности объединения всей совокупности знаний о преступности и, соответственно, личности преступника в одну гуманитарную науку. В рамках пост-постмодернистского направления

криминологического знания заслуживает внимания ряд теорий, среди которых можно выделить модель интегративного синтеза криминологического знания, выдвинутую американскими криминологами Г. Бараком и С. Генри, получившую название интегративно-конститутивной теории преступности, закона и социальной юстиции. Основой указанной теории послужила работа Г. Барака «Интегративная криминология», в которой он обосновал тезис, что криминологическое знание требует слияния как позитивистских, так и постмодернистских теорий девиантности. Реализация указанного положения позволит дополнить каждую теорию за счет взаимодействия криминологических знаний. Данная работа послужила фундаментальной основой интегративно-конститутивной теории преступности, в которой ученые Г. Барак и С. Генри смоделировали процесс слияния преступности и правосудия. Ученые попытались связать между собой социологические знания и классовые, гендерные, расовые характеристики с динамикой формирования социальной идентичности и массовыми коммуникациями. Таким образом, посредством указанной теории была предпринята попытка наложить существующие культурные практики на изучение преступности и объяснить таким образом существование дискурса между потерпевшими и преступниками, а также органами уголовной юстиции [15, с. 206].

В качестве заключения отметим, что становление зарубежных криминологических теорий о личности преступника было сопряжено с разработкой большого количества концепций, объясняющих формирование девиантного поведения личности. При этом современные ученые при разработке криминологических теорий подходят к решению указанной проблемы применяя комплексный подход. Учитывая интегративный характер криминологии периода пост-постмодернизма, криминологические теории формируются посредством заимствования положений как точных, так и гуманитарных наук, а криминология как наука выступает в качестве фундаментальной основы, которая, используя заимствованные из различных наук знания, вырабатывает теорию, направленную на предупреждение преступности.

Литература

1. **Антоян Ю.М.** Тяжкий путь познания преступника // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 7. – С. 24–36.
2. **Гилинский Я.И.** Современные тенденции мировой криминологии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. – № 3. – С. 5–14.
3. **Герасимова Д.А.** Уголовно-правовые воззрения Чезаре Беккариа и Иеремиа Бентама // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2012. – № 4. – С. 112–116.
4. **Cornish D., Clark R.** Crime as a Rational Choice [Electronic resource] // *Criminological Theory: Past to Present (Essential Readings)*. Edited by Francis Cullen, Robert Agnew. – Los Angeles, California, 2003. – P. 278–283. Mode of access: <https://archive.org/details/delinquentboyscu00cohe/page/n3/mode/2up>. – Date of access: 05.09.2020

5. **Гуринская А.Л.** Развитие теории рационального выбора в зарубежной криминологии и ее влияние на уголовную политику // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 1. – С. 203–216.
6. **Селин Б.Н.** Генезис теоретических оснований прикладной криминологии за рубежом // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2014. – № 3. – С. 78–82.
7. Гельмут Кури, ведущий немецкий криминолог, о сложности и неоднозначности криминологических выводов / с Г. Кури беседовала Т.П. Будякова; пер. с нем. Е.Н. Меркуловой // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – Т. 9. – № 3. – С. 419–422.
8. **Хрусталева Н.С.** Психология кризисных и экстремальных ситуаций. – Санкт-Петербург, 2018. – 759 с.
9. **Burgess A., Holmstorm, L.** Rape: Victims of crisis [Electronic resource]. – R.J. Brady Company, 1974. – 328 p. Mode of access: <https://archive.org/details/rapevictimsforc00burg/page/n7/mode/2up>. – Date of access: 05.09.2020.
10. **Кравцова О.А.** О психологических последствиях сексуального насилия // Вестник Московского университета. – 1999. – № 2. – С. 80–90.
11. **Robinson M.** Justice Blind? Ideals and realities of American Criminal Justice [Electronic resource] // Prentice Hall, 2002. – P. 484. – Mode of access: <https://archive.org/details/justiceblindidea0000robi>. – Date of access: 05.09.2020.
12. **Meyer G., Hayer T., Griffiths M.** Problem Gambling in Europe. Challenges, Prevention, and Interventions. – Springer, 2009. – P. 353.
13. **Комлев Ю.Ю.** Интегративная криминология как основа методологической триангуляции при изучении преступности // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 6–14.
14. **Шур Э.М.** Наше преступное общество. Социальные и правовые источники преступности в Америке: перевод с английского / Э.М. Шур; под ред. В.Н. Кудрявцева (предисл.); пер.: Ю.А. Неподаев. – Москва: Прогресс, 1977. – 326 с.
15. **Комлев Ю.Ю.** Теории девиантного поведения: учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Изд. дом АЛЕФ-ПРЕСС, 2014. – 222 с.
16. **Судакова Т.М.** Криминологическое исследование: теоретико-методологические основы // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – № 11. – С. 656–665.
17. **Barak G.** Integrating criminologies [Electronic resource]. – Allyn&Bacon, 1998. – 356 p. – Mode of access: <https://archive.org/details/integratingcrimi0000bara>. – Date of access: 05.09.2020.

References

1. **Antonyan Yu.M.** Tyazhkie put' poznaniya prestupnika // Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2017. – № 7. – С. 24–36.
2. **Gilinskii Ya.I.** Sovremennye tendentsii mirovoi kriminologii // Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2012. – № 3. – С. 5–14.
3. **Gerasimova D.A.** Ugolovno-pravovye vozzreniya Chezare Bekkaria i Ieremia Bentama // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. – 2012. – № 4. – С. 112–116.
4. **Cornish D., Clark R.** Crime as a Rational Choice [Electronic resource] // Criminological Theory: Past to Present (Essential Readings). Edited by Francis Cullen, Robert Agnew. – Los Angeles, California, 2003. – P. 278–283. Mode of access: <https://archive.org/details/delinquentboyscu00cohe/page/n3/mode/2up>. – Date of access: 05.09.2020
5. **Gurinskaya A.L.** Razvitie teorii ratsional'nogo vybora v zarubezhnoi kriminologii i ee vliyanie na ugolovnyu politiku // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. – 2010. – № 1. – С. 203–216.
6. **Selin B.N.** Genезis teoreticheskikh osnovanii prikladnoi kriminologii za rubezhom // Problemy pravookhranitel'noi deyatelnosti. – 2014. – № 3. – С. 78–82.
7. Gel'mut Kuri, vedushchii nemetskii kriminolog, o slozhnosti i neodnoznachnosti kriminologicheskikh vyvodov / s G. Kuri besedovala T.P. Budyakova; per. s nem. E.N. Merkulovoi // Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. – 2015. – Т. 9. – № 3. – С. 419–422.
8. **Khrustaleva N.S.** Psikhologiya krizisnykh i ekstremal'nykh situatsii. – Sankt-Peterburg, 2018. – 759 s.
9. **Burgess A., Holmstorm L.** Rape: Victims of crisis [Electronic resource]. – R.J. Brady Company, 1974. – 328 p. Mode of access: <https://archive.org/details/rapevictimsforc00burg/page/n7/mode/2up>. – Date of access: 05.09.2020.
10. **Kravtsova O.A.** O psikhologicheskikh posledstviyakh seksual'nogo nasiliya // Vestnik Moskovskogo universiteta. – 1999. – № 2. – С. 80–90.
11. **Robinson M.** Justice Blind? Ideals and realities of American Criminal Justice [Electronic resource] // Prentice Hall, 2002. – P. 484. – Mode of access: <https://archive.org/details/justiceblindidea0000robi>. – Date of access: 05.09.2020.
12. **Meyer G., Hayer T., Griffiths M.** Problem Gambling in Europe. Challenges, Prevention, and Interventions. – Springer, 2009. – P. 353.
13. **Комлев Ю.Ю.** Интегративная криминология как основа методологической триангуляции при изучении преступности // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 6–14.
14. **Шур Э.М.** Наше преступное общество. Социальные и правовые источники преступности в Америке: перевод с английского / Э.М. Шур; под ред. В.Н. Кудрявцева (предисл.); пер.: Ю.А. Неподаев. – Москва: Прогресс, 1977. – 326 с.
15. **Комлев Ю.Ю.** Теории девиантного поведения: учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Изд. дом АЛЕФ-ПРЕСС, 2014. – 222 с.
16. **Судакова Т.М.** Криминологическое исследование: теоретико-методологические основы // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – № 11. – С. 656–665.
17. **Barak G.** Integrating criminologies [Electronic resource]. – Allyn&Bacon, 1998. – 356 p. – Mode of access: <https://archive.org/details/integratingcrimi0000bara>. – Date of access: 05.09.2020.

(статья сдана в редакцию 27.01.2022)

**УТВЕРЖДЕНИЕ ОБВИНИТЕЛЬНОГО АКТА
(ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ)
НАЧАЛЬНИКОМ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДОЗНАВАТЕЛЯ****APPROVAL OF THE BILL OF INDICTMENT BY THE HEAD
OF THE BODY OF ENQUIRY AS A REFLECTION OF THE
PROCEDURAL POSITION OF THE INQUIRER**

УДК 343.12:343.13

М.В. БЕЛОВ,

адъюнкт

(Академия управления МВД России,
Россия, Москва)
mvbelow@yandex.ru**MAXIM V. BELOV,**

Postgraduate

(Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье анализируется смысл и значение утверждения начальником органа дознания обвинительного акта (обвинительного постановления). Исследуются функции ведомственного контроля начальника органа дознания. Делается вывод, что при производстве дознания в общем порядке и дознания в сокращенной форме утверждение итогового процессуального документа несет разную процессуальную нагрузку. Доказывается, что дознаватель – субъект, полномочный самостоятельно принимать процессуальные решения, в связи с чем не требуется утверждение его решения о постановке лица в положение обвиняемого. Доказывается необходимость расширения процессуальной самостоятельности дознавателя на этапе окончания дознания (перед направлением уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного акта (обвинительного постановления)). Утверждение обвинительного акта (обвинительного постановления) как итогового документа начальником органа дознания, в том числе заместителями начальника полиции, также не корреспондирует с процессуальным статусом дознавателя. Доказывается, что процессуальный контроль начальника органа дознания на этапе окончания дознания до настоящего времени не эффективен в части реализации полномочий, предусмотренных п. 9 ч. 1 ст. 40² Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: дознаватель, начальник органа дознания, дознание, обвинительный акт, обвинительное постановление.

Для цитирования: Белов М.В. Утверждение обвинительного акта (обвинительного постановления) начальником органа дознания как отражение процессуального положения дознавателя // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 3. – С. 94–100.

Abstract: the article analyzes the meaning and significance of the approval by the head of the body of inquiry of the indictment (indictment). The functions of departmental control of the head of the body of inquiry are investigated. It is concluded that when conducting an inquiry in the general procedure and an inquiry in an abbreviated form, the approval of the final procedural document carries a different procedural burden. It is proved that the inquirer is a subject authorized to make procedural decisions independently, in connection with which approval of his decision on placing a person in the position of the accused is not required. The necessity of expanding the procedural independence of the inquirer at the stage of the end of the inquiry (before sending the criminal case to the prosecutor for approval of the indictment (indictment)) is proved. Approval of the indictment (indictment) as a final document, the head of the body of inquiry, including the deputy chief of police, also does not correspond with the procedural status of the inquirer. It is proved that the procedural control of the head of the body of inquiry at the stage of the end of the inquiry is still not effective in terms of the implementation of

the powers provided for in paragraph 9 of Part 1 of Article 40.2 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CPC). Proposals for improving legislation are formulated.

Keywords: inquirer, head of enquiry body, enquiry, bill of indictment, indictment decision.

For citation: Belov M.V. Approval of the bill of indictment by the head of the body of enquiry as a reflection of the procedural position of the inquirer // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2022. – № 3. – P. 94–100.

Дознание как форма предварительного расследования продолжает оставаться предметом научных дискуссий. Новый импульс им придан решением законодателя предусмотреть два вида дознания: в общем порядке и в сокращенной форме [1, с. 178; 2, с. 59; 3, с. 6].

Дознание в общем порядке по основным своим характеристикам приблизилось к предварительному следствию и ускоренным производством практически не является. Дознание в сокращенной форме, введенное в 2013 г., которое должно было нести основную нагрузку по ускорению досудебного производства, до настоящего времени предполагаемых масштабов не достигло. По данным статистики (форма 1-Е) и информации Управления организации дознания ГУ МВД России по г. Москве, в 2021 году в данной форме окончено только 25,47% уголовных дел от общего числа оконченных органами дознания, в 2020 г. – 24,92%, в 2019 г. – 23,1%.

Дознание в общем порядке остается преобладающей формой дознания. Причины ограниченных объемов дознания в сокращенной форме различны. Одной из основных является процессуальная форма такого вида дознания, характеризующаяся существенным снижением уровня процессуальных гарантий как достоверности результата, так и прав и законных интересов человека.

Осторожность применения порядка, предусмотренного для дознания в сокращенной форме, объяснима и на фоне неизжитых нарушений в деятельности должностных лиц органов дознания. Так, удельный вес уголовных дел, расследованных в форме дознания территориальными органами МВД России в г. Москве и возвращенных прокурором для производства дополнительного дознания, в 2021 г. составил 4,8% (в 2020 г. – 5,9%, в 2019 г. – 7,6%), а возвращенных для пересоставления обвинительного акта в 2021 г. – 1,3% (в 2020 г. – 2,2%, в 2019 г. – 3,3%).

К сожалению, процессуальный контроль начальника органа дознания на этапе окончания дознания до настоящего времени эффективным

назвать нельзя. Изучение практики¹ свидетельствует о том, что начальники органа дознания не пользуются полномочием, предусмотренным п. 9 ч. 1 ст. 40² Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации², и не возвращают дознавателям уголовные дела для производства дополнительного дознания, пересоставления обвинительного акта или обвинительного постановления. В результате процессуальные нарушения выявляются прокурором или судом.

Причина неэффективного использования начальником органа дознания предоставленных ему законодателем процессуальных возможностей кроется в том, что фактически им не проверяются уголовные дела, оконченные производством дознавателями, функция утверждения обвинительного акта (постановления) подразумевает исключительно «разрешение» для направления уголовного дела прокурору для принятия процессуального решения, предусмотренного ст. 226, 226³ УПК РФ.

В ст. 40² УПК РФ, раскрывающей полномочия начальника органа дознания, прописано, что в органах внутренних дел Российской Федерации его полномочия осуществляют также заместители начальника полиции. К данной категории руководителей в территориальных органах внутренних дел на районном уровне³ относятся заместитель начальника полиции по охране общественного порядка и заместитель начальника полиции по оперативной работе. Указанные должностные лица в большинстве случаев фактически к работе дознания имеют косвенное отношение. Они не изучают уголовные дела, не дают дознавателю письменные указания о направлении расследования и производстве процессуальных действий. Без опыта проверки

¹ 217 уголовных дел, оконченных производством в 2021 году дознавателями территориальных отделов МВД России ГУ МВД России по городу Москве перед направлением их прокурору для утверждения обвинительного акта (обвинительного постановления) в порядке ч. 4 ст. 225 (226⁷) УПК РФ.

² Далее – УПК РФ.

³ На примере Управления внутренних дел по Юго-Западному административному округу ГУ МВД России по городу Москве (далее – УВД по ЮЗАО ГУ МВД России по г. Москве).

принятых дознавателем процессуальных решений, знания критериев допустимости собранных по уголовному делу доказательств, а также объема предоставляемых процессуальных гарантий участникам уголовного процесса (при их недостаточности) о каких процессуальных гарантиях обеспечения законности и эффективности дознания при его окончании направлением уголовного дела прокурору с обвинительным актом, обвинительным постановлением можно говорить?

Позиция начальника органа дознания по вопросу эффективности и законности расследования прежде всего выражается в принятии им решения о возможности утверждения обвинительного акта или обвинительного постановления. Однако, учитывая непрозрачную позицию законодателя относительно момента утверждения обвинительного акта в отличие от обвинительного постановления, предмет контроля и значение решения об утверждении итогового процессуального документа дознания вызывают вопросы.

Роль руководителя следственного органа, без визы которого («согласен») уголовное дело с обвинительным заключением не может быть направлено прокурору (ч. 6 ст. 220 УПК РФ), ясна: он соглашается, что расследование проведено без существенных нарушений уголовно-процессуального закона, всесторонне, полно, объективно и уголовное дело подлежит направлению прокурору. Обвинительное заключение не требует ни утверждения, ни согласования руководителем следственного органа. Следователь в нем выражает свою собственную позицию об объеме обвинения, квалификации преступления, обосновывает обвинение доказательствами. Составление обвинительного заключения как юридический факт, позволяющий включить последующие процессуальные механизмы контроля качества предварительного расследования, считается состоявшимся в момент его подписания следователем. Решение прокурора об утверждении обвинительного заключения – юридический факт, определяющий пределы судебного разбирательства. С таким утверждением неразрывно связано направление уголовного дела прокурором в суд (собственно весь смысл указания в п. 1 ч. 1 ст. 221 УПК РФ не только на утверждение обвинительного заключения, но и на направление уголовного дела в суд заключается в определении субъекта, который направляет в суд уголовное дело). Итак, руководитель следственного органа не полномочен придавать обвинительному заключению силу юридического факта. Для включения механизмов контроля – это решение следователя, для направления уголовного дела в суд – решение прокурора [4, с. 182; 5, с. 113; 6, с. 42].

При окончании дознания в сокращенной форме обвинительное постановление, с которым знакомятся участники уголовного судопроизводства, должно быть утверждено начальником органа дознания (ч. 2 ст. 226⁷ УПК РФ), тогда как при производстве дознания в общем порядке законодатель четко не обозначает позиции по вопросу о моменте утверждения начальником органа дознания обвинительного акта.

Архитектоника ст. 225 УПК РФ вроде бы свидетельствует о том, что обвинительный акт утверждается начальником органа дознания после ознакомления с материалами уголовного дела, включающими и обвинительный акт, участников процесса, имеющих на это право (ч. 4, она же последняя ст. 225 УПК РФ). Такое же предположение следует и из содержания ч. 4 ст. 225 УПК РФ. «Обвинительный акт, составленный дознавателем⁴, утверждается начальником органа дознания. Материалы уголовного дела вместе с обвинительным актом направляются прокурору». Логика есть – в одной части статьи закона обозначены взаимосвязанные действия – утверждение обвинительного акта и направление уголовного дела прокурору. Практика также склоняется к его утверждению после ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела. По результатам проведенного анкетирования сотрудников отделений дознания УВД по ЮЗАО ГУ МВД России по г. Москве установлено, что в подавляющем большинстве случаев начальник органа дознания утверждает обвинительный акт после ознакомления с ним и материалами уголовного дела всех заинтересованных участников уголовного судопроизводства.

Однако архитектура УПК РФ – далеко не единственный фактор, который подлежит учету при толковании уголовно-процессуального закона. Что-то же подвигло законодателя прямо указать на утверждение обвинительного постановления до начала ознакомления с материалами уголовного дела представителей сторон. Возможно, законодатель полагал, что в таком случае дознание можно будет завершить в более короткие сроки. Действительно, недостатки дознания с точки зрения его сроков целесообразно устранять до того, как участники ознакомились с материалами уголовного дела. Повторное ознакомление потребует времени. Однако, во-первых, смысл утверждения обвинительного акта

⁴ Надо полагать, оговорка о составленном именно дознавателем обвинительном акте сделана с учетом возможности составления обвинительного акта самим начальником органа дознания, однако в таком случае следовало в данную оговорку, наряду с дознавателем, включить и начальника подразделения дознания.

(обвинительного постановления) не в самом утверждении, а в наиболее оптимальной организации реализации функции ведомственного процессуального контроля; во-вторых, сложно найти убедительное объяснение разному процессуальному значению юридического факта утверждения обвинительного акта и обвинительного постановления. Разве замысел законодателя заключался в том, чтобы подчеркнуть существенное различие двух разных видов дознания⁵, даже если неумышленно так и получилось?

Фактически же вышло так, что утверждающая резолюция начальника органа дознания на итоговом документе имеет разное значение. При производстве дознания в сокращенной форме – это *в первую очередь* (курсив наш – М.Б.) утверждение решения, ставящего лицо в положение обвиняемого. Считать, что это утверждение итогового документа расследования, препятствует элементарная логика. Не может итоговый документ состояться и утверждаться ранее, чем завершены процессуальные действия, составляющие предварительное расследование (ознакомление с материалами уголовного дела – элемент этапа окончания предварительного расследования). Как минимум утверждение обвинительного акта не может означать принятие решения о направлении уголовного дела прокурору.

Возникает резонный вопрос: для чего утверждать решение дознавателя, ставящего лицо в положение обвиняемого, перед предъявлением обвинения? Тем более что это не требуется перед ознакомлением обвиняемого с обвинительным актом (если только замысел законодателя относительно момента утверждения обвинительного акта понят нами правильно). Утверждение обвинительного акта, напротив, несет основную нагрузку в качестве решения направить уголовное дело прокурору.

Окончательно запутывают вопрос положения чч. 8 и 9 ст. 226⁷ УПК РФ, в которых указано, что в случае удовлетворения ходатайств, заявленных участниками процесса, дознаватель вновь знакомит их соответственно с обвинительным актом или полностью с материалами уголовного дела и направляет уголовное дело с обвинительным постановлением, утвержденным начальником органа дознания, прокурору. Обратим внимание, в этих случаях лингвистическое толкование дает

⁵ На самом деле, они различаются сущностно, поскольку при производстве дознания в сокращенной форме игнорируются общие правила доказывания, например, допускается оценка непроверенных доказательств. См.: Победкин А.В. Теория уголовно-процессуального доказывания – научная фикция? (по поводу дифференциации процессуальной формы досудебного производства) // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 7. – С. 31–36.

все основания утверждать, что обвинительное постановление утверждается после повторного ознакомления участников процесса с материалами уголовного дела. Такое правило возражений не вызывает и полностью согласуется с предназначением обвинительного постановления как документа, завершающего расследование.

Вряд ли стоит специально доказывать, что окончание дознания в сокращенной форме и дознания в общем порядке снабжено разным объемом процессуальных гарантий как обеспечения прав человека, так и правильного установления обстоятельств по уголовному делу. Дознание в сокращенной форме как упрощенная форма, конечно, требует дополнительных гарантий, однако в части утверждения обвинительного постановления до ознакомления с материалами уголовного дела таких гарантий меньше. В частности, без ведомственного процессуального контроля остаются решения дознавателя об отказе в удовлетворении ходатайств, заявленных по результатам ознакомления представителей сторон с материалами уголовного дела.

Очередной вопрос: чем обусловлена необходимость утверждать обвинительный акт (обвинительное постановление), составленное дознавателем?

Выше отмечалось, что обвинительное заключение не утверждается руководителем следственного органа, он лишь соглашается на его направление прокурору. Очевидно, что разный взгляд законодателя на форму резолюции ведомственного процессуального руководителя для следствия и дознания обусловлен традиционным представлением о дознавателе как лице, не имеющем, в отличие от следователя, процессуальной самостоятельности.

Деятельность дознавателя в органах внутренних дел контролируется начальником органа дознания, начальником подразделения дознания, за ней надзирает прокурор – вести речь о процессуальной самостоятельности дознавателя, очевидно, неуместно [7, с. 19; 8, с. 198]. Однако и следователь ею фактически не обладает. Он находится в полном процессуальном и организационном подчинении руководителю следственного органа и под прокурорским надзором (хотя и ослабленным реформой 2007 г.), конституционные права ограничиваются по судебному решению. Представление о процессуальной самостоятельности следователя – рудимент теоретического мышления времен, когда следователи и в самом деле большую часть решений принимали самостоятельно, а не входили в своеобразную «постоянно действующую следственную группу», состоящую из следователя и руководителя следственного органа [9, с. 33].

Отличие процессуального положения следователя от процессуального положения дознавателя – в праве первого не выполнять отдельные указания руководителя следственного органа при условии их обжалования вышестоящему руководителю следственного органа (ч. 3 ст. 39 УПК РФ). Для дознавателя все указания любого надзирающего или контролирующего должностного лица для исполнения обязательны. Однако этого отличия явно недостаточно, чтобы считать следователя лицом процессуально самостоятельным.

Нельзя объяснить необходимость утверждения обвинительного акта (обвинительного постановления) и особым правовым положением начальника органа дознания как должностного лица, представляющего орган дознания в целом. В числе субъектов, действующих на этапе окончания дознания, нет такого, как «орган дознания». Предположить правомерность утверждения отдельных решений должностных лиц органа дознания, не являющихся дознавателями, можно лишь, если субъектом принятия решения или производства действия является орган дознания, как например, при принятии решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, задержании подозреваемого. Однако и это предположение спорно, поскольку в УПК РФ дознаватель, естественно, определяется как процессуальный субъект, а не должностное лицо. Положения п. 7 ст. 5 УПК РФ допускают разное толкование. Одно – ограничивает понятие дознавателя только теми должностными лицами, которые при осуществлении предварительного расследования полномочны еще и на другие процессуальные действия, предусмотренные УПК РФ. Другое – отождествляет «а также» с «или». В этом случае дознаватель и тот, кто, не являясь дознавателем по должности, осуществляет, например, проверку сообщения о преступлении. Последнее толкование исключает необходимость указания в УПК РФ на орган дознания как на субъект осуществления процессуальных действий или принятия процессуальных решений. Оно же опровергает необходимость утверждения процессуальных решений любых должностных лиц органа дознания начальником органа дознания, кроме прямо оговоренных случаев.

В пользу целесообразности отказаться от обозначения участника уголовного судопроизводства термином «орган дознания» свидетельствует и соотношение законодательного определения органа дознания (п. 7 ст. 5 УПК РФ) с правом задержания лица органом дознания в порядке ст. 91 УПК РФ. В самом деле, какое бы должностное лицо не осуществляло дознание (полномочное или уполномоченное), при

принятии решения о задержании оно является дознавателем. Каким образом задерживает подозреваемого орган дознания, законодатель не поясняет.

Отказ законодателя от регламентации на этапе окончания расследования полномочий начальника органа дознания по аналогии с полномочиями руководителя следственного органа, как представляется, свидетельствует о необходимости осуществления за деятельностью дознавателя более жесткого ведомственного контроля, чем за деятельностью следователя. Вероятно, законодатель руководствовался этой идеей, хотя она и не имеет зримого основания.

Решение о придании лицу статуса обвиняемого (привлечении его в качестве обвиняемого посредством вынесения обвинительного постановления или составления обвинительного акта) принимает дознаватель. Поскольку законодатель, судя по всему, допускает ознакомление обвиняемого с обвинительным актом до его утверждения начальником органа дознания, целесообразно было бы экстраполировать этот подход и на все иные случаи. Обвинительный акт (обвинительное постановление) как процессуальный акт, ставящий лицо в положение обвиняемого, приобретает юридическую силу в момент его подписания дознавателем. Утверждения и согласования это решение не требует, поскольку дознаватель объективно не менее следователя самостоятелен (фактически они оба – не самостоятельны) при принятии отдельных процессуальных решений. В самом деле, если решение дознавателя о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям не требует согласования или утверждения, какие объективные основания для подобного утверждения (согласования) решения о постановке лица в положение обвиняемого?

Несколько иначе следует смотреть на второй аспект обвинительного акта (обвинительного постановления), состоящий в том, что это документ, завершающий предварительное расследование. Собственно он и с этой стороны не требует ни согласования, ни утверждения начальником органа дознания или, как предлагает ряд авторов [10, с. 9; 11, с. 374], начальником подразделения дознания. На этапе изучения материалов уголовного дела, представленных начальнику органа дознания с обвинительным актом (обвинительным постановлением), ему предстоит решить одну основную задачу: определиться, может ли уголовное дело быть направлено прокурору. При положительном решении вопроса необходимости утверждать обвинительный акт не возникает, поскольку лицо уже поставлено в положение обвиняемого, а для направления уголовного дела

прокурору не нужна некая дополнительная легитимация обвинительного акта (обвинительного постановления). В этой связи применительно к руководителю следственного органа вопрос решен верно – он лишь дает согласие на направление уголовного дела прокурору.

Утверждение обвинительного акта (обвинительного постановления) прокурором необходимо, поскольку такое утверждение не означает его легитимации ни в качестве акта, ставящего лицо в положение обвиняемого, ни в качестве документа, завершающего расследование. Утверждением обвинительного акта (обвинительного постановления) прокурор определяет пределы судебного разбирательства. Таким образом, утверждающая резолюция прокурора направлена на определение конкретных характеристик последующей судебной процессуальной деятельности, но никак не на придание юридической силы состоявшимся процессуальным решениям.

Учитывая изложенное, в условиях действующей системы правового регулирования порядка

окончания дознания в общем порядке и дознания в сокращенной форме⁶ представляется важным в первую очередь законодательно предусмотреть, что начальник органа дознания не утверждает обвинительный акт (обвинительное постановление), а дает согласие на направление уголовного дела прокурору (после ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела). Такое законодательное решение позволит не только придать логику нормативному регулированию, но самое важное – станет значимым актом по преодолению устойчивого заблуждения о некой ущербности процессуального положения дознавателя по сравнению с следователем.

⁶ Выработка предложений по комплексному совершенствованию процессуального порядка окончания дознания не является целью настоящей статьи. Отдельные предложения в этом направлении изложены в другой работе автора. См.: Белов М.В. Процессуальный статус обвиняемого на этапе окончания дознания: формальность или гарантия обеспечения прав и законных интересов? // Алтайский юридический вестник. – 2021. – № 3 (35). – С. 120–124.

Литература

1. *Журавлева Н.М.* Актуальные проблемы процессуального порядка сокращенной формы дознания // *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии*. – 2020. – № 6-1. – С. 178–182.
2. *Гирько С.И.* Дознание в сокращенной форме: перспективы и пути расширения применения // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. – 2019. – № 3 (71). – С. 59–64.
3. *Сумин А.А.* Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // *Адвокат*. – 2013. – № 10. – С. 5–8.
4. *Закирова Э.Ф.* Утверждение прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта, обвинительного постановления) как самостоятельная стадия уголовного процесса // *Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия»*. – 2015. – Т. 11. – С. 179–185.
5. *Садиокова У.В.* О расширении полномочий руководителя следственного органа на этапе окончания предварительного расследования // *Труды Академии управления МВД России*. – 2020. – № 2 (54). – С. 110–114.
6. *Багмет А.М., Цветков Ю.А.* Кто должен утверждать обвинительное заключение? // *Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации*. – 2018. – № 4 (18). – С. 38–43.
7. *Гаверилов Б.Я.* Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // *Труды Академии управления МВД России*. – 2016. – № 1 (37). – С. 18–25.
8. *Дядченко А.А.* Проблемы законодательной регламентации процессуальных полномочий начальника органа дознания и начальника подразделения органа дознания // *Общество и право*. – 2008. – № 1 (19). – С. 197–199.
9. *Победкин А.В.* «Постоянно действующая следственная группа» в уголовном процессе России: надзор, контроль или процессуальное руководство? // *Юристы-Правоведы*. – 2018. – № 2 (85). – С. 32–38.
10. *Гришин Д.А.* Реализация принципа законности при производстве дознания: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2009. – 209 с.
11. *Стефанова Е.Ю.* Начальник органа дознания в современном уголовном процессе // *Криминалистика и новые вызовы современности (58-е криминалистические чтения): сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 17 ноября 2017 года*. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 371–375.
12. *Белов М.В.* Процессуальный статус обвиняемого на этапе окончания дознания: формальность или гарантия обеспечения прав и законных интересов? // *Алтайский юридический вестник*. – 2021. – № 3 (35). – С. 120–124.
13. *Победкин А.В.* Теория уголовно-процессуального доказывания – научная фикция? (по поводу дифференциации процессуальной формы досудебного производства) // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2013. – № 7. – С. 31–36.

References

1. *Zhuravleva N.M.* Aktual'nye problemy protsessual'nogo poryadka sokrashchennoi formy doznaniya // *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii*. – 2020. – № 6-1. – S. 178–182.
2. *Gir'ko S.I.* Doznanie v sokrashchennoi forme: perspektivy i puti rasshireniya primeneniya // *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii*. – 2019. – № 3 (71). – S. 59–64.

3. **Sumin A.A.** Sokrashchennoe doznanie: mertvorozhdennoe ditya reformatorov ugolovnogo protsesssa // Advokat. – 2013. – № 10. – S. 5–8.
4. **Zakirova E.F.** Utverzhenie prokurorom obvinitel'nogo zaklyucheniya (obvinitel'nogo akta, obvinitel'nogo postanovleniya) kak samostoyatel'naya stadiya ugolovnogo protsesssa // Uchenye zapiski Kazanskogo filiala "Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya". – 2015. – T. 11. – S. 179–185.
5. **Sadiokova U.V.** O rasshirenii polnomochii rukovoditelya sledstvennogo organa na etape okonchaniya predvaritel'nogo rassledovaniya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2020. – № 2 (54). – S. 110–114.
6. **Bagmet A.M., Tsvetkov Yu.A.** Kto dolzhen utverzhdats' obvinitel'noe zaklyuchenie? // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii. – 2018. – № 4 (18). – S. 38–43.
7. **Gavrilov B.Ya.** Dosudebnoe proizvodstvo po UPK RF: kontseptsiya sovershenstvovaniya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2016. – № 1 (37). – S. 18–25.
8. **Dyadchenko A.A.** Problemy zakonodatel'noi reglamentatsii protsessual'nykh polnomochii nachal'nika organa doznaniya i nachal'nika podrazdeleniya organa doznaniya // Obshchestvo i pravo. – 2008. – № 1 (19). – S. 197–199.
9. **Pobedkin A.V.** "Postoyanno deistvuyushchaya sledstvennaya gruppa" v ugolovnom protsesse Rossii: nadzor, kontrol' ili protsessual'noe rukovodstvo? // Yurist'-Pravoved". – 2018. – № 2 (85). – S. 32–38.
10. **Grishin D.A.** Realizatsiya printsipa zakonnosti pri proizvodstve doznaniya: spetsial'nost' 12.00.09 "Ugolovnyi protsess": dis. ... kand. jurid. nauk. – Ryazan', 2009. – 209 s.
11. **Stefanova E.Yu.** Nachal'nik organa doznaniya v sovremennom ugolovnom protsesse // Kriminalistika i novye vyzovy sovremenosti (58-e kriminalisticheskie chteniya): sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 17 noyabrya 2017 goda. – Moskva: Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2018. – S. 371–375.
12. **Belov M.V.** Protsessual'nyi status obvinyaemogo na etape okonchaniya doznaniya: formal'nost' ili garantiya obespecheniya prav i zakonnykh interesov? // Altaiskii yuridicheskii vestnik. – 2021. – № 3 (35). – S. 120–124.
13. **Pobedkin A.V.** Teoriya ugolovno-protsessual'nogo dokazyvaniya – nauchnaya fiktsiya? (po povodu differentsiatsii protsessual'noi formy dosudebnogo proizvodstva) // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2013. – № 7. – S. 31–36.

(статья сдана в редакцию 14.04.2022)

К сведению авторов

На страницах журнала освещаются вопросы юридической науки, уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-разыскного, уголовно-исполнительного, административного, миграционного законодательства, передовой опыт борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Статьи должны отражать наиболее актуальные темы правоохранительной деятельности, затрагивающие проблемы и предлагающие пути их решения. Статьи, имеющие слабый научный аппарат, к опубликованию не принимаются.

В соответствии с международными требованиями статья должна содержать:

на русском языке: название статьи, фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью, должность, ученую степень и звание. Полное наименование организации (в скобках – сокращенное), город, телефон, электронный адрес. Аннотацию (150–250 слов), ключевые слова (5–7 слов или словосочетаний), список литературы, на которую ссылается автор. Данная информация должна быть представлена на английском языке, за исключением ФИО автора (авторов) и списка литературы, которые транслитерируются.

Текст статьи должен быть набран на компьютере в текстовом редакторе Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25. Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов. Объем статьи 8–20 страниц машинописного текста (стандартная страница – 1800 знаков с пробелами, включая таблицы, рисунки и список литературы). Статья представляется в редакцию в электронном (диск, электронная почта) и распечатанном виде. Файл, содержащий статью, называется по фамилии автора.

Список литературы приводится в конце статьи. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы, а через запятую – номер страницы (например, [3, с.25]). Обязательно указываются следующие данные: для книг – фамилия и инициалы автора (редактора), название книги, место издания (город), год издания; для журнальных статей – фамилия и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, номер, выпуск, страницы (первая и последняя).

Статья должна быть вычитана и подписана автором (авторами) следующим образом: «Материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Не возражаю против размещения моей статьи в электронной библиотеке». Далее ставится дата и подпись. Статьи соискателей, адъюнктов и аспирантов визируются научным руководителем. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать и сокращать статьи. Отклоненные редакцией материалы не рецензируются и не возвращаются.

Направляя статью для опубликования в журнале, автор (соавторы) безвозмездно предоставляет редакции журнала «Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина» неисключительные права на использование данной статьи, в том числе на неограниченное её распространение любым способом, включая создание её электронного варианта для размещения в локальной сети Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, а также в сети Интернет (на сайте института, в научных электронных библиотеках и т.д.), с целью доведения статьи до всеобщего сведения и выполнения требования ВАК при Минобрнауки России об информационной открытости научной периодики.

Статьи, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала по согласованию с автором.

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объем статей и принимать решение о включении их в журнал. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала.

Ответственность за достоверность фактов несут авторы статей.

Научные публикации, включенные в журнал, представляют точку зрения автора на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии журнала.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и размещается в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка»

eLIBRARY.RU

